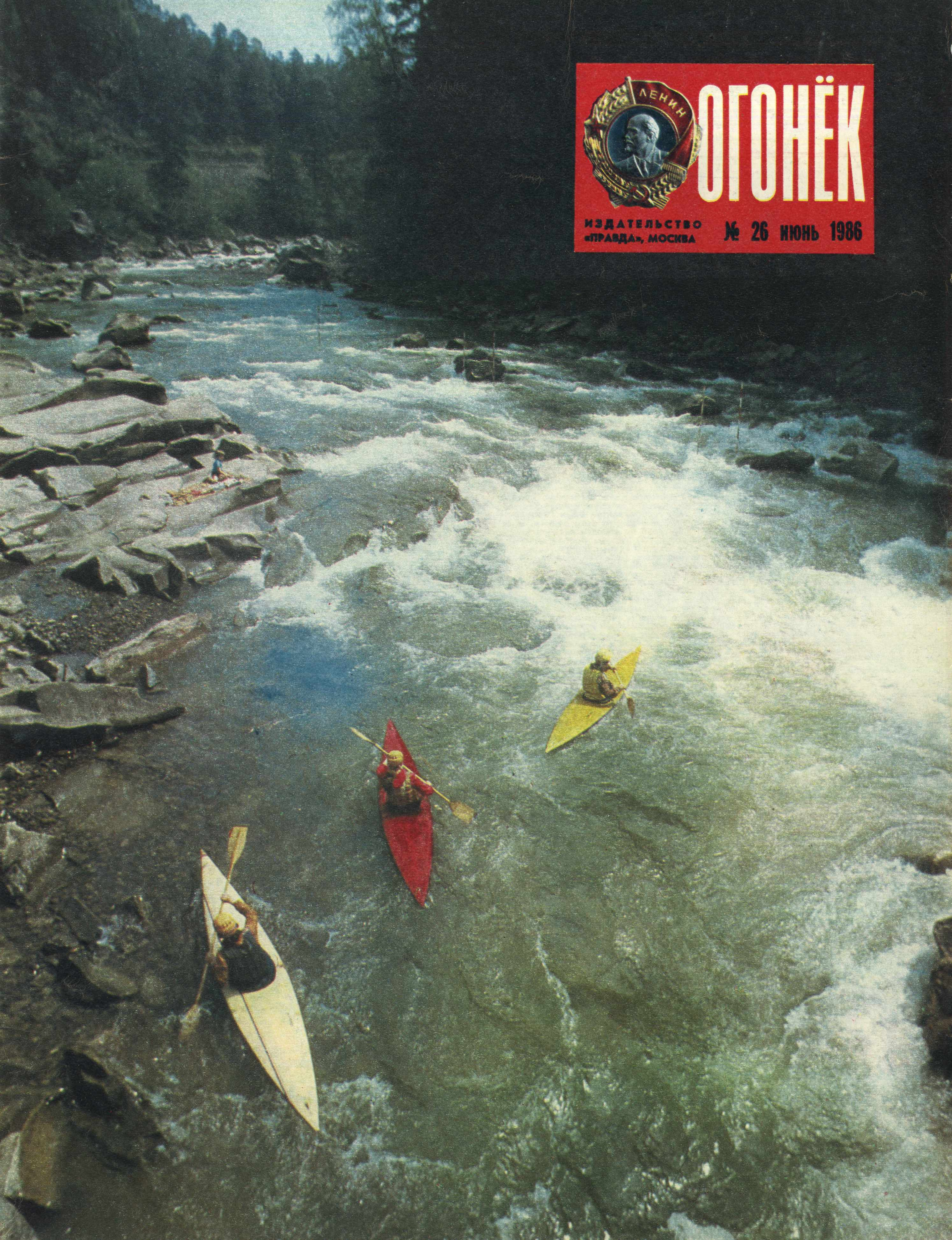

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1986

XII пятилетка: энергия действий

—Ч

Что значит работать по совести и чести?

— Я понимаю так: по совести — сделать деталь без изъяна, чтобы человек, взяв ее в руки, видел, как она хороша, и чтоб работалось с ней легко. А честь по большому счету — это прежде всего гордость за свой завод. Приятно ведь, если предприятие, на котором ты работаешь, не получает рекламаций...

Таким был ответ на мой вопрос оператора московского инструментального производственного объединения «Фрезер» Сергея Мельникова.

Когда я пришла на один из комсомольско-молодежных участков автоматизированной обработки, ребята еще не обсуждали Обращения ЦК КПСС к трудящимся Советского Союза, но каждый, с кем мне довелось говорить, сам по себе прочитал его, многие с карандашом в руках, и решил для себя, что он может и должен сделать, чтобы внести свой вклад в досрочное выполнение планов цеха, завода, страны.

Вот что говорили молодые рабочие:

ТОКАРЬ СЕРГЕЙ БОНДАРЬ. Очень своевременное обращение. Многим из нас кажется, вроде бы все мы работаем хорошо, и о каком ускорении может идти речь, но, если подумать как следует, посмотреть каждому на свой труд со стороны, окажется, что просто необходимо и есть возможность работать лучше. Приходим мы в магазин и нередко расстраиваемся: того нет, другого или есть нужная вещь, но она нам не нравится. А кто в том виноват? В первую очередь мы сами. Любое дело зависит от каждого из нас, и если все мы проникнемся сознанием того, что надо на своем месте добиваться высокого качества каждой детали не на словах, а на деле, полной мерой отвечать за свою продукцию, то и расстройств будет меньше. Взять нашего бригадира Юрия Гавриловича Лысова. Отличный мастер и человек. Для нас что отец родной. И пожурит, и строго спросит, и похвалит, если дело на совесть сделаешь. Коллектив у нас молодой, есть у нас силы для того, чтобы производительность на каждом рабочем месте повышать, план перевыполнять, есть и желание осваивать новую технику, разобраться в ней так, чтобы, если что не заладилось, справиться собственными силами. Бригада наша словно семья. И это тоже идет от Юрия Гавриловича.

ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГ СЕРГЕЙ ТИМОХОВ. На своем опыте я убедился, что познать современное оборудование, в частности станки с ЧПУ, не так уж сложно. Просто надо постоянно следить за всем новым, что появляется не только у нас, но и за рубежом, изучать интересный опыт, брать на вооружение все, из чего можно извлечь пользу для дела. Сегодня мы много говорим об ускорении, росте производительности труда. На мой взгляд, нужно оптимально использовать резервы: рабочее время, сырье, оборудование. Стремиться делать не больше, а качественнее. Мы это можем. Второй год у нас на «Фрезере» следят за качеством представители Госстандарта СССР. Почти вся продукция идет сегодня с первого предъявления.

БРИГАДИР ЮРИЙ ГАВРИЛОВИЧ ЛЫСОВ. Все изделия мы сдаем с первого предъявления. У меня личное клеймо. Хоть сегодня можно присвоить такое же двум Сергеям — Бондарю и Мельникову. Доверяю им как себе. Бондарь помогает мне как коммунист воспитывать недавно пришедшую в бригаду молодежь. Фотография Мельникова не сходит с Доски почета. «Фрезер» взял на себя высокие обязательства — выполнить план двух лет двенадцатой пятилетки к 70-й годовщине Великого Октября, а пятилетку, значит, досрочно. Мои ребята не подведут.

Можно верить этим словам. Не подведут! Потому как сам Юрий Раврилович Лысов для ребят лучший пример. В суровом сорок третьем пришел на «Фрезер». Как самую дорогую награду хранит он медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», полученную пятнадцатилетним мальчишкой. Самоотверженный порыв тех лет сохранил и в мирные годы. Кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, он и сегодня не может стоять в сторонке, учит молодежь работать с полной самоотдачей...

Экзамен первого года двенадцатой пятилетки рабочие «Фрезера» готовятся выдержать успешно.

З. КРЯКВИНА

За пять минут до начала смены.

Фото С. ПЕТРУХИНА

ВЫДЕР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (3075)

28 ИЮНЯ — 5 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986.

ЖАТЬ ЭКЗАМЕН

VIII съезд Союза писателей СССР начал работу.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

СЛУЖИТЬ ИНТЕРЕСАМ НАРОДА

24 июня в Москве, в Большом Кремлевском дворце, начал работу VIII съезд писателей СССР. Его делегаты обсуждают задачи художников слова на современном переломном этапе развития страны.

Аплодисментами встретили делегаты и гости товарищей Горбачева М. С., Алиева Г. А., Воротникова В. И., Громыко А. А., Зайкова Л. Н., Лигачева Е. К., Рыжкова Н. И., Соломенцева М. С., Шеварднадзе Э. А., Демичева П. Н., Долгих В. И., Талызина Н. В., Бирюкову А. П., Добрынина А. Ф., Зимянина М. В., Медведева В. А., Никонова В. П., Яковлева А. Н., Капитонова И. В.

С отчетным докладом правления Союза писателей СССР выступил первый секретарь правления Г. М. Марков.

КУРСОМ В ТУНЦЗЯН

Из Хабаровска недавно вышел теплоход СТ-532 и направился в китайский город Тунцзян.

— Почти четверть века не заходили наши суда в порты соседней страны,— сказал Виктор Тимофеевич Кондратенко.— И вот после столь длительного перерыва транспорты Амурского речного пароходства пошли водами Сунгари. А встречным курсом спускаются китайские суда. В порту Нижне-Ленинское они будут брать лес. Мы же повезем китайскую сою. Возобновлению речных перевозок послужило увеличение торгового оборота, что расценивается речниками как один из реальных шагов на пути восстановления дружеских, добрососедских отношений.

— Края и области Дальнего Востока ведут в рамках Министерства внешней торговли приграничную торговлю с южным соседом — Китайской Народной Республикой,— отметил заведующий отделом прибрежной торговли Хабаровского крайисполкома Николай Иванович Селютин.— На первых порах с нашей стороны был предложен ассортимент товаров порядка двухсот наименований. Мы поставляем соседу холодильники, мотоциклы, мотолодки, стиральные машины, строительные материалы, удобрения. Получаем бельевой трикотаж, махровые полотенца и простыни, меховые головные уборы и знаменитые китайские термосы. Пока торгуем с двумя приграничными провинциями, надеемся, что в скором будущем их число увеличится.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

Рулевой теплохода СТ-532 В. Кораблев и капитан В. Кондратенко.

ПЕВЦУ РОССИИ

Есенинская аллея на Ваганьковском кладбище. Нескончаемый поток людей, спешащих поклониться памяти любимого поэта. Та самая «народная тропа», которая не зарастает со скорбного декабрьского дня 1925 года, когда Москва хоронила «великого национального поэта». Жива память о Есенине, вечна любовь к его поэзии.

Об этом думалось и об этом говорилось в минуты, когда на могиле певца России торжественно открывали памятник Есенину. Новый памятник.

...Как странно выглядят здесь, на кладбище, микрофоны, телевизионные камеры. Ветер разносит Слово о поэте, его лирические строки о Жизни, о Вечности, о радости бытия, которые читают московские литераторы. А вокруг сотни почитателей его таланта, внимательно слушающих каждое слово. Торжественный акт открывает председатель Всесоюзной есенинской комиссии С. Михалков. Писатели Ю. Прокушев, О. Гончар, А. Марков, В. Золотов, Л. Ошанин, министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев, племянница поэта Т. Флор-Есенина говорили о непреходящем значении творческого наследия поэта именно сегодня, в наш быстротекущий век научно-технической революции, об актуальности его стихов о Родине, о любви к природе, ко всему живому, о человеческом в человеке.

Спадает покрывало, и взору собравшихся предстает пронзительной чистоты юный, красивый, благородный облик Сергея Есенина. Скульптурная полуфигура, выполненная из белоснежного мрамора, установлена на основание из серо-голубого гранита. Авторы памятника-надгробия — народный художник РСФСР скульптор А. Бичуков и архитекторы К. Мурашов и Н. Ковальчук.

Памятник великому поэту на Ваганьковском кладбище — дань любви и уважения бессмертной музе Сергея Есенина.

Ф. ПОКРОВСКИЙ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

ВНИМАНИЕ: ТРАНССИБИРСКИЙ ЭКСПРЕСС

«Огонек» выступил. Что сделано?

В статье В. Засеева «Россия» сокращает расстояния» («Огонек» № 10, 1986 г.) рассказывалось о поезде, следующем по самому длинному маршруту: более девяти тысяч километров экспресс «Россия» проходит менее чем за шесть суток. Проделав путь от Владивостока до столицы, автор заметил немало недостатков в дорожном сервисе: перебои в обеспечении пассажиров свежими газетами, отсутствовала торговля необходимыми в пути товарами, сувенирами, путеводителями. Пассажиры хотели бы побольше узнать о городах, мимо которых проходит поезд, сохранить на память о путешествии значки, открытки. В статье затронуты вопросы повышения квалификации проводников, а также престижа их профессии.

Статья была рассмотрена Дирекцией международных и туристских перевозок МПС. Начальник дирекции Е. Дурдин сообщил о принятых мерах по устранению отмеченных недостатков.

Предусматривается обновление постельных принадлежностей, организуется продажа сувениров и галантерейных товаров во всех фирменных составах «России». Работники привокзальных отделений связи получили указание принимать телеграммы от пассажиров поезда «Россия» в первую очередь. В Госкомиздат СССР направлено письмо с просьбой издать специальный путеводитель, но оттуда сообщили, что в ближайшее время такого путеводителя не будет... Жаль, что пассажиры по-прежнему будут лишены интересной информации.

Организованы курсы для проводников. Занятия проводятся по специальной программе с учетом специфики маршрута.

Заместитель начальника Главного управления по распространению печати Министерства связи РСФСР Л. Коротченко сообщил, что в настоящее время пересмотрено время работы киосков, расположенных на перронах. Дополнительно установлены полуавтоматы по продаже газет на вокзалах Красноярска, Перми, Владивостока, заменены полуавтоматы на вокзале Иркутска, в ближайшее время они будут установлены на тюменском вокзале. Планируется выпуск открыток с видами городов, а также специального комплекта открыток «По маршруту поезда Москва — Владивосток». Налажен контроль за периодическими изданиями для поезда «Россия».

Журнал «Огонек» учредил переходящий кубок, который будет вручаться лучшей поездной бригаде экспресса «Россия» по итогам работы за квартал с присуждением Дирекцией международных и туристских перевозок МПС денежной премии.

Итоги социалистического соревнования подводятся один раз в квартал по балльной системе на совместном заседании руководства, партийного бюро, цехового комитета и комитета ВЛКСМ резерва проводников Московской железной дороги. При этом учитываются письма пассажиров в редакцию журнала «Огонек» с оценкой работы поездных бригад экспресса «Россия».

Бригаде, занявшей первое место, вручается переходящий кубок журнала «Огонек», премия 1200 рублей и годовая подписка на журнал.

Бригаде, занявшей второе место, вручается переходящий вымпел, премия 800 рублей и годовая подписка на журнал.

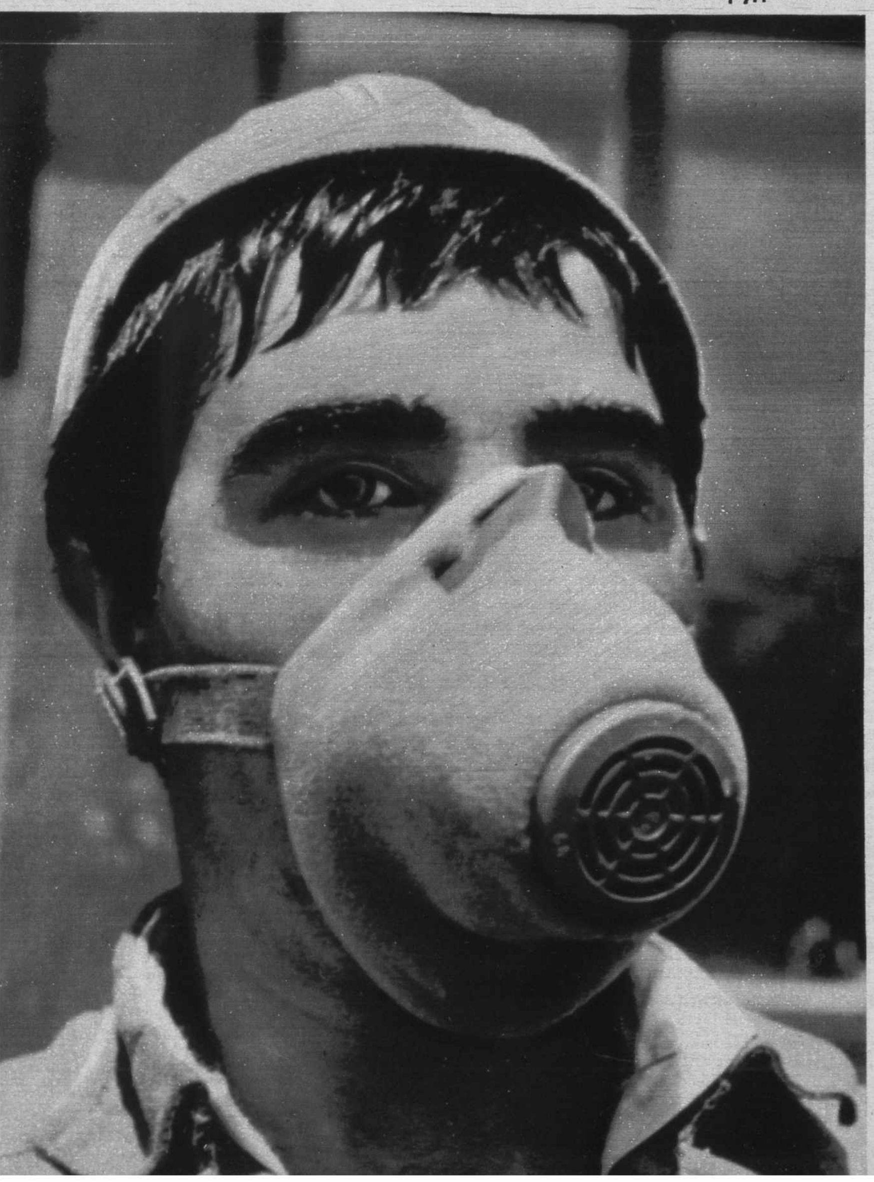
Бригаде, занявшей третье место, вручается переходящий вымпел и премия 500 рублей.

Город Припять.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА и автора,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЧЕРНОБЫЛЬ БОРЕТ

После трудного боя.

Горько вспоминать о случившемся.

СЯ, ЧЕРНОБЫЛЬ ПОБЕДИТ!

ДЕНЬ У ЧЕТВЕРТОГО БЛОКА

Большое поле на окраине Чернобыля стало и аэродромом, и складом. Именно отсюда поднимались те вертолеты, которые первыми начали сбрасывать на аварийный реактор мешки с песком, бором, доломитом и тяжеленные свинцовые бруски. На всякий случай запас балласта пополнили, и пирамиды этого груза до сих пор там и сям лежат на поле.

— Однажды мне пришлось висеть над реактором двенадцать минут,—рассказывает старший лейтенант Виктор Копысов.— Дело прошлое, но ощущение было такое, будто снизу палит зенитная батарея. И хотя сиденья облицованы свинцом, хотя приборы показывают допустимую дозу облучения, все равно как-то не по себе.

— Двенадцать минут над реактором — это, конечно, серьезная работа,— вступает в разговор капитан Григорий Говтвян.— Я над реактором не висел, но десятки раз пролетал в сорока метрах от него: ходил на радиационную разведку. Четырнадцать месяцев был в Афганистане, сделал пятьсот двадцать боевых вылетов, четыре раза был сбит, падал на землю в горящем вертолете, короче говоря, хорошо знаю, что это значит — быть на волосок от смерти. И хотя здесь никто не стреляет, первые вылеты дались непросто... Потом освоились, привыкли, научились следить не только за приборами, показывающими скорость и высоту, но и за стрелкой дозиметра. Здесь этот прибор главный. Иной раз приходится попадать в зону, где излучение исчисляется не миллирентгенами в час, а десятками рентген, но если проскочить ее за несколько секунд, само собой, сделав свою работу, то при пересчете на часы получится ерундовая цифра. Так что не верьте краснобаям, а такие, к сожалению, встречаются, которые говорят, что работают и живут в обнимку со смертью, что сами не понимают, почему до сих пор не страдают острой формой лучевой болезни... Мы, боевые летчики, знаем цену риска и если куда-то зачем-то летим, значит, просчитали все варианты, чтобы, как говорят авиаторы, количество взлетов всегда равнялось количеству посадок. Ну да ладно, моя машина готова. Летим на радиационную разведку.

И вот мы в воздухе. Колосятся поля, привольно раскинулись поселки, змеятся дороги. А вот и зеркало Припяти. Река здесь практически не течет: берега обвалованы, некоторые участки перекрыты дамбами. Еще минута — и под нами АЭС. Недостроенный пятый блок, административно-бытовой корпус, стройные сооружения первого и второго блока. Третий блок. Труба в ажурном переплете и... в каких-то сорока метрах четвертый блок.

Честно говоря, к этой встрече я готовился довольно тщательно. Сколько услышано, прочитано, увидено фотографий, к тому же я хорошо знал, что реактор разрушен, что он горяч, что время от времени дает опасные выбросы. Черт его знает, в какой момент он фукнет?! Но мы кружим вокруг реактора, и ничего, кроме разрушенной крыши и разбитых стен, не видно. В том-то и коварство! Стрелка дозиметра стремительно ползет вправо, приближаясь к опасной черте, но пилот уводит вертолет чуть в сторону—и стрелка двинулась влево. Так мы и играли с этой стрелкой, как потом оказалось, двадцать три минуты.

Григорий посадил свой МИ-8 на другой аэродром, где базируются огромные МИ-26. У этих вертолетов задача иная. Уже много раз говорилось, что самое опасное в районе АЭС — это пыль. Если улицы и дороги можно поливать, то как быть с песчаными берегами рени и водохранилища, как быть с крышами АЭС и огромным двором промбазы, заваленным плитами, блоками и другими строительными материалами? Выход был найден. Ученые-химики разработали и быстро изготовили специальную жидкость. Попадая на любую поверхность, она превращается в тонкую, необычайно прочную пленку, которая намертво схватывает и пыль, и песок, и все остальное. Распыляют эту жидкость вертолеты.

Когда я спросил, как это делается, командир переглянулся с другими членами экипажа и сказал:

— Одно место в кабине найдется. Если хотите, то...

Я захотел.

Шесть большущих автоцистерн заканчивали заправку МИ-26 той самой жидкостью. Майор А. Я. Матюшок занял левое кресло, в правое сел его помощник, уже знакомый мне старший лейтенант В. А. Копысов, сзади командира борттехник капитан А. А. Лопанский, а справа от него штурман старший лейтенант Е. Н. Кудрявцев. Я пристроился на откидной скамеечке между командиром и помощником. Обзор великолепный!

Тяжело, очень тяжело отрывается машина, ведь в баках около двадцати тонн «бурды» — так называют летчики жидкость, настоящее название которой невозможно выговорить. Двенадцать минут полета — и мы у четвертого блока. На этот раз прошли еще ближе, кажется, протяни руку — и дотронешься до реактора. Спросил, сколько метров. Оказалось, тридцать. Но наша цель не четвертый блок, а крыша третьего, двор промбазы и берег Припяти.

Командир взял управление на себя, заложил крутой вираж, обошел все цели и увел машину в сторону, как я понял, на стартовую позицию.

— Штурман, включить насосы! — приказал командир.

— Есть.

— Руководитель полетов,— запросил командир по радио,— я в районе объекта. Разрешите работу?

— Разрешаю.

— Командир, скорость семьдесят, высота шестьдесят,— доложил помощник.

— Понял. Штурман, слив! — бросил командир.

Из брюха вертолета потянулся шлейф коричневой жидкости. Шестьдесят метров—это ниже крыши блока, высота которого семьдесят, а труба вообще где-то над нами. Внизу столбы, провода линии электропередач... Да-а, от искусства командира здесь зависит все: и успех работы, и жизнь экипажа. Не дай бог чихнет мотор: на этой высоте уже ничего не сделать. А вынужденную посадку на таком расстоянии от реактора лучше не делать...

— Командир, работу закончил,— доложил штурман.

— Добро! Выход из зоны! — выдохнул командир и передал управление помощнику.— Вот так и работаем,— улыбнулся он.— Туда-сюда, туда-сюда, десять вылетов в день. По расписанию летаем, как в Аэрофлоте.

— И давно?

— С пятого мая.

— А откуда прибыли?

— Из Забайкалья.

— Ого! Скажите, командир, а вам приходилось видеть результаты своего труда?

— Не понял.

— Ну, эту пленку... Надежная она?

— Говорят, надежная. Но я не видел. И не увижу. Для этого надо пройтись по крыше или прогуляться по пляжу. А там... Нет, это невозможно.

— Извини, командир,— вмешался в разговор штурман,— но одно местечко есть. Я бы и сам там прогулялся, да не пустят.

— Что за местечко?

— Припять. Мы же обрабатывали улицы и площади этого города.

Вертолет изменил курс, и через две минуты мы оказались над светлым, уютным, прекрасно спланированным городом. И ни души, ни одной живой души. Город без людей, без несущихся машин, без какого-либо движения — картина угнетающая. Не знал я тогда, что через сутки мне представится возможность пять часов провести в этом городе, что буду ходить по этим улицам и даже подниматься в покинутые квартиры.

* * *

В тот же день по иронии судьбы, побывав над реактором, я оказался под ним. То, что на территории АЭС работают шахтеры, мне было известно, но что именно делают и зачем, толком не знал. На все эти вопросы ответил министр угольной промышленности УССР Н. С. Сургай.

— Уже третьего мая первый десант шахтеров высадился в Чернобыле,— рассказывает Николай Сафонович.— Задача стояла очень сложная: из района третьего блока пробить штрек под фундамент четвертого блока, выбрать несколько тысяч кубометров грунта и расчистить нишу для сооружения фундамента будущего саркофага, или, как его называют, могильника, который накроет аварийный реактор.

— Как я понял, штрек должен пройти под фундаментом третьего блока. Это не опасно?

— Нет. Мы зарылись так глубоко, что обеспечили полную безопасность и зданию, и себе. Сначала вырыли большой котлован, а из него с помощью метростроевского проходческого щита пошли вперед. Шестнадцатого мая поставили первые тюбинги, а сейчас сто тридцать пять метров штрека пройдено и работы ведутся прямо под аварийным реактором. Больше того, треть подушки, так мы называем фундамент, уже готова. Это очень сложное сооружение. Дело в том, что подушка отнюдь не монолитная плита, а своеобразный холодильник. Как он устроен? Покажем. Как раз сейчас едет очередная смена, так что приглашаю.

Такого я еще не видел, хотя в шахтах бывал десятки раз. Горняки одеты в ослепительно белые костюмы, белые шапочки, и респираторы тоже белые. По опыту знаю, что работающие здесь люди не любят, когда их расспрашивают, не побывав вместе с ними в зоне, не оказавшись под одним огнем. Этот фронтовой термин в условиях Чернобыля вполне уместен.

Вышли из автобуса, миновали проходную, а пропуска здесь проверяют очень придирчиво, и оказались во внутреннем дворе АЭС. Прошли мимо первого, второго блока, а вот и стена третьего. Все чаще встречаются дозиметристы, уровень радиации замеряется постоянно: здесь он, конечно, гораздо выше, чем в Чернобыле. Дощатый трап ведет в глубокий котлован. А там невероятная суета: размахивает ковшом экскаватор, с натугой упирается грудью в отвал бульдозер, будто игрушку, поднимает наверх огромное бетонное кольцо мощный кран. Здесь же снуют десятки людей. Все потные, мокрые, рубахи хоть выжимай.

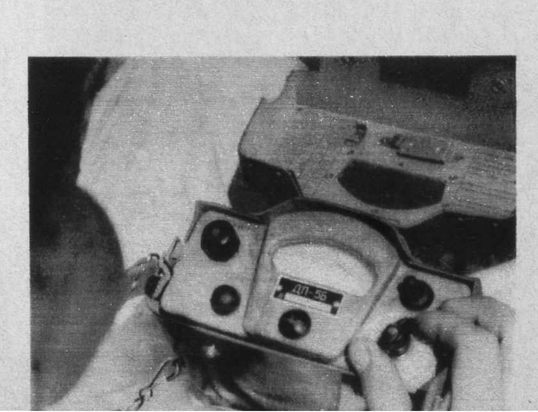
— Поберегись!—раздался крик. И из штрека показалась вагонетка. Толкали ее два взмокших, перепачканных парня. Песок тут же вывалили, бульдозер отгреб его в сторону, а экскаватор выбросил из котлована.

Ребята один за другим нырнули в штрек, я — за ними. Идти приходится согнувшись, а когда летит вагонетка, прижимаешься к стене. По этим же рельсам со скреже-

День и ночь кипит работа под четвертым блоком. У Виктора Мелкозерова и Владимира Доронкина короткая передышка.

Радиация в пределах нормы.

том тащат металлические тумбы и хитроумно сваренные трубы.

— Что это? — спросил я.

— Потом,— ответил кто-то.— Доберемся до места, расскажу.

Но вот слабо освещенный штрек кончился, и мы оказались в просторной нише. Даже разогнуться можно.

— Где мы?

— Прямо под реактором.

— Вы серьезно?

— Конечно,— улыбнулся Сергей Компанец.— А что, страшновато?

— Есть немного.

— Здесь чисто. До днища реактора несколько метров земли и вот эта бетонная плита.

— Та самая, которая является фундаментом всего здания?

— Она. А вот будущая подушка,— подхватил Юрий Чукаев.— Видите, она пронизана трубами, мы их называем регистрами. По этим трубам потечет жидкий аммиак, так что подушка будет и фундаментом, и холодильником. А охладить реактор — одна из основных задач.

Грохочет отбойный молоток, клацают лопаты, глухо тюкают топоры, вспыхивают огни сварки, постукивают на стыках колеса вагонеток... Дышать все труднее. Я тоже стал мокрый, белый костюм заметно потемнел.

— Не удивляйтесь,—заметил Валерий Комов.— Вентиляции здесь практически нет.

— Почему?

— Чтобы с воздухом не втащить радиоактивную пыль. Работать, конечно, трудновато, поэтому смена у нас всего три часа.

— Больше не выдержать?

— Выдержать можно, но производительность упадет. А здесь дорога каждая минута, не случайно мы работаем круглосуточно, без праздников и выходных.

— А почему сейчас в простое?

— Это не простой. Технология такая. Мы давно могли бы выгрести всю землю из-под плиты фундамента, но тогда она повиснет над пустотой и треснет, а то и переломится пополам. Поэтому мы делаем заходки по шесть метров, следом идут арматурщики, монтажники регистров и бетонщики. Залили выбранную нишу по самый потолок, идем дальше. Проходческая техника тут образца тридцатого года: отбойный молоток, кирка, лопата и вагонетка.

— Не тяжело после рычагов комбайна?

— Ничего. Шахтеры — народ привычный. Мы можем и на кнопки нажимать, а надо — возьмем лопату.

Этот разговор происходил прямо под центром реактора, там даже меточка была. И вдруг у меня мелькнула сумасшедшая мысль.

— А можно попросить сувенир? — спросил я.

— Смотря какой.

— Самый дорогой! Вы понимаете,— замялся я,— у нас в редакции есть небольшой музей. Чего только нет на его стендах: образцы руды, редкие книги и даже чучело пингвина. Все это привезли наши корреспонденты. Можно, я отколю кусочек бетона и возьму горсть земли из-под центра аварийного блока?

— Пожалуйста.

Я схватил отбойный молоток, и через секунду кусочек бетона и горсть земли, завернутые в мешковину, были у меня в кармане.

— А что, неплохой сувенир,— улыбнулся Валерий.— Чтобы его иметь, надо побывать под реактором. Пожалуй, в день отъезда я тоже сделаю себе такой подарок.

Полтора часа провел я тогда в этой необычной шахте, не выкатил ни одной вагонетки, не брал в руки лопату, но устал дьявольски. А каково ребятам! Когда закончилась смена и мы выбрались наружу, я искренне пожал руки слесарю-монтажнику Виктору Мелкозерову, электрику Владимиру Доронкину, шахтерам Сергею Компанецу, Юрию Чукаеву и Валерию Комову. Они приехали в Чернобыль из разных концов страны, они опытнейшие мастера своего дела, их с нетерпением ждут на родных шахтах и заводах, но эти люди знают: сейчас они нужны здесь, на переднем крае, поэтому пошли в «бой» добровольно.

— Вы не думайте, что попасть сюда так просто,— сказал на прощание Сергей.— У нас на шахте очередь. Так что ребята считают дни, когда я вернусь, чтобы тут же заменить в этом штреке.

Позже я видел, как у шахтеров организовано, извините за официальное определение, моральное и материальное поощрение. Когда смена выбралась из штрека, помылась, переоделась и сытно пообедала, к шахтерам пришел министр. Николай Сафонович, его заместители, начальники главков, руководители НИИ и других организаций всегда рядом, они живут в Чернобыле, здесь же их штаб. Сами понимаете, как оперативно и четко решаются проблемы, если руководители в двадцати минутах езды от штрека. А если надо, они спускаются под землю и решения принимают на месте.

Отличившихся, а отличились практически все, министр поздравил, вручил грамоты, ценные подарки, объявил, что всем причитается денежная премия, и, пожимая руки, говорил, что каждый из них — кандидат на представление к знаку «Шахтерская слава». А эта награда у горняков одна из самых почетных.

* * *

Не знал я, прощаясь с шахтерами, что через несколько часов снова буду на АЭС. Еще в день приезда в Чернобыль я обратил внимание на стрелку-указатель у дороги: «Пионерлагерь «Сказочный». О том, что там живут рабочие, инженеры и техники, обслуживающие АЭС, я уже знал, хотел познакомиться с ними поближе, но события закрутили, завертели... Словом, в пионерлагерь я приехал лишь через три дня. Ухоженная территория, напоенный хвойным ароматом воздух, спокойно прогуливающиеся люди... Даже не верится, что в получасе езды отсюда поврежденный реактор.

Доска объявлений. Коротенькие записки, кто-то кого-то ищет, сообщает, где он сам. Так получилось, что во время эвакуации из Припяти не все смогли сообщить свои новые адреса, кто-то был на работе, кто-то в командировке или отпуске, и вот теперь люди ищут друг друга.

Я думал, что придется долго уговаривать, чтобы меня взяли на смену, но в парткоме этот вопрос решили мгновенно. И вот уже еду в облицованном свинцом автобусе. Дорога знакомая. Окна задраены наглухо, но уже не так жарко, как в первую поездку на АЭС: значит, привык, значит, все волнения и опасения позади.

Миновали порыжевший от выбросов лес, мост, канал, а вот административно-бытовой корпус, знакомая проходная, и через несколько минут я оказался в просторном, светлом зале, где размещен центральный щит управления. Картину я застал, прямо скажем, необычную. Один парень, обливаясь потом, что есть духу крутил педали велотренажера, а другой из последних сил подтягивался на перекладине.

— Ну и ну,— удивился я.— Это что же, производственная гимнастика?

— Ага,— кивнул велосипедист.

— В нашем деле без спорта нельзя,— переводя дыхание, заметил гимнаст.— Сидишь целый день в кресле и не сводишь глаз со стрелок и датчиков. И растолстеть можно, и внимание ослабевает. Вот мы и завели тренажеры.

Начальник смены В. М. Игнатенко начал было с карандашом в руках отвечать на мои вопросы, а потом вдруг резко поднялся и сказал:

— Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать, так? Пойдемте к реактору первого блока, и я покажу все на месте. Он, кстати, точно такой же, как и четвертый, только установлен несколько иначе.

Длинные коридоры, переходы, лестницы, толстенные металлические двери, узкий трап, ведущий вниз, и вот мы в огромном, пустом зале. Совершенно пустом, если не считать какой-то диковинной машины, упирающейся в самый потолок. Оказывается, это разгрузочно-загрузочная машина: управляемая дистанционно из безопасного помещения, она помогает загружать реактор топливом. А оно тоже рядом: вдоль стен висят длинные-длинные стержни. Правильное их название: тепловыделяющая сборка, или попросту «тевеэска». Стерильная чистота, ничего лишнего и... ничего таинственного, вызывающего восхищенный трепет.

Мы долго ходили по наборно-многоцветной крышке реактора, и Владимир Михайлович объяснял, что какой квадрат означает и почему он выкрашен в тот или иной цвет. В общем-то ничего сложного, даже гуманитарию понятно, что к чему. Но когда я спросил Игнатенко, что же произошло с четвертым реактором, почему он вдруг взбунтовался, Владимир Михайлович сразу помрачнел.

— Разбираемся... Проблема в том, что в помещение четвертого блока невозможно войти: излучение там настолько сильное, что человек сразу погибнет. Но когда реактор утихомирится, мы обязательно разберемся. Ведь запущен он был в декабре восемьдесят четвертого, работал, как часы... Видимо, атомная энергетика — еще не до конца прочитанная книга. Ее надо читать и читать. А за науку приходится платить. К сожалению, иногда дорогой ценой. Во время взрыва пострадали и наши товарищи. Одних, к несчастью, уже нет, другие лечатся, но скажу, и скажу громко, так, чтобы слышали все: если бы не они, если бы не самопожертвование операторов, инженеров и механиков, сделавших все, что от них зависело, размеры бедствия были бы еще больше.

Потом мы побывали на щите управления вторым блоком и даже третьим: он так близко от четвертого, что долго находиться там не рекомендуется, беседовали со специалистами. Реакторы находятся в режиме технологического ожидания, в них поддерживается нормальный температурный режим, интенсивно идет дезактивация всех помещений, так что как только сложится благоприятная обстановка, их можно будет запустить.

...Когда начальнику смены В. М. Игнатенко снова понадобилось побывать на щите управления третьим блоком, я напросился с ним.

— Зачем? Вы же там были.

Не так уж трудно придумать уважительную причину, но я сказал правду:

— Хочу потрогать стену. Ту самую, которая отделяет третий блок от четвертого.

Он подумал и кивнул.

— Понимаю вас. Пошли!

Стена была теплая и, как мне показалось, тоньше папиросной бумаги. С той стороны стены — смерть, неумолимая, беспощадная, не отличающая героя от мерзавца, старого от малого. С этой — жизнь. Жизнь в самом высоком смысле этого слова.

Начальник смены Чернобыльской АЭС В. М. Игнатенко у центрального щита управления.

Командир МИ-26, майор А. Я. Матюшок показывает, как лучше обойти реактор.

Дезактивация промбазы АЭС.

Со смены.

Стихи из записной книжки

Владимир РЫНКЕВИЧ

Рассказ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Записную книжку подарил на прощание Одоевский: размером с обычный французский роман, с голубым обрезом, в терракотовом замшевом футляре с язычком-застежкой. «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. 1841. Апреля 13-е».

Князь Владимир Федорович, вообще отличавшийся тем, что многое умел делать неплохо и ничего не умел делать хорошо, между прочим считал себя еще и богословом и после строк посвящения сделал выписки из Евангелия: «Держитеся любве, ревнуйте же к дарам духовным, да пророчествуете. Любовь же николи не отпадает; аще и пророчествия упразднятся, аще и языцы умолкнут, аще и разум испразднится»...

Любить... но кого же?

Князь настолько вообразил себя проникшимся благоговением, что истины эти выписал унылым детским почерком с наклоном и нажимом, отчего хотелось здесь же, на этих же страницах, писать нарочито небрежно, размашисто, грубо, тем более что карандаш — великое изобретение конца прошлого, восемнадцатого века — позволял писать в дороге, и именно размашисто и небрежно. До Москвы — три дня и три ночи. Дрожащие огни печальных деревень, военные запахи начищенной кожи в карете, конюшни на станциях. С милого севера тянуло холодом, и дядька Андрей Соколов и конюх Иван грелись по-своему, пока ямщики перепрягали лошадей:

— А вот я тебе под дых, Андрей Иваныч.

— Под ды-ых. Сказать не знаешь, а туда же. Не под дых, а под микитки. Вот таким манером. Понял? Нас еще покойный барин учил.

Заинтересовало:

— Какой барин? Дед мой, что ли?

— Не-ет. Старый барин. Столыпин Алексей Емельянович. Отец вашей бабушки. Он ить боевой был барин: с самим Алексей Григоричем Орловым бражничал и куражился. Как я его помню, уже, конечно, в возрасте, но когда стенка в деревне, выйдет, бывало, в шубе и подзадоривает. И нас, мальчишек дворовых, учил, как вдарить. Под микитки или, сказать: к месту — это по шее, где самая жилка; или земляных часов послушать — это в висок и чтобы с ног; а то рожество надкрасить или красного петуха пустить... Ирой был барин. Театр содержал — так всех до единой души продал: и которые балеринки, и все прочие...

А он прямой потомок этого самодура екатерининских времен. Да и милая бабушка своего не упускает: мужиков по пятьсот рублей ассигнациями за штуку, молодых девок на выданье — по сто, несогласных же — в розги или в солдаты; кстати, почти вся выручка идет внуку Мишеньке. Была у него как-то лошадь, стоившая шесть тысяч ассигнациями, и теперь, на Кавказе, за знаменитого черкесского лова придется отдать Бибикову едва ли не столько же.

После обеда в гостинице в ожидании лошадей выпили шампанского, сыграли на бильярде и разговорились с неким семеновцем, оказавшимся шапочным знакомым: встречались у Феникса в оперных антрактах. Тот ехал в Петербург, досадовал, что не поспел к бракосочетанию наследника, и удивлялся Лермонтову, покинувшему столицу за два дня до праздника.

— Я не покинул — меня выкинули.

Семеновец раздражал своею дрессированной светскостью и неприличными для гвардейца лакейскими интонациями при упоминаниях об императоре. Даже вспомнил глупый верноподданнический слушок о будто бы приготовленном к дню свадьбы наследника освободительном манифесте, о будто бы сказанных Николаем словах: «Я не хочу умереть, не освободив крестьян».

— Ежели бы на этой каланче была голова, а не другая часть тела.

Он разъяснил семеновцу, какую именно часть императорского тела имеет в виду, и с горьким презрением наблюдал смятение партнера: смазал шар, порывался что-то ответить, но счел за лучшее притвориться, будто не слышал. Таково их гвардейское вольномыслие.

Некоему штатскому, отдыхавшему в бильярдной на кожаном диване, по-видимому, понравился отзыв о его величестве, и он попытался развить тему, но затронул Кавказ, где, как он выразился, доблестная армия, победительница Наполеона, никак не может справиться с дикими горцами.

— Вы знаете, что не может справиться?

— И знаю почему: горцы сражаются за свою свободу.

— Им кажется, что они сражаются за свободу. Их ловко одурачили.

— Так же, как и наших.

Попытайся он обыкновенными словами объяснить этому ироничному штатскому то, что понял там, на Кавказе, в походах, в нескончаемых разговорах на бивуаках, особенно в беседах с Сашей Одоевским, дальним родственником Владимира, дарителя записной книжки, и его друзьями по 14 декабря,— возникнет нелепый спор, где, чего доброго, придется уподобиться недалекому семеновцу и отстаивать неизреченную мудрость Николая Павловича.

Обычной речью невозможно выразить то, что он, казалось, так ясно понял на Кавказе, что по своей сути, по своей изначальной необходимости и для России, и для Кавказа, и для всего мира неизмеримо важнее и выше всяческих суетливо пустых действий и солдафона императора, и кровожадного имама Чечни Шамиля. Даже Софье Карамзиной в Петербурге не смог он объяснить ничего на ее горькое восклицание: «Ужасная, бесцельная, безрезультатная война!..»

Обыкновенное слово не разрешает спор, не разъясняет суть вещей — лишь поэзии дана власть над мыслью, а пока не были найдены точные строки с неопровержимыми доводами рифм, пришлось обратиться к оружию:

— Замечу вам, милостивый государь, что здесь, кроме вашего покорного слуги, некому вступиться за честь Кавказского корпуса и я немедля исполню свой долг, ежели вы, милостивый государь...

Семеновец, разумеется, не пожелал быть вовлеченным в историю и засуетился («Полно вам, господа... Вы не поняли друг друга...»), штатский вообще струсил и забормотал что-то о «безграничном уважении», а в глазах темнела злоба и ненависть. Его ненависть была понятна, но одной злобы, одной ненависти мало, чтобы жить на этой земле.

В Торжке он долго осматривал с улицы знаменитую гостиницу Пожарского, окна второго этажа, два угловых трехоконных эркера, выступающие над тротуаром; в одном из них, кажется, в правом, с пальмой в окне, всего несколько лет назад останавливался Пушкин. Его назвали преемником Пушкина. Не только Белинский, но даже Шевырев в нелепой статье в «Москвитянине» отметил, что «по смерти Пушкина ни одно новое имя, конечно, не блеснуло так ярко». Значит, он должен искать слова и рифмы.

Трагическая и прекрасная картина, не понятая Софи Карамзиной и тем штатским из бильярдной, не понятая многими, может быть, никем не понятая, увиделась как бы глазами кавказской вершины. Евангельские цитаты Одоевского заканчивались на левой странице. Он начал справа, не переворачивая лист. Карету сильно трясло, и буквы получались растянутые, строчки неровные:

И туда в недоуменье
Долго смотрит он
Видит странное движенье
Слышит шум и звон
От Урала до Дуная
До большой реки
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки
Батареи медным строем
Позади гремят
Наготове перед боем
Фитили горят.

Еще многое должно было сложиться, но последняя строфа готова. Он отчеркнул и записал ее:

Мрачным взором он окинул
Племя гор своих
Шапку на́ брови надвинул
И навек затих.

Однако движение еще ощущалось не в полную силу, и Лермонтов после строчки «фитили горят» сделал знак сноски и дописал слева, прямо под уныло аккуратными строчками Одоевского:

Идут все полки могучи
Шумны как поток
Грозно-медленны как тучи
Прямо на восток.

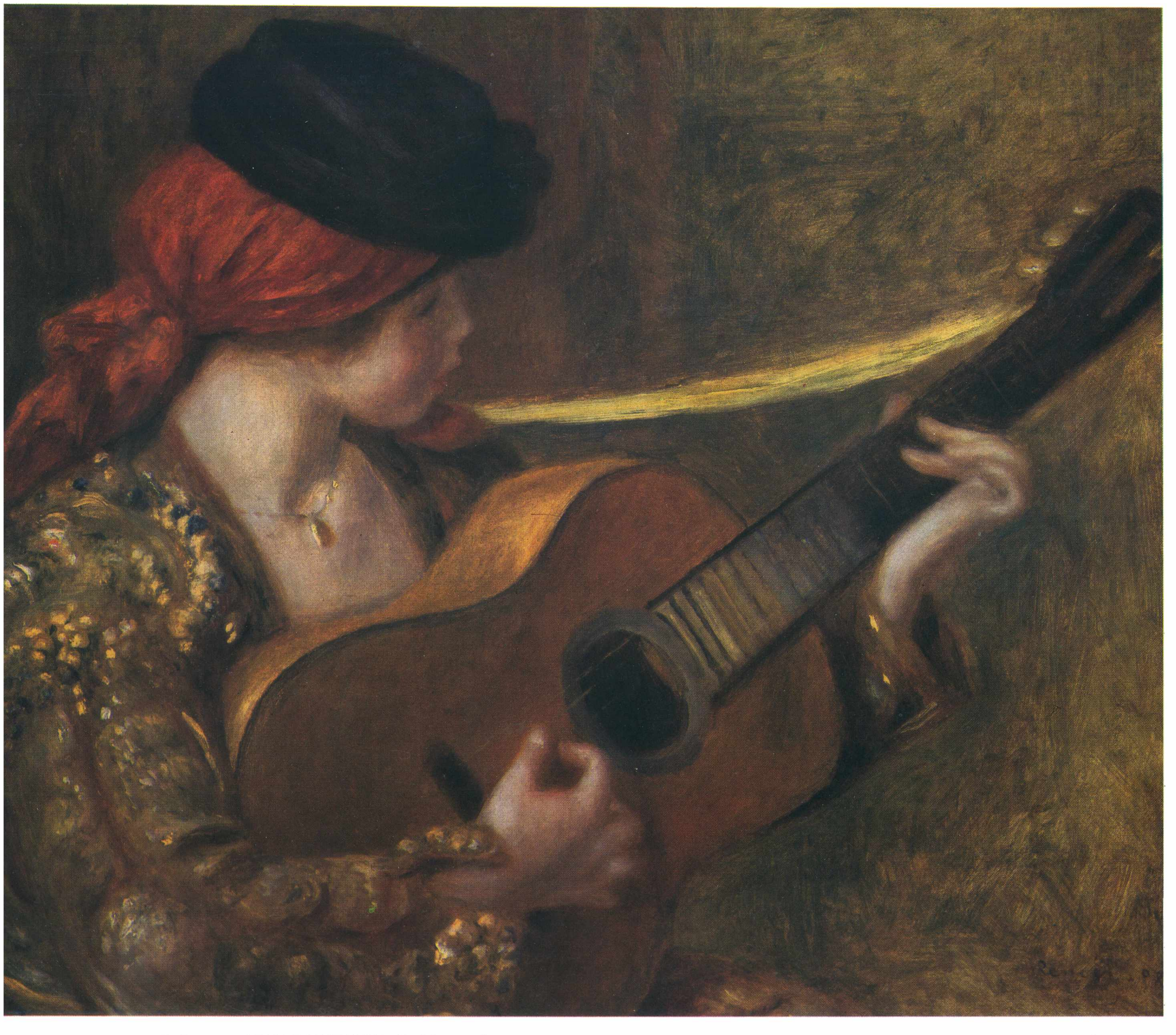
Когда до Москвы оставалось верст сорок, он прильнул к правому окошку кареты, вглядываясь в серый ворох придорожных тополей, едва окропленных первой апрельской зеленью.

Он был глупо создан: ничего не забывал, прошлое имело неизъяснимую власть над ним, возвращая к радостям и страданиям прежних дней. Чаще к страданиям: много ли радостей у того, кто в раннем детстве потерял мать — лишь звуки неведомой ее песни остались в сердце, кого разлучили с отцом, кого коварный рок одарил душой поэта, но заключил ее в оболочку едва ли не урода, большеголового, красноглазого, коротконогого увальня с непомерно широкими плечами? Но странная память: былые страдания пробуждали не боль, а пушкинскую светлую печаль, требующую пера, чернил и бумаги.

Промелькнувшие в просвете деревьев разбитые, наполненные водой колеи проселка вели в прошлое, в десять лет назад, в Середни-

О. Ренуар. 1841—1919. ПРИЧЕСЫВАЮЩАЯСЯ МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. 1876. Национальная галерея искусств. Вашингтон.

О. Ренуар. ЮНАЯ ИСПАНКА С ГИТАРОЙ. 1898.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

ково, к высоким, тихим, словно умолкнувшие колокола, елям, окружавшим усадьбу. Белый барский дом с бельведером, с раскинувшимися полукругом, увитыми цветами галереями, ведущими к флигелям; в правом флигеле на втором этаже, напротив старой липы, его окно, стол со свечой, голубоватый лист бумаги. «Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник...»

Ранним утром пройти галереей в главный дом, в средневековый сумрак овального зала, отворить тяжелые двери и выйти в прохладу лиственничной аллеи, недоступной солнцу даже в самый ясный полдень, созвучной его душе своей строгой печалью. Спускаться по широким ступеням, чередующимся с плоскими площадками-пандусами, к светящемуся пруду, лишь изредка оживляемому плеском и хохотом. Тени середниковских лиственниц, тени девушек, волновавших его юношеское сердце...

В Catherin Сушковой, право же, кроме цыганских глаз и такой же огромной косы, не было ничего привлекательного, поскольку прелесть бледности и худобы существует лишь в дамском воображении, а нрав летучей мыши, цепляющейся крыльями за все, что попадется на пути, мог лишь оттолкнуть. Он посвящал ей стихи, которых была она недостойна, а в ответ — неумные насмешки: «Поиграйте в воланчик, Мишель: это вам более к возрасту». Возможно, месть его оказалась излишне жестокой, но не более жестокой, чем весь их мерзкий большой свет, да и следовало сыграть Печорина, прежде чем написать: в Петербурге уже в лейб-гусарском мундире он достаточно ее помучал, а в финале поступил с Catherin, как его герой с княжной Мери, и сказал на прощание с холодной усмешкой: «Я вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил».

Другая была женщиной take her for all in all [1]. Именно, в полном смысле слова, по-шекспировски: ее полная грудь волновала его с той же терзающей силой, что и бархатные глаза, и нежно-участливый взгляд, и мягкие податливые губы, предназначенные для поцелуев, и звуки голоса, и слова, казавшиеся значительными и мудрыми. С истинно женским пониманием она пожалела его, пригрела на великолепной, бесстыдно доступной груди, подарила поцелуй, а он не догадался, что не жар любви в этих ласках, а сестринское или даже материнское сочувствие.

Память о ней ведет на Клязьму — это слева от Петербургского тракта. На высоком берегу реки, верстах в пятидесяти отсюда, усадьба Ивановых, их дом среди лип и ракит. Мост был тогда поломан, и он пустил лошадь вброд... Впрочем, об этом тогда же и написано в духе байроновского «Сна»: «И вот уж он на берегу другом и на гору летит.— И на крыльцо соскакивает юноша — и входит в старинные покои... Нет ее!— Он проникает в длинный коридор, трепещет... нет нигде... Ее сестра идет к нему навстречу.— О! когда б я мог изобразить его страданье!»

Не только неугасшая обида, но и загадка, а может быть, и завязка: юной красавице решиться выйти за человека чуть не вдвое старше, опозоренного и лишенного дворянского достоинства не за святую любовь к свободе, как Саша Одоевский и его друзья, а за... кражу брильянтов! Неужели все перевесили семьсот пятьдесят душ в Новгородской губернии?

Сказали, что они в Москве и можно попытаться понять прошлое, сделать визит Наталье Федоровне Обресковой, побеседовать с супругом, чиновником четырнадцатого класса, прощенным, но не восстановленным в правах, обсудить с ним Восточный вопрос и происки Англии и Франции. Он уже был однажды персонажем подобной мелодрамы, посетив госпожу Бахметеву, бывшую Вареньку Лопухину. Ее замужество тоже неприятно поразило его, но такой катастрофы, такого крушения надежд, как с Натальей Ивановой, конечно, не случилось: Варенька была лекарством от неудачной любви, привычной душевной собственностью. Не столько оскорбил, сколько удивил ее брак: казалось, так любила.

Он намеревался разыграть с ней презрение и возмездие, но увидел скорбное лицо девочки, уставшей от слез и настолько свыкшейся с горестями, что сама безнадежность выражалась ею с вызывающей гордостью. Под равнодушно сбитым на затылок блондовым чепцом — лицо забитого существа, прекратившего бесполезное сопротивление, готового без страха встретить свою гибель. «Я постарела, не правда ли?»— спросила она, а господин Бахметев распространялся о Египте и Турции: в 1835 году так же, как и теперь, в 1841-м, там шла какая-то война. Кажется, все в мире переменилось, кроме положения на Ближнем Востоке. «Есть вещи, которые забыть невозможно,— сказала Варенька некстати среди беседы о бомбардировке Бейрута.— Особенно горести...»

Собственно, главное ее достоинство в том и состояло, что она любила его. Единственная женщина, истинно любившая его. Да и теперь любит. За это и воздается ей в стихах.

Подъезжая к Москве после трех дорожных ночей, он то и дело проваливался в забытье, и древняя столица открылась как большой веселый сон: пыльная суета у станции дилижансов во Всехсвятском, трактиры, дачные особняки, щетина бульваров по сторонам великолепного тройного шоссе, о котором «Северная пчела» писала, как о «не имеющем подобных в целом мире» и устроенном, конечно, благодаря неусыпным заботам его величества. Беспорядочным сном оказалась и вся эта московская неделя, и как во сне иногда мучает нечто неясное, неразрешенное, заставляя беспокоиться, ворочаться, что-то вспоминать, так и его не оставляла забота о чем-то, что он должен успеть...

Он остановился у барона Розена: не доезжая до заставы, свернуть в Петровский парк, к белому казенному особнячку с лепными львами и листьями по сторонам крыльца. С Дмитрием, сыном бывшего командира Кавказского корпуса, шумно снятого Николаем, встретился по-товарищески, как с однополчанином, говорил сначала искренно и горячо. В курительной за чубуками с султанским табаком рассказал, как его выкидывали из Петербурга: рыжий казнокрад Клейнмихель вызвал его в пятницу в Главный штаб и сообщил предписание: выехать к месту службы не позднее, чем через два по двадцать четыре часа.

— Этот мошенник, изобразив идиотскую улыбку, которая, наверное, представлялась ему исполненной лукавой мудрости царедворца, вдруг высказал критику на моего «Героя»! Ты слышал что-либо подобное? Дежурный генерал в роли Белинского! «Ваша ошибка в том, что вы изобразили презренный характер, который не может быть примером для подражания. Ну, что этот Печорский или Печорин? Следовало бы капитана сделать героем наших дней, ибо такие люди и есть истинные герои. Литература должна...» Разумеется, это он повторил чужое: «Героя» в руки не брал; разве что уставы читает. Конечно, сам медведь удостоил меня высочайшей критики. Литература должна... Никак не может смириться с тем, что не все в мире делается по его повелению на благо парадного шага и укрепления дисциплины на дворцовом разводе.

Однополчанин — слишком общее понятие. Точнее, Розен-младший — всего лишь пустой, недалекий адъютантик московского градоначальника, страшно беспокоящийся, как бы опальный поручик не задержался в Москве надолго:

— Государь весьма озабочен дисциплиной,— сказал Дмитрий.— Особенно в Кавказском корпусе.

Даже от хорошего табака может затошнить, если рядом сидит верноподданный адъютант.

— Он справедливо озабочен: солдаты на Кавказе то и дело нарушают дисциплину, то и дело умирают без высочайшего разрешения. На Береговой линии, в укреплении Михайловском, солдаты, оставшиеся в живых, взорвали пороховой погреб и погибли, не желая сдаваться в плен. Тебе, надеюсь, известно, об этом нарушении дисциплины?

— Но, Мишель, взрыв мог быть случайным. Или эти солдаты надеялись незамедлительно попасть в рай. Их вера так наивна.

Теперь невозможно было не вспомнить, что отец Дмитрия вообще добрый старик: командуя кавказским корпусом, помогал и ему, и ссыльным декабристам, да и воевал неплохо: разгромил Гази-Магомеда. Но когда Николай снял его, то весьма странно отозвался на царский гнев: спал, не пробуждаясь, двое суток кряду.

— А что папа́? — с видом чистейшего простодушия спросил Лермонтов.

— Благодарю, ему лучше. Мы с ним путешествовали...

— Путешествовали? С ним? Разве он уже проснулся?

И захохотал по обыкновению слишком громко, что всегда неприятно действовало на окружающих, особенно на тех, над кем смеялись.

Он уезжал на нескончаемую беспощадную войну, где, вероятно, суждено ему погибнуть, а оттого, что война эта молчалива, обходится без победных реляций и торжественных од, многие, едва ли не все, считают ее ненужной и бессмысленной, не понимая ее великой необходимости и для России, и для Востока. А что они понимают? Пожалуй, прав Монго, иногда неожиданно высказывающий глубокие истины, как, впрочем, и подобает младенцам всех возрастов:

— Разумеется, они ничего не понимают, Мишель, иначе сами могли бы писать такие же прекрасные стихи.

Потому и не мог он сдерживаться и то и дело говорил кому-то оскорбительно злое, и сам первый громко хохотал.

В ресторане он встретил знакомую компанию: Олсуфьев, Васильчиков, какой-то молодой немец с ними, похожий на поросеночка... Высоколобого, белокожего, выхоленного мальчика Сашу Васильчикова следовало приветствовать особенным образом:

— Ну, как поживаешь, умник?

Всегда было странной неожиданностью слышать от этого красавчика барчука грубейшую нецензурную брань, используемую для любого житейского случая, в том числе и в качестве дружеского приветствия, и теперь он ответил в этом энергичном стиле, заставив покраснеть юного немца.

Васильчиков рассказывал компании, что он собирается сделать с Шамилем, когда его поймает. Картина представлялась до крайности непристойной.

Лермонтову налили красного вина, он выпил сразу стакан и спросил Васильчикова:

— Слушай, князь, я забыл, как тебя по батюшке. Впрочем, не надо: для тебя достаточно по матушке.

И опять громко захохотал, наблюдая, как тонкое лицо князя с красивыми темными бровями в разлет становится еще более непроницаемым, почти безжизненным, что свидетельствовало о хорошо скрываемом бешенстве.

Исключением оказался Самарин, университетский юноша, похожий на Шиллера, привлекший его еще несколько лет назад сочетанием страстности в поисках истины с робким уважением, скорее даже с восхищением по отношению к нему, опальному поэту. Он сам нашел его у Розена и был искренне рад встрече.

— Опять туда?— спросил Самарин с тревогой и сочувствием.— Видит бог, я против кровопролития, но на Кавказе осуществляется великая миссия России.

Этот понимал, и Лермонтов показал ему свой кавказский альбом с рисунками и акварелями. На последней, написанной недавно, охрой горел июльский зной, белели солдатские палатки, скакал адъютант с приказом выступать, начиналось страшное сражение при Валерике.

— Там погиб Лихарев, тяжело ранен в шею Серж Трубецкой. Тело Лихарева не успели убрать, и налетевшие горцы изрубили его в куски...

Роковое жужжание над головой, стоны умирающих, удар в штыки, двухчасовая резня над ручьем в завалах, тяжелый запах крови, растекающейся из-под груды трупов, окрашивающей ручей? Горячая волна ударила в глаза. Не слезы ли? Он стал нервен после Кавказа.

Самарин деликатно всматривался в альбом. Понимал.

На следующий день он уговорил пойти на знаменитые гуляния под Новинским, где по случаю ожидавшегося приезда императора в балаганы пускали безденежно и соответственно кипели толпы простонародья. Подкатывали

[1] В полном смысле слова (англ.).

экипажи, запряженные четверками, с форейторами на уносах, в кафтанах всех цветов радуги, подпоясанных пестрыми кушаками. Лакеи кричали: «Ра-аступись!» — и дамы в бурнусах и плюшевых манто, сопровождаемые мужчинами в модных пальто, в сапогах на высоком каблуке, осторожно продвигались среди чуек, поярковых шляп, кучерских кафтанов, стараясь идти по мосткам, обходя лужи, приподнимая юбки.

— Чужестранцы среди туземцев,— сказал Самарин.

— Рабы и господа,— уточнил Лермонтов.— Как иначе, чем рабами, назвать людей, которых можно сечь, отдавать в солдаты, продавать? И хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого. И моя милая бабушка настолько не считает своих крепостных за людей, что даже отказывает им в праве на любовь и к браку между крестьянами относится, как к спариванию животных. Деревенских женит в тринадцать — пятнадцать лет, чтобы рабов было поболее, дворовых же держит холостяками до двадцати пяти — тридцати лет, чтобы служили без препятствий. И никто не смеет поступить по зову сердца и природы. Сколько здесь таких, а показали им чудеса в балаганах, и они рады, как дети.

Самарин соглашался. Он был против рабства.

— Русская народность до Петра была инстинктивной и исключительной,— сказал Самарин,— а затем испортилась подражанием.

Это удивило: прежде Самарин так не рассуждал. Наверное, изучение трудов церковных деятелей — он писал диссертацию о Феофане Прокоповиче и Стефане Яворском — повлияло на юношу: от гегелевской философии перекинулся к рассуждениям о боге и народности, и подновинская толпа, по-видимому, отвечала его новому настроению. Совсем недавно Юрий был робким, молчаливо прислушивающимся, на Лермонтова смотрел, как на пророка, теперь же поглядывал вопросительно и холодновато, а слушал большей частью лишь самого себя. И все: Россия, русское, славянское. Наивные юношеские игры ума. Он тоже отдал им дань и когда-то с гордостью считал себя шотландцем, что будто бы делало его романтичнее, поэтичнее, в общем, лучше других, нешотландцев, а Юрий радуется тому, что русский и православный, и тоже, наверное, считает себя лучше других, нерусских. Тоже игра, но что-то слишком всерьез: не говорит, а проповедует, возражений не слушает:

— Рефлексия, гордость духа — порождение запада. На западе — рефлексия и гниение, в России — православие...

Как тут удержаться:

— Самодержавие и народность.

Но тот будто и не слышит:

— Православие, цельность, исключительность, своеобразное будущее...

Был бы на его месте другой, сказал бы ему, что слышал все это в жандармском управлении, но юноша Самарин вызывал симпатию, хотелось верить, что его новые схоластические увлечения пройдут. Именно схоластические: возражений не отвергает, не спорит, не доказывает истинность своих убеждений, а фанатически верит во что-то неясное. Не соглашающийся с ним становится чужим, «ненашим», с которым надо не спорить, а судить его или в крайнем случае жалеть. И поэт Лермонтов тоже заблуждающийся, которому надо указывать путь. «Герой нашего времени» не такой роман, какой хотелось бы Самарину. В нем отдана дань западу. Печорин — совершенно нерусский тип. Вот, Максим Максимыч...

И государь император, и профессор Шевырев в новом журнале «Москвитянин», и университетский юноша Самарин, и многие другие все об одном: не пиши плохого Печорина, пиши хорошего Максима Максимыча. Будто автор виноват, что дух общества создается именно печориными. Да и пусть простят его почитатели Максима Максимыча, но ведь скучно с этим служакой.

Называет Шевырева патриотом. Еще бы не патриот: как он обиделся за княгиню Лиговскую, любящую соблазнительные анекдоты. «Это черта вовсе неверная и грешит против местности... С некоторых пор вввелось в моду у наших журналистов и повествователей нападать на Москву и взводить на нее напраслины ужасные». Только это и понял в его романе московский профессор?

А Самарин свое:

— У вас западная рефлексия, Михаил Юрьевич. Избавьтесь от нее. Станьте русским, цельным.

Почему они так не любят рефлексию? Неужели один Белинский понимает? «Если человек чувствует хоть сколько-нибудь свое родство с человечеством и хоть сколько-нибудь сознает себя духом в духе,— он не может быть чужд рефлексии».

— Вы читали статью Белинского о «Герое»?

— Он не наш. Он смотрит на запад.

— Посмотрим и мы. Как он грохочет и дымит, этот запад.

У Садового кольца балаганы заканчивались, и на пустыре открывалось невиданное чудо: железная машина с трубой, извергающей дым, называемая паровоз «Меркурий», сама ездила по рельсам и тащила несколько колясок с довольной публикой. Военный оркестр играл марш лейб-гвардии. На рельсы перед паровозом то и дело выбегали любопытные, и машинист делал пронзительный гудок. Вот снова выбежал веселый мастеровой и стал на пути поезда, раскинув руки, осклабившись, геройски поглядывая на зрителей. Гудки его не пугали, и тогда машинист высунулся из кабины и выкрикнул грубейшую брань, какой бы и сам князь Васильчиков позавидовал.

— А вот и Россия, Юрий Федорович.

Известные выражения, заставившие женщин покраснеть и потупить взоры, подействовали немедленно, и путь освободился.

— Не надо видеть в России только пьяных рабов. Надо верить в великую миссию России и Востока. Восток — это не исламизм, не татары, а мир славяно-православный, нам единоплеменный и единоверный, вызванный к сознанию своего единства и своей силы явлением русского государства... Наше великое прошлое...

— Оставьте, Юрий Федорович! У России нет прошлого! Она вся в настоящем и будущем.

Но Самарин не соглашался, не понимал и продолжал проповедовать свое уныло-схоластическое: «Первый самобытный период народности и второй послепетровский период подражания как бы уничтожают, отрицают друг друга, и, согласно гегелевской диалектике, необходим третий, синтетический период исключительной своеобразной будущности. Запад мечтает погубить Россию, как соперника, которому суждено в будущем превзойти его...»

И скучно, и грустно!.. Такой милый мыслящий юноша отвернулся от действительной жизни, соскользнул с прямой дороги разумного мышления в сухую пустыню богословской схоластики и проповедует уродливый симбиоз жандармского управления с православной церковью. И Кавказ он понимает превратно: там не великая миссия православно-жандармской России, а борьба между жизнью и смертью, между прошлым и будущим. Это нельзя сказать обыкновенными словами. Лишь поэзии дана власть над мыслью.

Тем временем вечерело, гулянье заканчивалось, господа вернулись к своим экипажам, и закрутилось, загрохотало традиционное финальное катание по кругу: мягкий топот, комья грязи из-под копыт, яркие одеяния лакеев и форейторов, изящные силуэты дам. Привлекло нечто знакомое: осанка и гордая, и естественная, темные волосы, высокая грудь, и даже издали угадывается добрая припухлость губ, предназначенных для поцелуев. «Прощальный поцелуй однажды я сорвал с нежных уст твоих; но в зной, среди степей сухих, не утоляет капля жажды...» Рядом сидело нечто деревянное, старообразное. Напоминание о том, что она в Москве и можно сделать визит.

С Монго договорились выехать на юг во вторник 22 апреля, и тот заехал за ним к Розену, уже снаряженный по-походному, но благоухающий, как цветочная клумба или скорее как французская парикмахерская на Кузнецком мосту.

— Я принял ванну из одеколона,— объяснил он.— Это весьма здорово. Но почему ты не готов? Разве мне ждать?

— Я не еду сегодня.

— Позволь, но был же уговор. Твое слово.

— Оставь. Догоню тебя в Туле.

Алексей Аркадьевич с большим трудом понимал некоторые человеческие поступки: сам он большей частью делал то, что соответствовало потребностям существа более простого. Недоумевая, он прошелся по комнате, отыскивая по обыкновению зеркало, увидел раскрытую записную книжку на столике у окна, за которым все гуще зеленел Петровский парк.

— Готового нет? К ней? Сделай мне список.

Под его влиянием Монго стал увлекаться стихами и вообще читать, что пошло ему на пользу: раньше едва мог повторять общепринятые разговорные обороты, да и то нередко путаясь и заикаясь, теперь же другой раз что-нибудь даже и процитирует.

— Что взял читать в дорогу?

— Бальзак. Новый роман. Э-э... Не помню, как называется. Ему отдалась актриса, предаваясь,— он напрягся, как в строю, и продекламировал, — предаваясь той благородной любви, что, соединяя чувственность и сердце, сердце и чувственность, воспламеняет то и другое.

— Монго, ты неподражаем.

Алексей умел замечательно сидеть: совершенно свободно и естественно и в то же время с царственным величием. Утомленный властью монарх, отдающий между делом повеления и задающий подданным небрежно краткие вопросы, требующие безусловного немедленного ответа.

— Был у нее?

— Нет.

— Понимаю. Ты должен быть у нее. Догонишь в Туле.

Возможно, они стали бы врагами, ежели не были бы родственниками. Настолько ничего общего не имел он с этим вышколенным примитивным существом, что не мог посвятить ему ни единой строчки, кроме той непечатной юнкерской поэмы: там самое место Алексею Аркадьевичу, который на аршин предлинный свой людскую честь и совесть мерил и не мог представить иной причины задержки. Прост и ясен мир Монго: он, капитан Столыпин, существует для того, чтобы пленять женщин своей породистой красотой и восхищать мужчин словами и позами, считающимися благородными. И он преуспел: его любят все пустые и никчемные существа, в том числе многие женщины и государь император. Есть в его мире место и для поэта Лермонтова: стихи можно употреблять в общении с дамами.

По некоторым признакам и Монго втайне не любит его, и, если рок позволит ему увидеть когда-либо бездыханное тело поэта Лермонтова, вряд ли Алексей Аркадьевич будет особенно скорбеть.

— Ермолов считает, что все решается на левом фланге. Я был у него зимой: привозил письма. Старик по обыкновению осторожен и скрытен. Люблю его. Он создал русский Кавказ.

— Я слышал: у него был славный гарем. А на левый фланг непременно. После кампании будут представления.

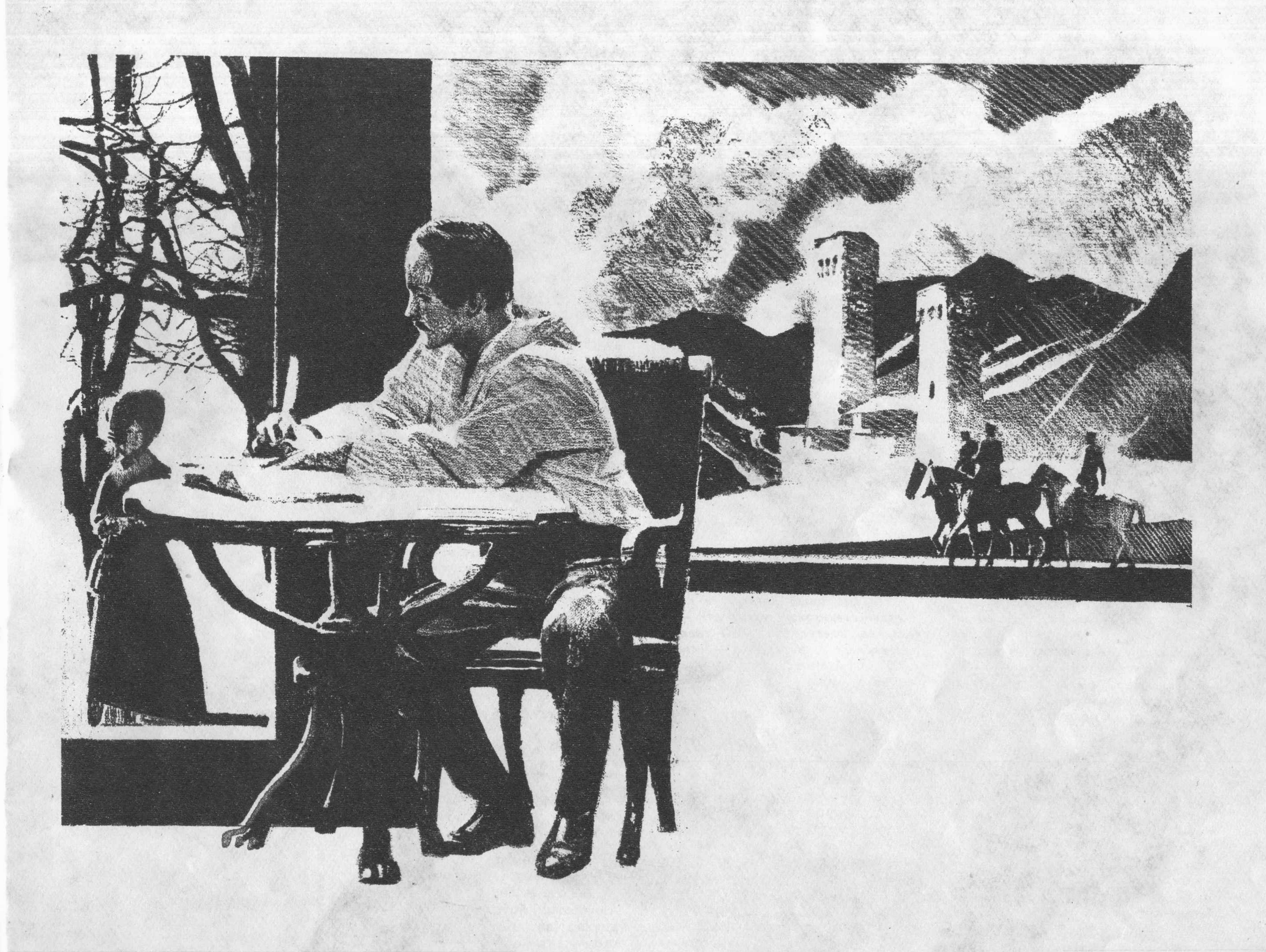
— Меня опять вычеркнут из всех представлений, разве что оставят в списке убитых.

— Медведь может смягчиться. Итак, жду тебя в Туле. Будешь у нее — не забывай, что ты лейб-гусар!

Следующий день, последний день в родной Москве, он посвятил тому, ради чего задержался и не уехал с Алексеем. Подолгу сидел за столом над записной книжкой Одоевского. Сначала жирно обвел карандашом строчки, написанные в дороге, затем перевернул лист и начал с первой строфы, давно уже звеневшей в памяти:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою
Был великий спор.

Стихи шли хорошо, строчки ложились одна к одной. Несколько раз выходил прогуляться в парк. Ровные широкие аллеи, лучами разбегающиеся от центра; черные еще клумбы, на которых копались солдаты инвалидной коман-

ды, ряды деревьев с махровыми кончиками листьев, выбивающихся из почек, летний театр с греческим портиком, большой вокзал с рестораном — все, как некая прекрасная возможность, почему-то никогда не осуществляемая.

Он приметил одного из солдат-инвалидов обслуживающей команды, похожего на Максима Максимыча, каким он его представлял, правда, солдат был старше. Сколько бы ни встречался этот ветеран — он всегда был за работой. Вскопал клумбу — перешел к аллее, подровнял, сгреб мусор, огляделся — нашел какой-то бугорок, принялся сравнивать лопатой. При этом лицо его было недовольное: когда же, мол, все сделается и можно будет отдохнуть, а отдохнуть для него, наверное, умереть.

Однако особенно привлекало в этом солдате не лицо, не сноровка, а серебряный кругляк на груди, на старом сюртуке, на голубой андреевской ленте, выцветшей и застиранной. Не надо и подходить ближе, чтобы рассмотреть: он знает эту медаль с великим числом 1812. Каждый раз после встречи с солдатом он быстро возвращался в дом, садился за стол, и стихи шли. Зачеркнул «И привыкнувший к волненьям...», написал:

И испытанный волненьем
Бури боевой...

Мусульманский сонный умирающий восток будет побежден живой русской силой, но не только радость победителей увидит Казбек, но и печаль побежденных, и в последней строфе вместо «мрачным взором» он написал:

Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И навек затих.

Заглядывал дядька Андрей, упрекал: «Пора бы уж, а то на ночь глядя ехать куда же годится...» Приходилось прогонять его без объяснений. Лишь перед вечером приказал послать за почтовыми лошадьми и на новом чистом листе записной книжки — это был уже шестой лист — черными чернилами, тонким пером, начал переписывать начисто. Стихи стали виднее, увиделись и неточности. «Скачут с пиками уланы» звучало по-детски, и он изменил: «Мчатся пестрые уланы». Не хватало рифмы в строчках, посвященных Ермолову, и он написал:

И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

Затем достал полулист писчей бумаги, сложил его пополам, разрезал, сложил еще раз и на получившейся тетрадочке в четыре страницы снова переписал стихотворение.

В девятом часу, когда уже заложили карету и вот-вот должны были привести почтовых, он вдруг приказал подать коляску и выехал, сопровождаемый горькими упреками Андрея Ивановича. Через Триумфальные ворота на Тверскую и в самом начале улицы, у Охотного ряда, приказал развернуться и остановить у двухэтажного дома с двумя высокими дверями по углам, с пилястрами по фасаду.

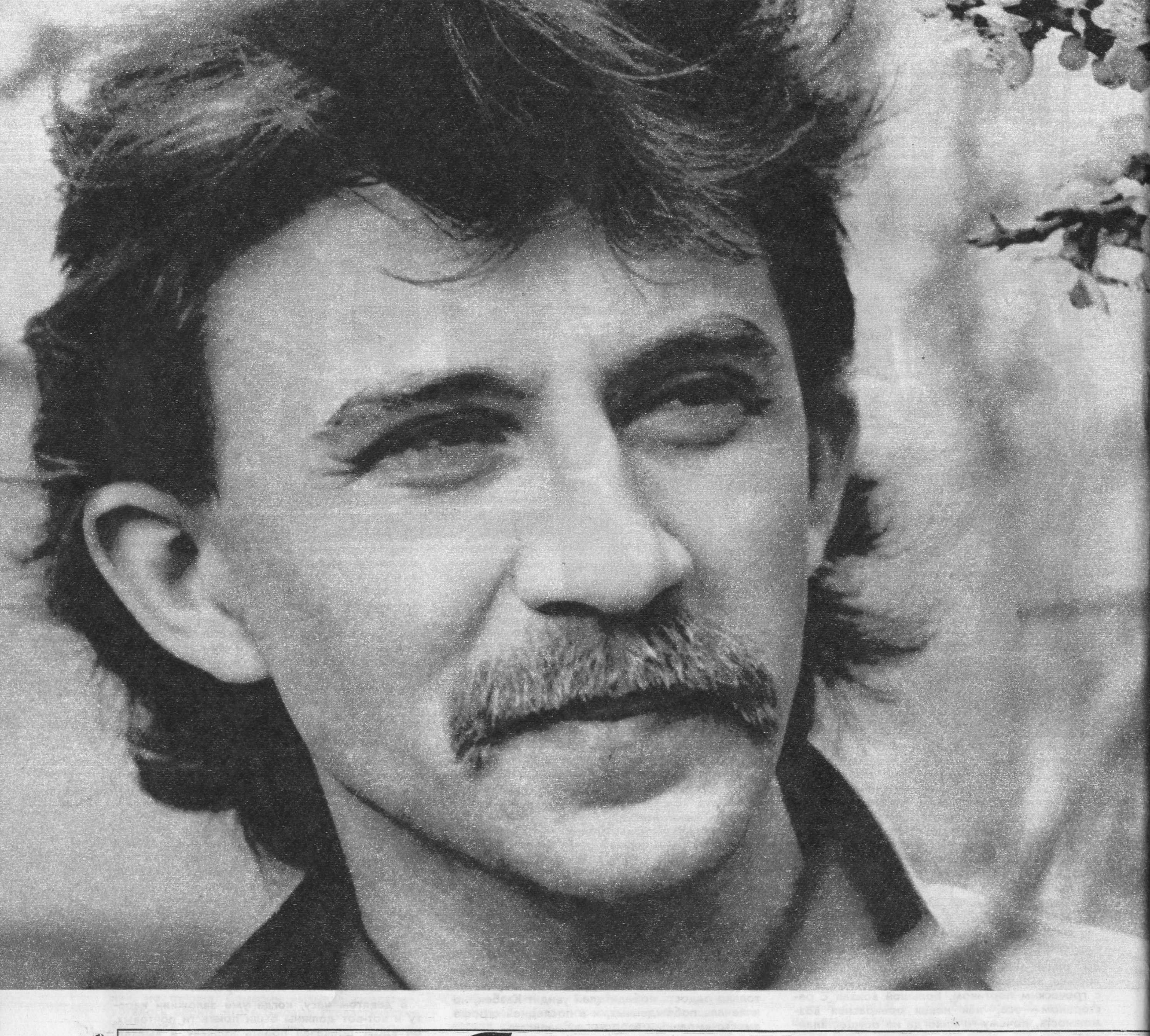
Юрий Самарин не ждал гостя и был искренне обрадован.

— Мне надоели споры, и я предал их бумаге. Читайте скорее: у меня минуты. От вас — в карету и на юг.

— В ночь?

— Из Петербурга выехал в понедельник, из Москвы — в ночь. Если верить приметам, вернуться мне не суждено.

Самарин читал, и строчки, едва успевшие просохнуть, еще хранящие тепло пера, еще недавно вообще не существовавшие, становились достоянием других людей, которые будут по-своему понимать или не понимать, хвалить, объяснять, искать тайный смысл. Поймет ли кто-нибудь поэта? Поймет ли кто-нибудь, почему, уезжая из Москвы, быть может, на смерть, он написал именно это?

особая точно

Д. ЛИХАНОВ,
фото Д. ДЕБАБОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

НАЛАДЧИК

Штормило.

Мы долго стояли за железной оградой и смотрели на рваные волны, набегающие на такой же серый, как и само море, песок. Потом Виталий куда-то ушел и вскоре вернулся со связкой ключей.

— Ключи от моря,— сказал Виталий и отомкнул проржавевшую за зиму калитку.

Влажный ветер выдувал из-под свитера последнее тепло, но мы все равно подошли к морю так близко, что вода слизывала пыль с носков ботинок.

— Я там шалел без моря,— сказал Виталий и еще плотнее запахнул куртку.

Всего полгода прошло с тех пор, как наладчик Одесского завода прецизионных станков Виталий Вырва вернулся из Франции. Три года он прожил в шестнадцатом округе Парижа и ровно столько же проработал в небольшом городке Лонжюмо, где размещается смешанное советско-французское общество «Станко-Франс». И те три года были для Виталия своего рода школой.

Как-то раз ему довелось побывать на международной выставке станков. Остановился возле стенда американской фирмы «Цинциннати». Цепкие клешни роботов захватывали тяжелые болванки,

Вячеслав Мятлик с роботами на «ты».

СТЬ

передавали их по транспортеру к обрабатывающему центру, который и сверлил, и шлифовал, сам заменял износившийся инструмент и сам же проверял качество готовой продукции. А управлял всем этим хозяйством всего лишь один компьютер. Посмотрел еще Виталий, что вытворяют японские да немецкие машины, и с выставки ушел расстроенный. Шел по улице и все думал: чего же мы в хвосте плетемся, почему не можем капиталистам нос утереть?

А когда через три года вернулся на Родину, написал докладную записку: дескать, так и так — западных партнеров в наших станках не устраивает прежде всего низкое качество монтажа и низкое качество комплектующих деталей.

Начальник отдела, которому записку эту представил, вскинул брови:

— Ах, ты из Одессы?

— Из Одессы.

— Так вот. Там у вас скоро будет всесоюзное совещание по вопросам экспорта. На нем и выступишь со всеми своими предложениями.

Вскоре и в самом деле пригласили Вырву на совещание. С высокой трибуны выступали директора крупных предприятий, министры, представители внешнеторговых организаций. Потом на трибуну вышел наладчик Вырва и показал всему залу... обыкновенный клеммник.

— Все наши беды от мелочей,— сказал тогда Виталий,— все большие дела и грандиозные проекты летят к чертовой бабушке из-за таких вот пустяков. Ну что такое клеммник? Амеба электроники, вроде прищепки, а откажет — любая ЭВМ, любой суперстанок с ЧПУ сломается.

Словом, наладчику Вырве аплодировали больше остальных. И не потому, что излагал складно, а потому, что прав был наладчик в главном: все идет от мелочей.

Вернувшись с моря, мы с Виталием долго бродили по опустевшему цеху.

— Хочешь, я тебе эти самые клеммники покажу?— спросил Виталий и отворил железные створки, за которыми беззвучно бились электронные сердца роботов.— Это японская сборка. Видишь, как аккуратно. Картинка. А это наша.— Он отворил другой шкафчик.— Есть разница? — Он на секунду задумался, потом добавил: — Красивое приспособление выживает, ненадежное, некрасивое — гибнет: здесь все, как в живой природе. Вот приходит к нам пацан после училища и видит такое вот зрелище. О чем он думает? А думает он о том, что не только джинсы и кроссовки у западников лучше, но, наверное, и станки...

— И что же ты им отвечаешь?

— Отвечаю, что так оно и есть — лучше. Не все, конечно, а вот такие. Но ведь станки-то эти, кроссовки и джинсы, говорю, ты сам и делаешь, а коли делаешь плохо, значит, ни самолюбия, ни гордости в тебе ни на грош.

Настоящий патриотизм — это не только ностальгия по морю под Одессой. Наладчик Вырва усвоил простую эту истину три года назад во французском городе Лонжюмо. С ней и живет по сей день. И всякий раз, когда видит плохую работу, ему становится стыдно.

В трудовой биографии Виталия был такой случай: не заладилось как-то с бригадиром, доконали частые командировки, и Вырва ушел с завода. На другом предприятии его приняли с радостью: рабочий с высшим образованием. Тут же повысили в должности, к зарплате прибавили. Только вскоре загрустил наладчик Вырва, заели его оперативки, совещания, отчеты. Короче, написал Виталий заявление «по собственному желанию» и вернулся на свой завод. К тому самому бригадиру, к частым командировкам, к зарплате прежней. Жизнь усложнилась, но совесть осталась чиста, потому как стыдно ему было сидеть не на своем, а на чужом месте.

Вот такой он, наладчик станков с ЧПУ Виталий Вырва.

ОПЕРАТОР

Недавно Славу Мятлика принимали в партию. Было это так.

— Что такое ускорение,— спрашивает Славу секретарь райкома партии,— как ты его понимаешь, как лично ты ускорился?

— А я не ускорился,— отвечает Слава.

— То есть как?

— А вот так. Нету толка от моего ускорения. Смотрите сами. Я работал на станке с ЧПУ, а он не может сделать больше, чем по программе рассчитано. Я, конечно, могу быть посноровистее, быстрее крутиться, быстрее программировать, но заставить сверло крутиться в два раза быстрее — этого я не могу.

— Так как же быть?— спросил секретарь.

— Очень просто. Дайте мне вместо одного три станка с ЧПУ, а я вам вместо ста выдам триста процентов плана. Вот это и будет ускорением.

С того разговора довольно много воды утекло, а Слава Мятлик все еще работает на верном своем «Фануке». Новых станков ему не дают. Дорогое удовольствие, говорят, на один-то еле-еле наскребли. «Фанук» Славы Мятлика подмигивает индикаторами, меняет инструментарий, разговаривает со Славой, выбивая на экране дисплея какие-то слова, цифры, знаки.

Никто никогда не учил Славу, как обращаться с роботами, программированию его тоже никто не учил. До всего Слава дошел сам, за несколько месяцев разобрал до косточки всю анатомию «Фанука». Потом попробовал на нем поработать — получилось. Начал сам составлять для робота программы, хотя имелось специальное программное бюро.

Как-то раз на «Микрон» приехали станкостроители из Армении. Долго ходили вокруг Славы Мятлика, присматривались к его работе. А когда уезжать собрались, отозвали в сторонку.

— Слушай, парень, поехали в Ереван. Квартиру дадим. Сколько получаешь?.. Э, в два раза больше получать будешь!

Долго уговаривали, но так и не уговорили.

В самом деле, такие специалисты, как Слава, покуда в большом дефиците, но именно они, «рабочие с математическим уклоном», в будущем, по всей видимости, составят костяк рабочего класса страны. Роботы идут! Спешат, наступают на пятки.

«Фанук» — умная машина, но в понимании Славы Мятлика она уже устарел. Не получает Слава от общения со станком никакого морального удовлетворения.

Некоторое время назад у наладчиков из соседнего цеха случился аврал. Попросили Славу помочь. Работали сутками и подготовили станки в срок. Вот с того самого дня и зародилась у Славы идея — перебраться к наладчикам. Конечно, и в зарплате он от этого только потеряет, и в командировках будет пропадать безвылазно, только разве сравнишь все эти мелкие в общем-то потери с главным — движением мысли, удовлетворением от собственного труда?

«Вас приветствует «Фанук»,—выдал робот на экране дисплея. Слава похлопал его ладонью по железному туловищу, запустил программу.

— Ну что, ускоримся, приятель?

Представил себе анкету.

Профессия: Рабочий.

Специальность: Программист ЭВМ.

Образование: Высшее техническое.

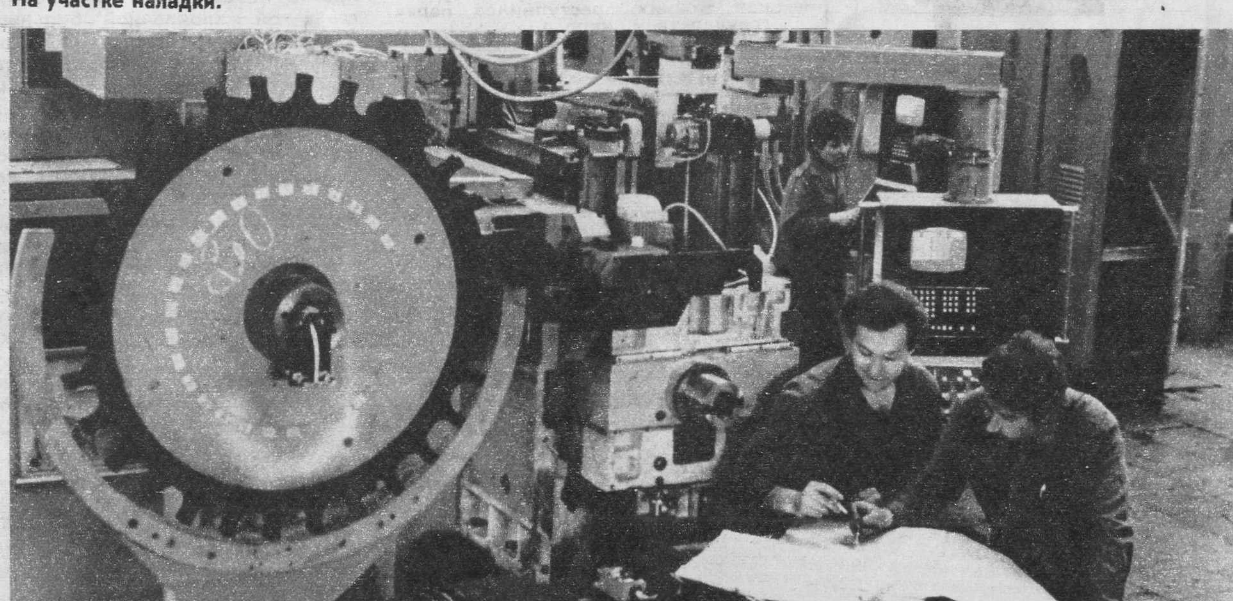
Какими языками владеете: русским, БЭЙСИК, ЛОГО.

Образ мышления: критико-аналитический.

Имя, фамилия, отчество:

Последнюю графу воображаемой этой анкеты я так и не заполнил. Подумалось: чем больше здесь будет стоять имен, тем лучше. Тем больше, значит, у нас современных рабочих, и ускорение не просто слово, но и дело.

На участке наладки.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ЕЩЕ РАЗ О ЧУДЕ

Более четырех месяцев прошло после опубликования в «Огоньке» интервью «Обыкновенное чудо» (№ 5 за 1986 год), в котором известный хирург, делегат XXVII съезда КПСС, профессор Гавриил Абрамович ИЛИЗАРОВ рассказал о том, какие бюрократические барьеры приходилось преодолевать ему как изобретателю аппарата, признанного сегодня во всем мире.

Редакция получила много откликов читателей. Авторы одних писем восхищаются гражданским подвигом хирурга, другие шлют подробное описание недуга, рентгеновские снимки и просят передать их лично курганскому кудеснику. Именно так назвала фельдшер из города Кабанска Бурятской АССР Т. Попкова свою поэму, посвященную Гавриилу Абрамовичу. Но раньше других пришли письма с благодарностью бывших пациентов.

«Ваша нога благополучно выдержала все испытания и даже жестокие декабрьские штормы в Тихом океане!» — пишет капитан Сахалинского морского пароходства Г. Сытин.

«По-прежнему летаю! Еще и еще раз благодарю вас за возвращенные крылья и человеческое счастье!» — передает хирургу привет летчик И. Иванычев.

«Хочу поклониться вам, Гавриил Абрамович, до земли за ваше непоколебимое мужество в борьбе с бюрократами от науки, за то, что вы делали и делаете для советских людей!» — написала Г. Демина из села Грачевки Ставропольского края.

Но больше всего писем возмущенных, резких. Читатели негодуют, что так медленно внедряется новое в медицине и сегодня.

«До глубины души были возмущены, прочитав беседу с Г. А. Илизаровым, — откликнулся по поручению группы больных П. Зуев из села Зуевка Куйбышевской области. — Не слишком ли мягкая оценка дается тем, кто под разными предлогами тормозит внедрение нового в медицине, нанося государству миллионные, а может быть, миллиардные убытки. Помоему, это не просто безразличие к судьбе отечественной медицины, а самое настоящее преступление. Они обворовывают наше государство, отнимают у него приоритет в науке, лишают многих советских людей самого дорогого, бесценного — здоровья. Таких людей мало снимать с работы, их нужно судить как тяжких преступников перед государством, народом».

«Почему они остаются безнаказанными? — возмущается ветеран войны и труда из г. Азова Е. Литинский. — Возможно, мой вывод будет и несколько резким, но консерватизм в медицине, в какие бы одежды он ни рядился, в конечном итоге не что иное, как вредительство».

«Прошу сообщить имена тех, кто, пользуясь служебным положением, тормозил внедрение метода Илизарова», — требует в своем письме ветеран труда, инвалид 2-й группы ВОВ Ф. Золотарев.

Об этом же пишут М. Нестеров из Звенигорода, москвич Д. Храповицкий, З. Милехина из Оренбурга. **По их просьбе мы обратились в Минздрав СССР, где нас познакомили с решением коллегии министерства, в котором, в частности, говорится:**

«...вместо оказания реальной поддержки т. Илизарову Г. А... т. Волков (директор Центрального научно-исследовательского института травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова. — М. К.) тормозил внедрение нового аппарата и нового метода. С его ведома в журнале «Ортопедия, травматология и протезирование» были опубликованы две статьи, в которых умалялось значение работ т. Илизарова Г. А., а приоритет созданного им аппарата приписывался иностранному автору.

Т. Волков М. В. и д. м. н. Оганесян О. В. фактически присвоили авторство на изобретение т. Илизарова Г. А. — аппарат с шарнирным устройством, получили авторское свидетельство и премию в размере 1800 рублей.

...Коллегия решила: считать поведение т. Волкова М. В., выразившееся в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях, нарушении научной этики... несовместимым с занимаемой должностью».

Справедливость восторжествовала. Но сколько важных открытий в области медицины еще находится в безвестности! Об одном из таких открытий в области детской ортопедии поведала в своем письме читательница Т. Ширина, дочь которой родилась с врожденным двухсторонним вывихом бедра.

«Единственное, что могли предложить врачи, — операция и последующее изнурительное лечение, которое займет как минимум три года. Да и то гарантий, что операция закончится успешно, не давали нам ни в приемной Минздрава РСФСР, ни в ЦИТО, ни в институте имени Турнера. И вдруг — чудо! — случайно узнала, что в Каунасе такой дефект лечится без операции даже в таком запоздалом для этой болезни возрасте, как 4 года, с помощью шины Баубинаса. Лечит сам профессор П. Баубинас, имеющий на счету тысячи вылеченных детей. Через год наша Юля стала совершенно здоровой».

Мы связались с Каунасом. Из разговора с профессором выяснилось, что его изобретение не секрет в медицине, его шина числится в каталогах и даже имеет приоритет, авторское свидетельство (№ 175617). Хотя дальше этого пока не пошло. Выходит, Юле просто повезло — ей хватило места в той малокоечной больнице Каунаса. Профессору нужна отдельная клиника, по поводу которой автор изобретения уже оббил пороги всех соответствующих инстанций республики. Автору, к сожалению, не хватило илизаровской выдержки, настойчивости. А без этого, увы, случается, что важное изобретение остается известным не далее пределов одного города, области. И лишь недавно шины Баубинаса начали выпускать в минимальных количествах да и то только для Литовской республики.

Но разве не нужны они в других республиках страны? **Именно этот вопрос редакция хотела бы переадресовать Минздраву СССР.**

В отличие от шины Баубинаса аппарат Илизарова уже выпускается серийно на Гудермесском заводе мединструментов. Но с этого завода редакция и получила одно грустное письмо, написанное по поручению комплексной бригады делегатом XXVII съезда КПСС Г. Кириченко. Письмо, пожалуй, не нуждается в комментариях, а поэтому цитируем его почти полностью:

«Наш коллектив хорошо знает профессора Илизарова, он часто бывал у нас, так как наш завод единственный в стране освоил выпуск его аппарата и на протяжении 20 лет изготавливает и поставляет его по разнарядкам Минздрава практически во все медицинские учреждения страны.

Тернистый путь внедрения изобретения Илизарова как в зеркале отражался в делах нашего коллектива. То есть чем больше аппарат внедрялся в здравоохранение, тем больше поступало заявок от Минздрава на его изготовление. Мы понимаем его значимость. «Чудо», которое делают врачи с помощью нашего изделия, наглядно показано в нашем заводском музее. Поэтому мы с большим энтузиазмом относимся к изготовлению этого аппарата. Но заботы наши на сегодняшний день в другом.

Если тернистый путь изобретателя, можно сказать, завершился, то для коллектива — изготовителя изобретения тернистый путь с каждым годом усложняется. Дело в том, что потребность в аппарате Илизарова увеличивается, а обеспечение материалами и комплектующими изделиями для его изготовления ниже требуемого».

Из письма делегата выяснилось, что за 1986 год завод должен изготовить около 2000 комплектов аппаратов, но Северо-Кавказское территориальное управление материально-технического снабжения не полностью обеспечило потребность в металле для изготовляемого аппарата. И это уже не говоря о том, что ежегодно срывают поставки металла завод «Серп и Молот», Орловский сталепрокатный и Златоустовский металлургический заводы. Поэтому-то в текущем году Гудермесский завод выпустит и поставит травматологам страны аппаратов Илизарова в 2 раза меньше.

Будем считать это послание делегата XXVII съезда КПСС Г. Кириченко открытым письмом Главному управлению мединструментов при Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления.

Впрочем, второе открытое письмо, но уже из самого курганского института, можно было бы адресовать московскому заводу «Технолог» и ленинградскому объединению «Красногвардеец».

— Сколько ни просим эти предприятия помочь нам с ортопедическими столами ОРМ-1 и одним аппаратом для обработки кости, — сокрушается главный врач инсти-

тута П. Шагланов,— а воз, увы, и ныне там!

По крайней мере упомянутые предприятия сдвигать этот воз с места не торопятся. А сдвинуть необходимо! Ведь из-за таких мелочей тормозится проведение важных научных экспериментов.

Очень много писем, авторы которых живо интересуются, когда в клинике Илизарова начнут исправлять горбы. В эксперименте на животных это успешно проделано, на очереди — клиника. Для этого институт уже дал своему экспериментальному производству заказ на изготовление необходимого аппарата. Но сам директор опытного предприятия А. Михеев сейчас в откровенной растерянности. Его меньше всего удивляет последнее чудо курганских ученых. Пока он ждет иного чуда. Как выяснилось из нашей с ним беседы, для научного эксперимента требуется самая малость — 300 килограммов стали.

— Найти-то эту сталь на каком-нибудь заводе можно,— объяснил он,— а вот приобрести найденное — это уже из области чудес.

Даже такое малое количество металла, ответили нам из Госснаба СССР, нельзя получить за наличный расчет. По фондам же металл можно будет получить года через полтора. Значит, эксперимент и последующее лечение горбатых людей откладываются на значительный срок. И все это от непродуманности некоторых инструкций, не знающих исключений для науки и мешающих **оперативно** приобретать сырье для важных экспериментов. А время не ждет — исцеления ждут люди.

К сожалению, случаи формализма в системе здравоохранения не единичны. И свидетельство тому — множество читательских писем.

«Всем ясно, что очень важно правильно и вовремя поставить диагноз,— пишет И. Гуменников из Нижневартовска.— Но часто по месту жительства врачи-ортопеды ставят неверный диагноз, а отсюда и неверное лечение, а уж о его результатах лучше умолчу. В клинике, руководимой Илизаровым Г. А., являющейся головной по проблеме, всегда квалифицированно проконсультируют больного, правильно поставят диагноз, а может, и назначат лечение, которое можно уже пройти по месту жительства или в ближайшем областном центре. Так почему же для одной этой консультации в курганской клинике нужно письменное разрешение Минздрава РСФСР?!»

«А действительно, почему? — задается тем же вопросом Н. Зеленгур из Симферополя.— Получается, что больной, допустим, из Владивостока, прилетев на консультацию в Курган без соответствующей бумажки от Минздрава, вынужден спешить в министерскую приемную в Москве. А прими его курганские консультанты без бумажки, и у них могут случиться неприятности по служебной линии. Так кому же нужна эта пустая формальность, на которую тратятся время, нервы и деньги больного?»

Есть письма, авторы которых удивляются тому, что метод Илизарова чаще практикуется в Кургане, а в других регионах страны мало кто из врачей берется лечить именно этим методом. Некоторые же читатели с недоверием отзываются о нем, как давшем осложнения после операции. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: просто чудо-аппарат попадает в руки лекарей, плохо освоивших илизаровскую методику. Ведь если разобраться, то аппарат, имеющий более четырехсот модификаций, напоминает детский конструктор, состоящий из колец, болтов, гаек, спиц. И чтобы его правильно собрать, приспособить к поврежденной конечности, нужно уметь творчески мыслить, тогда успех при операции обеспечен.

«В нашем городе эффективного оперативного вмешательства провести не могут,— написали нам супруги Виктория и Юрий Шараповы из г. Красный Луч Ворошиловградской области.— Местные врачи посоветовали с врожденным дефектом конечности обратиться за помощью в курганский НИИ. Сожалеем, что илизаровский метод так слабо распространен по стране».

Конечно, в институте делают все, чтобы распространить по стране свой метод. Для этого в институте каждый месяц приезжим врачам читаются лекции. Но в пределах нашей страны это, согласитесь, капля в море. Причину неудач некоторых горе-лекарей нужно, пожалуй, видеть в другом.

«Что получается, если посмотреть на систему обучения в медвузах? — обращается в редакцию врач-травматолог В. Коновалов из города Подольска.— Ведь в институтах на курс ортопедии и травматологии дается мало часов. И совсем немного времени уделено методу чрезкостного остеосинтеза Илизарова. Сообщение больше носит характер информации, что существует, мол, такой новый метод. Кстати, и микрохирургия здесь не в лучшем положении. Взять хотя бы новые методы лечения глазных болезней, разработанных профессором С. Н. Федоровым. Не я один считаю, что в срочном порядке нужно перетряхнуть институтский курс ортопедии и травматологии, убрав устарелые истины и сделав акцент на более современные методы лечения. В вузах должны прежде всего учить мыслить, а не зазубривать. Тогда не будет выходцев с дипломами, которые работают, будто отбывают повинность...»

Если экономически оценить отдачу от применения методов Илизарова по данным самого курганского института, который занимается этой проблемой не первые десятилетия, то в среднем экономический эффект на одного вылеченного больного составит не менее одной тысячи рублей в год. Но и этот эффект увеличивается с постоянным усовершенствованием методики Илизарова. Совсем недавно, например, защитил свою докторскую диссертацию сотрудник института А. Барабаш. Изученное и разработанное им замещение отсутствующей или дефектной части длинной трубчатой кости, по данным диссертанта, дает экономию до 12 тысяч рублей в год на одного вылеченного больного. И это не все. При внедрении его методики в здравоохранение страны отпадет надобность в костных трансплантатах, и тем самым постепенно будут сокращены целые спецслужбы по забору костей, консервации, хранению, доставке их в другие города. И снова экономия средств. Вопрос только в том, как правильно распоряжаться этими рублями.

«Не слишком ли бездумно распоряжаются средствами на постройку все новых и новых больниц,— делится своими мыслями врач Н. Марков из города Чехова.— Не лучше ли за счет тех же средств на постройку очередных больниц улучшить содержание больных, их питание, сделать помещения более уютными, приближенными по комфорту к домашним. За счет тех же средств неплохо бы увеличить ставки медсестрам, санитаркам, которые тогда вряд ли убегут на соседний завод или фабрику. Больные при таких условиях будут в несколько раз быстрее выздоравливать и освобождать койки. Постепенно очереди исчезнут. Конечно, я пишу прописные истины, которые уже набили оскомину, но тем больше удивляет то, что такие банальности не усваиваются в вышестоящих инстанциях».

Проблема очередей в медицинских учреждениях волнует многих читателей «Огонька».

«Мы много и пылко говорим о храмах будущего,— пишет из города Килии Одесской области персональный пенсионер И. Панкратьев.— Не лучше ли заглянуть в храм века нынешнего? И первое, что видим мы, так это длинные хвосты очередей за здоровьем. Лично мне больницы будущего представляются без подобных хвостов. Иначе о храмах будущего и говорить нечего. А вся беда в том, что показатель работы медиков измеряется количеством занятых коек. А это в корне ошибочно. Ведь по количеству коек наша страна на первом месте. Но очереди от этого не исчезают. Может, пришло то время, когда нужно остановить эту гонку за количеством и больше думать о качестве лечения?»

* * *

Много еще писем пришло в редакцию после того интервью с Г. А. Илизаровым. Но не дождалась редакция письма от, казалось бы, самого заинтересованного учреждения — от Минздрава СССР. Вопросы, поднимаемые в интервью профессором, изобретателем, делегатом XXVII съезда КПСС, пока, к сожалению, повисли в воздухе.

Обзор подготовил Михаил КОРЧАГИН.

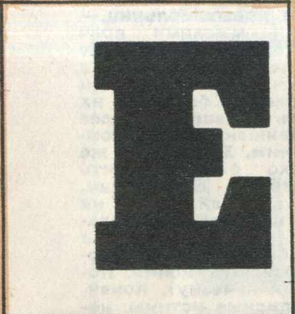
Прогулка маленьких пациентов профессора Г. А. Илизарова в курганском НИИ. **Фото В. Вяткина**

память истории священна

Сергей МАРКОВ,
фото Анатолия БОЧИНИНА

Я ХОТЕЛ БЫ ВЕРНУТЬСЯ В ЕЛАБУГУ

ще не уехал, а уже тосковал по Елабуге, глядя на нее с крутизны Чертова городища, у которого Тойма сливается с Камой.

Солнце садилось у меня за спиной. Так все ярко, четко вырисовывалось, что казалось, будто смотрю я в просветленные окуляры бинокля, что каждый закатный луч нашел себе что-то одно, самое притягательное, и уже не отпустит, будь то ворона на далекой антенне, ветвистая коряга на песчаной косе острова, окно двухэтажного бревенчатого дома в низине или пятиглавый Спасский собор с колокольней, светящейся и каким-то еще собственным светом.

Елабуга... Удивительное слово.

Елабуга... Только здесь мог родиться Иван Иванович Шишкин. Здесь, посреди России.

«Мой девиз? — восклицал он.— Да здравствует Россия!»

В 1910 году художник И. Э. Грабарь писал: «Недавно еще его картины казались современному поколению только скучными и лишенными достоинств, кроме похвальной усидчивости. Но теперь, когда прошла острота борьбы двух мировоззрений, надо признать, что заслуги Шишкина в истории русского пейзажа огромны».

А Россия — страна пейзажа. Пейзаж не только как жанр в искусстве живописи, но в широком смысле слова может иметь, по мнению современных социологов, значение географическое, натуралистическое, биологическое, психологическое, социальное, экономическое, философское, эстетическое, экологическое... Несколько лет назад в США проходила всемирная выставка, посвященная охране окружающей среды. Наша экспозиция начиналась с полотен Шишкина.

Где бы ни был живописец, чтобы ни писал—остров ли Валаам, Крым или Германию,— он писал свою маленькую родину, «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье, разливы рек ее, подобные морям...». Здесь «он с утра обыкновенно забирался куданибудь за город и целые дни бродил по замечательно красивым окрестностям Елабуги, зачеркивая и, главное, наблюдая, усваивая себе природу, которой он оставался верен всю жизнь и к которой постоянно до последнего времени возвращался в своих картинах. Дома он казался дикарем, нелюдимым, постоянно сидел у себя в комнате, где из окон открывался чудный вид на прибрежные луга и закамские леса».

Шишкинские места сохранились. Заведующая Домом-музеем Шишкина Светлана Васильевна Бобкова показала мне, где он писал «Обрыв», «Святой ключ близ Елабуги»...

Ключей близ Елабуги и до сих пор бьет множество. Приехав в город рано утром, я увидел из окна автобуса девушек с коромыслами. «Неужели водопровода нет?» «Есть, как же! — ответили мне.— Хороший, современный водопровод». «Так почему же тогда...» «Коромысла-то? Да сами поймете. О водопроводе Ивана Васильевича Шишкина не слыхали?»

— Он и мельницы строил — ветряные, водяные, и башню восстанавливал на Чертовом городище,— говорил мне Николай Иванович Бех, генеральный директор строящегося в Елабуге тракторного завода.

Это будет огромный завод, верней производственное объединение, состоящее из шести заводов. Одна из крупнейших сейчас в стране строек, вроде БАМа, соседнего КамАЗа. Она уже началась, ее слышно, видно, уже чувствуется ее горячее дыхание, пахнущее бензином и соляркой, металлом и цементом. Стране производственное объединение даст «универсально-пропашные тракторы мощностью 150 л. с., имеющие важное значение для выполнения заданий Продовольственной программы СССР». А что будет с самой Елабугой — выдержит, выстоит ли этот небольшой городок с многовековой историей, и если выстоит, то каким будет через три, пять, десять лет?

«Елабуга станет городом двадцать первого века»,— говорили мне строители.

Николай Иванович Бех, которому нет и сорока, строил Волжский и Камский автомобильные заводы.

— А здесь,— говорил он, развернув карту города,— мы учтем все ошибки, просчеты, которых было достаточно, здесь...— Беспрерывно нас прерывали телефонные звонки из Одессы, Свердловска, Вильнюса, входили и выходили инженеры, архитекторы, строители, в конференц-зале уже начиналось очередное заседание, и срочно нужно было вылетать в Харьков ругаться с проектировщиками, которые обязаны, но безобразно обеспечивают стройку документацией.— Елабуга — это ведь и Андрей Боголюбский, и Ермак Тимофеев, и Иван Грозный...

— А не могут сказать, что к крупнейшей стройке этой и следующей пятилеток эти исторические личности имеют довольно косвенное отношение?

— Не могут. Никто этого сказать уже не посмеет. Во-первых, Елабуга должна стать культурным центром всей округи — Брежнева, Нижнекамска, Менделеевска... А во-вторых, ничего временного мы делать здесь не собираемся и сами пришли не только для того, чтобы работать, но и для того, чтобы жить здесь и воспитывать детей. Какой же может быть город будущего без прошлого?

От генерального директора я снова отправился в музей Шишкина. Светлана Васильевна дала мне почитать «Историю города Елабуги», «составленную» отцом живописца, Иваном Васильевичем Шишкиным, и посвященную добрым и благотворительным согражданам. Вот что я оттуда выписал:

«Я как старожил своего города, находясь в преклонных летах, хочу на память потомству рассказать историю своего родного города от начала его и намерен постепенно довести рассказ свой до настоящего цветущего его состояния».

Много раз горел этот город — первым, возможно, сжег его персидский царь Дарий, гнавшийся за скифами. Но город восставал из пепла, подобно сказочной птице Феникс. С любовью Иван Васильевич описывает Елабугу, бывшее Тресвятское, окрестности: «За расстилающимися перед городом лучами, прямо — величественная Кама, с быстробегущими пароходами и барками, нагруженными хлебом и разными изделиями, также разными сибирскими металлами и минералами... Если взглянуть на город с Камы, то вид его произведет также приятное впечатление: вы увидите на довольно большом возвышении набережную города, на которой стоят одна за другою и почти в равном друг от друга расстоянии четыре каменные церкви хорошей архитектуры, и тянутся по одной линии с набережной и течением Камы; дома большею частию каменные; в числе последних встретите много таких, которые составили бы красу не только уездному, но и губернскому городу».

Во всем, что делал, писал Шишкин-старший,— бесконечная гордость за свой городок и за своих земляков. Сверкают, шумят где-то Петербург и Париж, Лондон и Москва, а Ивану Васильевичу милей родная Елабуга, ни на что бы он ее не променял, хоть и впору иногда было впасть в отчаяние от тупости и лености некоторых ее граждан и начальства.

О водопроводах в Елабуге, конечно, слышали, но «никто не сочувствовал и решительно никто не надеялся, чтобы можно было провести воду туда, где ее нет... И потому никто не согласился никакого делать пособия. Тогда я и решился устроить собственно своим счетом». И устроил, несмотря ни на что, даже на бурю, которая вырвала уже уложенные дубовые желоба из земли и унесла, после чего все горожане поняли, что невозможно, что самой судьбе неугоден водопровод. Когда ударил посреди города фонтан — все ахнули от изумления; до утра не могли разойтись, и потом много дней съезжались с окрестных деревень крестьяне, чтобы подивиться на чудо. «Начально был поставлен столб сажени две, и в нем было проверчено несколько дыр, и в них во все стороны вода струилась. Я сделал на площади около столба чан, и тут из него начали воду брать».

И до сих пор приходят с коромыслами и берут, хотя прошло уже больше полутора сотен лет и не раз проводились новые водопроводы. Вкусней, прозрачней, мягче воды, чем из водопровода Ивана Васильевича, я не пил нигде.

Замечательную память по себе оставил этот скромный малограмотный человек. Многие ли памятники могли бы сравниться с этим по своей подлинности, несомненности?— вот о чем я думал, набирая полные пригоршни и окуная лицо, потому что пить уже не мог, но и оторваться тоже. И архитекторы, с которыми я гулял в тот

Река Кама вблизи Елабуги * Здесь строится тракторный завод * У дома, где провела свои последние дни Марина Цветаева.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Лето пришло * В доме-музее Ивана Ивановича Шишкина * Глаз не оторвать... * Дом Надежды Дуровой * Им жить в городе будущего.

См. стр. 24.

123
НАДЕЖДА
АНДРЕЕВНА
ДУРОВА

рампа

Н. КАТАЕВА

Слагаемые удачи

Ирину Алферову и Александра Абдулова зрителям представлять не нужно: редкая киноафиша или праздничная телепрограмма обходятся без их участия. Другое дело, что в калейдоскопе представленных ими фигур не всегда обнаруживаешь работы яркие и значительные, актеры эти явно не относятся к тем, кто заявил о своей теме громко и сразу. Если быть точным в определениях, то иные их кинороли напоминают кинопробы, кино как бы присматривалось к ним, то откровенно эксплуатируя внешние данные, то помещая в самые разные эпохи, то навязывая определенный образ «молодого героя (героини)» и нещадно его тиражируя.

И Ирина Алферова с переменным успехом примеряла платья Ксении, сподвижницы Василия Буслаева, Констанции Бонасье, подруги д'Артаньяна, костюмы литературных героинь и революционерок, скафандры инопланетянок и наряды современниц. Нельзя было не отметить похожесть ее героинь, некоторую размытость черт, однообразие приемов игры. Но несмотря на это, на них интересно смотреть, потому что они несут обаяние женственности и красоты. Лучшие из ее ролей одухотворены тонким и трепетным отношением к жизни, окрашены лиричностью, запоминаются склонностью к самоанализу. А это стало редкостью на нашем экране, приветствующем порой лишь улыбки молодости, умение по-балетному «держать спину» или выдавать монотонность облика и раз навсегда «сделанную» манеру исполнения за высшую духовность. Нелишне заметить, что красивых актрис почти перестали снимать в положительных ролях,— чем интереснее и духовнее героиня, тем непривлекательнее внешность исполнительницы. Более того, красота стала своеобразным знаком пошлости, в ролях отрицательных снимают как раз красивых.

И Александр Абдулов, окрещенный критикой за роль Плужникова «человеком корчагинской закваски», кем только не представал на экране! От неискушенных, романтичных юношей, среди которых и пушкинский Гринев в телеверсии «Капитанской дочки», до приспособленца Грегора («Рецепт ее молодости»), жертвующего счастьем близких людей ради денег, или предавшего самого себя Уолтера Хартрайта («Женщина в белом»); от современных суперменов в «Карнавале» и «Самой обаятельной и привлекательной» до неоднозначных персонажей в фильмах «Два гусара» и «Поцелуй». Но нельзя было из этих ролей выделить ту, в которой был бы сосредоточен именно абдуловский характер, лишенный черт суперменства, но непременно несущий в себе огромный заряд чувств. Его герой всегда современен, в какой бы эпохе ни оказался. Актер одинаково убедителен как в утверждении добра, так и зла. Ощущаешь, что положительных героев он играет, помня выражение—«добро должно быть с кулаками». А его отрицательным персонажам, безжалостным к проявлению всего истинно человеческого, нужен сильный противник, так как их скрытая агрессия поистине разрушительна (новый фильм Р. Балаяна «Храни меня, мой талисман»).

Мне вспоминается одна встреча Алферовой и Абдулова со зрителями, которые ждали от артистов откровенного разговора о том, что уже сделано в кино и театре.

— Я не испытываю удовлетворения от большинства своих ролей в кино,— сказала Ирина Алферова.— Жаловаться не хочется, но, увы, часто приходится сниматься не в «своих» ролях, и попытка сказать то, что можешь сказать только ты (у каждого человека своя миссия на этой земле), все твои усилия тонут в общем «сером» материале. Качеству иных сценариев можно только удивляться (какие редакторы их пропустили и почему они не несут юридическую ответственность за этот заведомый брак в работе?!), как и непрофессионализму режиссеров. А встретишься — люди, как правило, умные, умеющие интересно и много говорить. Все они хотят снимать «новое» кино, хотят перевернуть мир, но спроси, что хотели бы от меня как исполнительницы в конкретном эпизоде,— не сумеют сформулировать в двух словах, не определят твое место, а то и вообще скажут, что «подумают»... Мне дороги работы в фильмах «Хождение по мукам», «С любимыми не расставайтесь», «Незваный друг».

Недавно Ирина закончила сниматься в югославском фильме «Любовные письма с умыслом». Звонимир Беркович долго искал исполнительницу, была даже идея пригласить Катрин Денёв, но в результате предложил роль Алферовой после получасового разговора с ней. Режиссер увидел в Ирине свою героиню и, когда уже шли съемки, ничего не хотел из нее «делать», и потому актриса естественно и свободно чувствовала себя в роли женщины, живущей непростой духовной жизнью.

— А то в чем порой видят оригинальность: надо бы из вас эдакую «язву» сделать, вот это будет интересно! А зачем? Изобразить все можно, но если во мне изначальна другая заданность? Следует, наверное, только увидеть ее, а не изобретать колесо. Тем более, что сейчас чувствую себя в удивительной форме — очень много могу работать!

Время открытий наступило и для Александра Абдулова. Вполне возможно, возраст обязывает — тридцать три года, но и жизненный опыт, несомненно, позволяет говорить об ином качестве работы.

Как творческая индивидуальность Александр Абдулов сформирован школой главного режиссера Московского театра имени Ленинского комсомола Марка Захарова (как, впрочем, и Ирина Алферова, работающая с мужем на одной сцене). Здесь не случайно говорят о руководителе: если даже просто сидеть за его спиной на репетициях, станешь настоящим режиссером. Захаров сознательно воспитывает в актерах это умение. И не дает успокоиться, бросает из одного состояния в другое, требует мобильности, гибкости. Посмотрим сценические роли А. Абдулова, какие они разные: Плужников («В списках не значился»), Хоакин Мурьета («Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»), Никита («Жестокие игры»), Сиплый («Оптимистическая трагедия»), Верховенский («Диктатура совести»). Или в захаровских телефильмах: сегодня он в романтической роли Медведя («Обыкновенное чудо»), а завтра в комедийных — слуги графа Калиостро («Формула любви») или доктора Симпсона («Дом, который построил Свифт»).

...А на той встрече со зрителями разговор о творческих удачах и потерях постепенно вылился в разговор о волнующих всех жизненных проблемах. Вот, например, зрители уже давно обеспокоены легковесностью большинства лент, посвященных любви.

— Всем, наверное, приходилось слышать с экрана, что любовь — это так же просто и прозаично, как еда и питье,— говорит И. Алферова.— А я думаю, что жизнь без идеалов невозможна, и если люди не уверены, что именно друг для друга они будут единственными и неповторимыми на протяжении всей жизни, если сомневаются в этом, то не стоит начинать жить вместе. Я верю в любовь, она существует, и зрителю необходимы герои, способные верить и умеющие любить. О дефиците духовности, о попрании женственности, об исчезновении мужественности — вот о чем нужно говорить с экрана сегодня, а не сосредоточиваться на тех мимолетностях и мелочах, которые, конечно, подкидывает нам жизнь.

— Меня же удручает «беспополость» героев,— добавляет А. Абдулов,— я не вижу на экране Женщин, я не вижу Мужчин, я вижу среднестатистических служащих, выполняющих производственный план и как бы между прочим вспоминающих о любви, устраивающих комсомольские свадьбы и вот уже качающих детей. Я не верю в любовь таких героев! Человеческие отношения много сложнее, и зачем их так упрощать?! Нас приучили к такому контролю, что сценарист и режиссер, не дожидаясь указаний редактора, вооружаются ножницами и подправляют картину, не заботясь о смысле и глубине.

— Уж как я любила литературу,— вспоминает Ирина,— как мне нравилось писать сочинения, но хорошо помню, что я з н а л а, как их писать. К примеру, в сочинении про осенний лес моя рука сама выводила про «небеса», «леса, одетые в багрянец» и т. д. Теперь это делает моя одиннадцатилетняя дочь Ксения.

Вот задали ей описать известную картину, где фашист допрашивает женщину. «Мамочка,— говорит мне дочь,— я бы, наверное, не смогла, я бы все рассказала, не выдержала бы...» «Так и напиши, как думаешь»,— говорю. «Ты что, так нельзя!»— отвечает. Вот вам и формирование личности! Почему «нельзя», когда в детстве многие решают этот вопрос, читая о героях: а я смог бы так. И пусть бы ребенок написал: наверное, не смогу. Может быть, именно это поможет ему когда-нибудь в экстремальной ситуации не оказаться трусом, подлецом, негодяем,— ведь и учитель, и мы, родители, узнаем ее душу, поможем... А пока, получается, дочь стыдится собственных мыслей. Стыдится иметь собственное мнение...

Нам доводилось общаться с молодыми людьми, которые страдают отсутствием собственного мнения, самостоятельности мышления. Наверное, не повезло им, не было у них настоящих взрослых друзей ни среди родственников, ни среди учителей. Как же им трудно! Эти юноши и девушки не могут ответить на вопрос: как жить? Их бросает из стороны в сторону.

К этой категории Ирина относит и тех, кто бегает за популярными артистами с просьбой об автографе, и вообще тех, кто не считает зазорным подойти на улице, в буквальном смысле слова потрогать «кумира», обратиться с бесцеремонным вопросом или назойливой просьбой: звонят по телефону, пишут письма, признаются в любви, требуют встреч. И не задумываются над тем, что можно быть молча благодарным человеку, который что-то открыл тебе и в тебе, как-то коснулся твоей души.

— И в этом смысле мне повезло,— говорит Алферова.— Только недавно я осознала, что такой человек с детства был у меня перед глазами. Мама. Красивая, нежная, любящая женщина, бесконечно добрая... Вот так не сразу осознаешь, как же все тесно взаимосвязано: воспитание, творчество, новая роль, режиссер, зритель, актер... И пока не поймешь это, вряд ли достигнешь успеха. Самые счастливые съемки, я замечала, зависят всегда от чего-то такого, что происходило с тобой давным-давно...

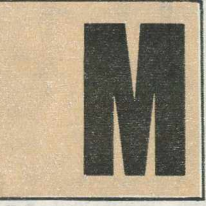
Артисты театра и кино Ирина Алферова и Александр Абдулов с дочерью.

Фото В. ПЛОТНИКОВА

Драматургия Эдварда Радзинского неизменно привлекает зрителя. Всегда рождает полемику, вызывает разноречивые мнения критики. Так было и с последней московской премьерой его пьесы «Театр времен Нерона и Сенеки» в постановке А. Гончарова в Театре имени В. Маяковского. Как относится сам автор к таким спорам? С ответа на этот вопрос нашего корреспондента Марии Дементьевой и начал Э. Радзинский разговор о сегодняшних проблемах театрального искусства.

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

УЧИТЬСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Меня радуют споры. С удовольствием повторю банальные слова: только в столкновении мнений рождается истина... К сожалению, общий торжественно - хвалебный тон, которым в последнее время были проникнуты многие области нашей жизни, о чем достаточно говорилось на XXVII съезде КПСС, целиком можно отнести и к театральному делу. Сейчас мы учимся смотреть на вещи по-новому. И должны научиться радоваться спорам, радоваться разным мнениям по поводу спектакля. Тем более что надеюсь: прошло время, когда «разносная» рецензия была концом работы и началом оргвыводов.

Недавно я закончил две пьесы, которые для меня достаточно экспериментальны, кстати, и по тому, как будут осуществляться их постановки.

Одна из них — с длинным названием, которое состоит из строки «городского фольклора»: «Я стою у ресторана, замуж — поздно, сдохнуть — рано». Репетируется она в Театре имени Маяковского, репетируют ее актеры из разных театров — Наталья Гундарева и Сергей Шакуров из Театра имени Станиславского. Ставит спектакль режиссер В. Портнов.

Эту пьесу я отдал в театр, который люблю и с которым меня связывают многие работы. Я посмотрим, как будет, когда он перейдет из стадии разговоров в стадию дела.

Подлинный эксперимент для меня начнется, когда в Москве откроются новые театры — то, без чего Москва уже жить не может. Не я один говорю о стыдном положении, когда в многомиллионном городе существуют всего два десятка театров. Это лишает театры возможности соревноваться, это внушает им самоуспокоенность. И главное — делает невозможным для тысяч зрителей посещение театра. Билеты в театры — дефицит. Все это я писал три года назад и сейчас могу повторить все слово в слово, только с бо́льшим пафосом. Пусть товарищи, которые отвечают за сложившееся положение, объяснят, в чем уж такая сложность открытия в Москве новых театров. Я готов с ними полемизировать. И доказать, что никакой сложности нет, есть нежелание действовать — и всего лишь.

Новые театры в Москве необходимы. Они нужны актерам — чтобы они могли доказать свою перспективность. Они нужны режиссерам — потому что родят новые режиссерские имена. Они нужны зрителям, особенно молодежи, чтобы для них посещение рядового спектакля не предварялось мучительной процедурой доставания билета. И, наконец, они нужны драматургам,— только тогда в нашей драматургии появятся новые имена молодых. (Действительно, молодых и по возрасту, не тех, которые, к сожалению, сумели пробиться на сцену в возрасте за сорок, когда писателю надо праздника. Эти спектакли — «для галочки». То есть это заведомо планируемый брак.

При этом ставится порой несколько «парадных» спектаклей, чтобы выпустить тот один, которым по правде живет театр. Которым он более, за который он хочет отвечать, который есть смысл его жизни. Почему же этот главный спектакль надо «прикрывать» при помощи необычайного количества попутно выпускаемой чепухи?! Жизнь актеров расходуется непроизводительно, государственные средства летят на ветер.

И второе. Для меня это одна из самых больших проблем: мы все стали очень важные, мы потеряли юмор по отношению к себе. Эта наша постоянная парадность перешла в постоянную важность.

Я все время помню письмо в редакцию «Литературной газеты» студентки восемнадцати лет. Она заметила то, что мы видим каждый день и к чему, к сожалению, привыкли: нашу надутость!

«Иногда смотришь,— пишет эта девушка,— на таких людей, которые все всегда знают, не терпят возражений и очень себе нравятся со стороны, и думаешь: как же они нелепы. А потом вдруг спохватишься: да я сама такая, не лучше ни на йоту. А уж в искусстве — посмотришь вроде «Кинопанорамы» или другую телепередачу, посвященную деятелям кино, театра, эстрады, диву даешься: сидят за столом взрослые люди и с видом Сократа, устремив глаза в воображаемую бесконечность, над макушками наших голов, говорят такую чепуху!»

И ведь это правда! Я это по себе чувствую. Мы научились вещать. Для нас сомнение стало символом безыдейности. Если писателя спросят: «О чем вы написали в своей пьесе?»—а он ответит: «Я пока не знаю, я продолжаю над этим думать»,— это будет считаться чуть ли не вызовом.

сторонник верности театрам. Когда-то я был верен Театру имени Ленинского комсомола, когда им руководил А. Эфрос, теперь стараюсь быть верным театру Гончарова.

Вторую пьесу, которая называется «Спортивные сцены 1981 года», я передал Театру имени Ермоловой. Репетирует ее главный режиссер театра Валерий Фокин.

Мне давно хотелось работать с этим режиссером. Я очень настороженно относился к его первым шагам, когда его назначили руководить Театром имени Ермоловой. Ибо был свидетелем, как «шумные» молодые режиссеры принимали театр и начинали работать так тихо, что вскоре исчезали с театральной карты Москвы.

Фокин начал иначе. Первым же своим спектаклем, «Говори...», он сразу привлек к себе внимание. Спектакль вызвал споры и страсти. Это замечательно, так и должно быть в театре. Когда все тихо, нет театра... В такой благостной тишине и жил раньше Театр имени Ермоловой. Во многих критических рецензиях и во многих официальных сводках этот театр был в числе самых благополучных. Самых благополучных для руководящих учреждений — и самых неинтересных для зрителей. Но появился Фокин... Короче, вот почему я отдал ему пьесу, которая для меня важна.

В спектакле будут играть О. Меньшиков, Т. Догилева, В. Павлов и Татьяна Доронина, приглашенная из МХАТа.

Кстати, думаю, что участие в обоих спектаклях актеров из разных театров знаменательно. Сама жизнь диктует сегодня это приглашение актеров на спектакль, более гибкие связи между театрами, когда во имя художественности разрушаются организационные рамки.

Об этом, в частности, говорится в связи с готовящимся в нашем театре экспериментом.

подводить итоги.) «Большие» театры, сколько бы мы ни обольщались, пьесы молодых могут ставить лишь изредка.

Итак, да здравствуют новые молодые театры... Новые коллективы дадут возможность понять старым истинное положение, в котором они находятся. Они дадут новый приток сил в наше искусство.

Причем здесь могут быть самые разнообразные организационные формы. Например, очень интересный опыт есть в Болгарии, где театром «София» руководит целая группа драматургов. (Это не значит, что в театре они ставят свои пьесы, как раз наоборот.) Но они диктуют этому театру определенные художественные вкусы, являются руководителями художественными в полном смысле слова. Но, конечно, создавать новые коллективы в первую очередь должны режиссеры. Сегодня у нас на театре есть ряд проблем, которые очевидны и без преодоления которых, на мой взгляд, трудно будет идти дальше.

Первое, что бросается всем в глаза,— это так называемая двойная бухгалтерия. Она проникла во все поры нашего театрального процесса.

Например, мы почему-то привыкли, что чем талантливее вещь, тем больше она должна испытывать трудностей... Это стало нормой. У нас даже зритель перестал верить тем вещам, которые не испытывают трудностей. У нас запрещение стало частью театрального зрелища: достаточно, чтобы вещь была запрещена, как зритель начинает прямо-таки рваться на спектакль — настолько мы приучили его к обратному счету. Это печальнейший эффект.

Самым типичным примером двойной бухгалтерии стала праздничная афиша. В нашей режиссуре появились мастера ставить спектакли, которые моментально исчезают после любого

К этому мы приучили и зрителей. И теперь, если зритель чего-то не понимает или ему что-то сразу не нравится, ему моментально кажется, что это плохо. Мы приучили его, что, выходя из театра, он должен уже все понять, а не размышлять над увиденным. И теперь, стоит появиться чему-то истинно трудному, спорному, как зрители начинают писать письма. И те организации, у которых полно работы, начинают всерьез их разбирать... превращая мнение не очень квалифицированных зрителей в еще одну инстанцию.

А ведь существует театральная критика, и писать о спектакле — это ее прямое дело. Зритель же наш, замечательный, уважаемый зритель, должен спектакль смотреть. А если уж у него такое желание: обсуждать спектакль непременно в письменной форме, пусть становится критиком — для этого они и существуют!

...Вообще сегодня очень сложно говорить о недостатках, потому что такие разговоры скоро станут общим местом. Теперь о недостатках говорят все... И те, кто в свое время об этом молчал, кто был главным организатором парадности, они сегодня выходят на трибуны и требуют самокритики.

Научиться быть ответственными — вот главное, что от нас требуется сегодня.

И еще. Я думаю, очень многие, кто сейчас сетует, как им было трудно работать при жестком руководстве органов культуры, неискренни. Ибо им тогда было легко. Ответственность брали на себя эти организации. Им, привыкшим существовать за спиной целого ряда ведомств, как раз трудно будет сейчас: привыкать работать в новой обстановке — обстановке личной ответственности. Всем нам надо научиться быть ответственными, учиться этому должен каждый. Этого требует время.

ЦВЕТЫ КАРАКУМОВ

Весна в Каракумах. Фото В. Фаминского

Нури БАЙРАМОВ

●

От черных трещин корчатся такыры,
Пески плывут и плавятся с утра.
Нет сил пустыню видеть в дни такие!
Ее сжигает заживо жара.

Торчат растений остовы угрюмо.
Отводишь взгляд?
Во все глаза смотри —
Пойми их боль и что-нибудь придумай,
Горит земля, твоя земля, Нури!

В нагих нагорьях —
Шелест суховея,
Дымится смерч — вихляющийся жгут.
Пески горят,
Молчат, вздохнуть не смея,
И возвращенья радости не ждут.

Зной
Саксаулы медленно терзает.
Темно в глазах джейраньих от тоски...
И я о них
Одною думой занят,
Когда родные бедствуют пески.

●

Есть один в Фирюзе соловей —
мы знакомы давно.
Есть цветы и мои средь цветов в Каракумах
весной.
Есть на утренней нежной заре дуновенье
одно —
Все ветра пробуждает оно, пошептавшись
со мной.
Сколько в Каспии капель, но есть и моя
среди них.
Спят барханы, песчинку мою среди прочих
тая.
А еще среди этих дорог, среди жарких,
степных,
Есть дорога не чья-то — моя,
Есть дорога моя...

●

Меж солнцем и поверхностью дневной,
Скажите мне, чье место?
— Человека.
Между цветком и утренней зарей,
Скажите мне, чье место?
— Человека.

Меж юностью и зрелостью луны,
Скажите мне, чье место?
— Человека.
Меж домом и селом в полях страны,
Скажите мне, чье место?
— Человека.

Между селом и городом вдали,
Скажите мне, чье место?
— Человека.
Меж странами, народами земли,
Скажите мне, чье место?
— Человека.

Меж легким снегопадом и пургой,
Скажите мне, чье место?
— Человека.
А между темной распрей и враждой
Неужто тоже место
Человека?

Меж стойким светом и упорной мглой,
Скажите мне, чье место?
— Человека.
Чье место здесь, меж небом и землей,
Скажите, чье же место?
— Человека.

МОЙ ДЕД

Мой дед газелей помнил тьму,
Но предан был своим делам:
Сперва вручила жизнь ему
Омач [1], а после уж калам [2].
А все же слыл поэтом он!
И вот сам хан, прельщен молвой,
К нему явился, облачен
В блестящий панцирь боевой.
«Возьму тебя на аламан [3].
Твоя прилежная строка
Расскажет миру мусульман
Про доблесть ханского клинка.
В стихах затейливых воспой,
Как села жгу, в полон беру,
Как, завершив набег лихой,
Сижу победно на пиру».
Остались горы позади —
Пустилось войско грабить, жечь.
Поэт, а ну-ка погляди,
Как головы слетают с плеч!
Молчит он, словно в рот воды
Набрал. Какая там газель!
Терзает сердце стон беды,
Скорбь обездоленных земель.
Грабеж — позор, добыча — прах!
Вокруг и алчность, и вражда,
А у него одно в мечтах:
Омач да в поле борозда.
Хан, не дождавшись пышных строк,
Хрипит — поди досаду спрячь:
«Таким, как ты, добро не впрок.
Считай своим добром омач!»

[1] Плуг.
[2] Перо.
[3] Набег.

Веленье молвлено, и вот,
Смеясь и радостно спеша,
Вновь пахарь-дед домой идет:
Обузу сбросила душа.
Глядит, минуя каждый дол:
Вспахать бы землю тут и тут,
Чтоб жаркий край пустынь зацвел,
Благословляя жаркий труд.
Достиг родимого села —
И вдруг застлал глаза туман:
Кровь, пепел, мертвые тела —
И тут прошелся аламан!..
И в горе гневная строка
В нем взвыла болью и тоской...
Стара история, горька.
А смысл в ней есть и вот какой:
Поэт — едва ль поэт, пока
Не тронут горестью мирской.

●

Солтан-эдже, спасибо на мудром слове,
Бабка моя повивальная,
Ты говаривала, лаская меня:
— Из твоей пуповины
Алую каплю крови
Впитали эти пески. Помни: ты им родня.

Помню. И какие бы перемены
Ни случились в судьбе сегодня или потом,
Пустыня — мой дастархан священный,
Мой завещанный предками дом.

Зной терпеливо сносил я,
небо моля о влаге,
Не проклинал я ветер,
который лицо мне сек.
Первую букву свою написал я
не на бумаге —
Первой моей тетрадью был тот же песок.

Радость моя, ликуя,
летит над песком вешним,
Осенний песок заносит мою тоску.
Когда по-сиротски случалось мне быть
безутешным,
За утешением я обращался к песку.

Я ни на что не сетую, еще ничего не итожу,
Только, хочешь не хочешь,
На убыль идут года.
Смерти бояться глупо, и все же
Невеселые мысли наведываются иногда.

Если слово мое со мною остынет
И зрение
Потеряет звезду во мгле,—
Мое завещание — только она, пустыня,
Знает,
Зачем я был на земле.
Хочу припасть к Каракумам
В последней усталости,
Белый песок в изголовье они приготовят
мне.
Что не успел —
доскажу, когда мы останемся
Навечно наедине.

Перевел с туркменского
Владимир ПАЛЬЧИКОВ.

Со страниц старинных изданий

Газетная реклама: «Сегодня и в течение недели будет выступать с громадным успехом В. В. Сладкопевцев».

«В голосе артиста лишь остатки прежнего величия, но эти остатки столь значительны, что сумели произвести сильное впечатление на публику».

«Комик г. Александровский никогда не переигрывает, не гоняется за дешевым эффектом, чужд шаржа и юмора, и поэтому пользуется большой симпатией публики».

«Роль Елены проведена г-жой Руджиери роскошно, но внешние условия физического сложения не придали нужной иллюзии».

«Артист, видимо, не совладел с трудной задачей, имеющей место в данном моменте кульминационного пункта интенсивности по интерпретации внутреннего склада психоза роли».

Собрал В. Дальский

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ

СКАЗОЧНОЙ СИЛЫ РАСТЕНИЯ

Можно ли вырастить женьшень на грядке? До сих пор считалось, что это едва ли возможно. Еще древние говорили, что легче приручить взрослого тигра, чем вырастить один корень женьшеня. В нашей стране «корень жизни» произрастает только на Дальнем Востоке, в трудно проходимых таежных дебрях.

Первые опыты по выращиванию женьшеня на собственном садовом участке бригадир Витебского телевизионного завода В. Гавриленко провел еще шесть лет назад. Но это действительно оказалось совсем непросто. Только минувшей осенью садовод-любитель смог, наконец, снять первый урожай. Зато он превзошел все ожидания. Каждый из нескольких десятков корней женьшеня весил более 50 граммов.

Коль скоро женьшень можно вырастить в Белоруссии, не означает ли это, что его можно выращивать по всей стране? В. Гавриленко познакомил со своими опытами ученых. Теперь слово за ними. Появилась реальная надежда, что не только любительская, но и промышленная «география» посадок женьшеня расширится...

НЕОЖИДАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Траулер «Федор Гладков» ловил рыбу в Атлантическом океане. Подошел к плавбазе для выгрузки рыбы, пришвартовался. И вдруг на слип, неуклюже шлепая ластами, взобрался морской лев. Потом залез на палубу и улегся. Подошли моряки, но лев их не испугался. Лежал, глазел по сторонам.

Моряки стали угощать морского гостя рыбой. Что бы вы думали? С удовольствием ел!

Более суток выгружался «Федор Гладков». Все это время «гостил» на судне атласно-черный красавец лев.

Настало время уходить морякам на промысел. Заработали мощные судовые двигатели... Только тогда гость покинул корабль.

Эту необычную историю рассказала своим читателям газета «Черноморская здравница».

ПЛЯШУЩИЕ «ЧЕЛОВЕЧКИ»

Башкирские ученые обнаружили рисунки первобытного человека в большой пещере близ аула Мурадымово. Они представляют собой своеобразных пляшущих «человечков». Кажется, что эти рисунки на стенах пещеры сделаны рукой ребенка. Однако рисункам по крайней мере пять-шесть тысячелетий, о чем свидетельствует толщина кальцитовых образований, под которыми они отлично сохранились.

На территории Башкирии следы древних поселенцев находились и ранее, но находка в пещере близ Мурадымово представляет особую ценность. По мнению специалистов, пляшущие «человечки» являются своеобразным свидетельством художественной деятельности человека древнейших времен.

— До чего же несведущий ученый пошел: прислали к нам на переборку профессора по картошке, а он говорит, что никогда ничего подобного не видел.

Рис. В. Владова

Рис. А. Анисимова.

ЩУКА, ПОХОЖАЯ НА АКУЛУ

Какова же была радость рыбака Аркалыкского рыбзавода Серика Насыпбаева, когда он поймал в реке Тургай щуку с себя ростом! Замер показал длину 1 метр 64 сантиметра.

Однако рекордсменкой рыба оставалась недолго. Скоро в сеть другого рыбака из Аркалыка, Мартыбая Жагалбалиева, попалась на озере Карасор щука длиной 1 метр 86 сантиметров. Товарищи по работе шутили, что это уже не щука, а самая настоящая акула. Шутка ли: она выше самого Мартыбая примерно на полголовы!

Крупные экземпляры рыб в Тургае не редкость. У них нет естественных врагов, а люди берегут водоемы и постоянно улучшают их кормовые угодья. Вот и растут рыбины до гигантских размеров.

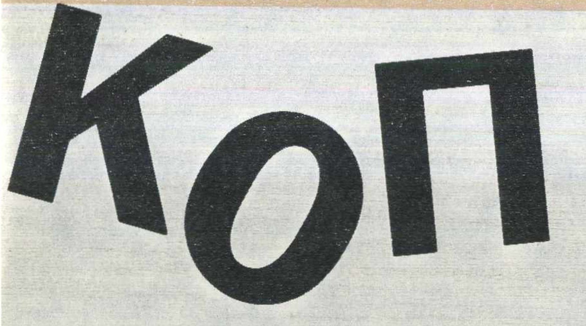
ГОЛОВОЛОМКИ

Легко представить себе удивление электромеханика Мурашинского леспромхоза Кировской области Леонида Мочалова, когда он получил официальное письмо от одного из книжных издательств... Японии.

А дело было вот как. У Леонида с детства необычное увлечение. Создание головоломных задач. Причем интерес к головоломкам проявился у него еще в школе. А уже будучи студентом, из обыкновенного любителя он превратился в самого настоящего «профессионала» и стал сам придумывать задачки. Многие годы в его тетради скапливались всевозможные «домино-пасьянсы» и даже «квадраты с «черными дырами». Итогом этого необычного труда явилась книга «Головоломки», которая сразу же стала библиографической редкостью и завоевала сердца многочисленных любителей умственных упражнений. Вот и обратилось к Леониду японское издательство с предложением о переиздании этой книги. Заинтересовались ею и коллеги из Чехословакии.

Сейчас Леонид Мочалов работает над созданием игрушки-головоломки «Шахматный куб» (что-то вроде знаменитого кубика Рубика). И вот вопрос: сумеют ли предприятия Кировской (или какой другой) области начать ее серийный выпуск, или представители зарубежных фирм опередят их, обратившись за лицензией в Мураши?

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька».

УМНЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ...

За ужином жена так непривычно ласково взглянула на Бякина, что у него мурашки побежали по коже и сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Бякин был уже давно не мальчик, не первый год состоял в браке и имел немалый опыт на этот счет. Да и с чего бы так ласково смотреть на него жене? Ведь не медовый же месяц, в самом деле. А с тех пор всего раза три так смотрела она на Бякина.

В первый раз, когда Лужин купил «Жигули». Так же вот ласково посмотрела на него Катя и тут же стала его просить. И так жалобно просила, что Бякин не выдержал и начал прикидывать в уме, что если больше не пить пиво, да еще и сигареты совсем не покупать, так, пожалуй, лет через пятнадцать и в самом деле можно будет собрать на «Жигули». Да только жена ни в какую: «Чем я хуже Лужиной?» — твердит и ничего больше слушать не хочет. «Деньги где хочешь, там и доставай. Хоть из-под земли. Ну почему,— говорит,— другим женщинам так везет, что у них мужья меньше твоего получают, зато в доме только птичьего молока не хватает? Ну за какие грехи мне такой непутевый достался?»

А тут еще Лидка Лужина масла подлила в огонь. «Вот что,— говорит,— Катерина, скажи своему Бякину, чтобы обязательно купил. Мужики, они как купят машину, так больше уже не смотрят ни на кого. Машина, она внимания требует, с ней на всякие шуры-муры времени нет. А то еще, смотри, любовницу заведет».

Вот стерва-то... Будто Бякин когда-нибудь смотрел по сторонам. И добилась-таки своего. Не жизнь стала у Бякина, а кошмар. Даже вспомнить то время страшно.

Только месяцев через шесть Бякину неожиданно повезло. Жена снова повстречала Лужину. «Ну как,— спрашивает,— живешь?» Так просто, из вежливости спросила, не хотелось ей очень душу растравлять. А та сразу в слезы. «Ой,— говорит,— и не спрашивай, Катерина. С этой машиной проклятой моему уже не только любовница, ему и жена больше не нужна. Он и ест с ней, и спит, да еще и деньги все на нее тратит».

А тут еще как раз Лужин машину разобрал. Разобрать-то разобрал, а как собрал, так куча лишних деталей осталась. И машина теперь воет, как зверь, а все равно беспомощная, будто дитя — с места тронуться не может. А вместо нее потихоньку трогается Лужин. Раньше выдержанный был, спокойный, а теперь стал один комок нервов. Говорят, уже и к психотерапевту ходит. Тут бы, пожалуй, надо посочувствовать соседу, а Бякин вместо этого возликовал в душе. Что же, и его понять можно... Давно уже соскучился по пиву.

Во второй раз, когда на Бякина так ласково посмотрела жена, ему пришлось еще хуже. Да и что тут возразишь, если Букин — а должность у него, надо сказать, ничуть не лучше, чем у Бякина — жене лисью шубу купил.

«Да зачем тебе эта шуба? — взмолился Бякин.— Жарко в ней, будто в бане, опять же, моль может съесть, или еще ограбят где-нибудь».

«Ох, за что мне такой честный и правильный достался. Чем это я, интересно, прогневала бога?»— печально, так что сердце у Бякина едва не разорвалось, сказала жена. И вообще перестала смотреть на Бякина.

Зато Букин, как назло, вошел во вкус и вслед за шубой из лисьих лапок появилась у Букина хрустальная люстра, югославская стенка и толстая золотая цепь на шее.

Честно говоря, неизвестно, чем бы все это кончилось, только и здесь Бякину неожиданно повезло. Повстречали они вскоре Букину — та бледная вся, синие круги под глазами, и ни шубы, ни цепи золотой и в помине нет.

«Может, витаминов ей не хватает? — предположил Бякин.— Говорят, круги под глазами от дефицита витамина Б. Неужели они все на еде сэкономили?»

«Ой, глупенький ты мой,— усмехнулась жена,— ты разве не знаешь? Букина вчера взяли».

«Куда взяли?» — нелепо удивился Бякин.

«В ОБХСС», — торжествующе ответила жена.

«Ну, вот видишь,— обрадовался Бякин.— А мы с тобой можем спать спокойно. Лучше видеть хрустальные сны, чем иметь хрустальную люстру».

Впрочем, спокойно спать Бякину пришлось недолго. Совсем немного времени прошло, и снова нежно и любовно взглянула на него жена.

«Андрюша,— даже имя Бякина вспомнила она и заворковала совсем по-голубиному.— Ты не слышал еще? Гузкины купили лыжи. Пластиковые, югославские. В горы собираются поехать».

Молнией сверкнула в голове у Бякина мысль, что ежели месяцев восемь не курить и не пить пиво, то лыжи вполне можно было бы купить. Но он тут же отогнал от себя эту мысль. Все-таки сигареты и пиво — только медленная смерть, а на горных лыжах — самая верная погибель.

«Нет уж, извини, я хочу спать спокойно»,— неожиданно для себя сорвался Бякин.

«Ты и так всю жизнь проспал. Ни машины, ни шубы, ни дачи, ни люстры. Лыжи, и те купить не можешь»,— презрительно сказала жена и отвернулась. И с тех пор и до сегодняшнего дня ни разу не удостоила Бякина своим взглядом. Ну что же, зато так спокойнее. А тут вот посмотрела опять... Что ей еще нужно? Неужели Волковы купили садовый участок с домом?

«Умненький ты мой,— неожиданно ласково заговорила жена.— Ты знаешь, что с Гузкиным случилось? Сегодня встретила его жену. Он ногу сломал».

«Какую ногу?» — невпопад спросил Бякин.

«Правую, конечно»,— все так же ласково ответила жена.

«Ну, слава богу, пронесло,— успокаиваясь, подумал Бякин.— Если бы еще у Волковых сгорела дача».

Л. ПОДОЛЬСКИЙ

Рис. В. Воеводина

Ох, уж эта свадьба...

Фото И. Гаврилова

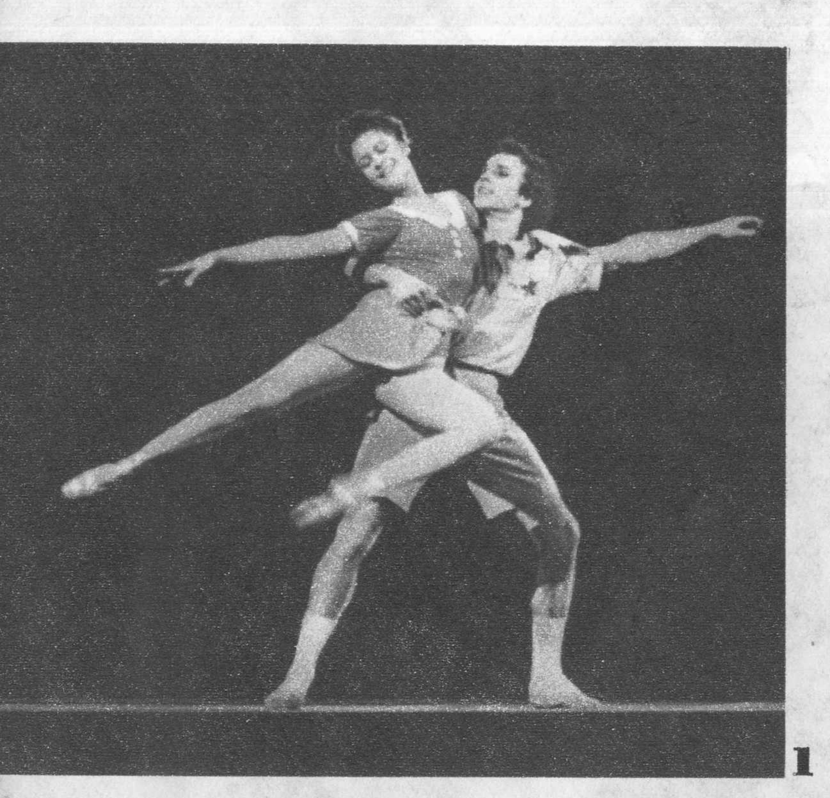
Фото И. Гаушпигеля

Юмор

Только вперед!

Фото В. Ефанина

1

премьера

Герои нашего детства

**Андрей ПЕТРОВ,
балетмейстер,
народный
артист РСФСР**

Как возник замысел балета «Тимур и его команда»? Разумеется, на Аркадия Гайдара наш выбор пал не случайно. Ведь этого писателя по-настоящему любят ребята, зачитываются его книгами, взрослые же помнят как верного спутника детства.

Либретто я писал по мотивам повести: «перевод» литературы на язык хореографии даже при самом бережном отношении к первоисточнику не допускает его буквального воспроизведения. И здесь более важно стремление сохранить дух книги, суть описанных в ней конфликтов, показать на сцене именно гайдаровских героев.

Музыку к спектаклю написал композитор Владислав Агафонников. К жанру балета он обратился впервые, и, на мой взгляд, «эксперимент» оказался удачным. Музыка — кстати, она была написана довольно быстро — образная, сочная и вместе с тем доступная юным зрителям. Не вдаваясь в специфику музыкального текста, замечу лишь, что каждый из персонажей балета имеет свою музыкальную тему, свой лейтмотив. А это акцентирует ключевые моменты в облике героя, создаваемого средствами классического танца, что помогает ребенку адаптироваться к условности балетного театра, постичь его законы.

Постановка балета «Тимур и его команда» продолжает давние традиции сотрудничества Большого театра СССР с Московским академическим хореографическим училищем. В новом спектакле почти все партии исполняют школьники. Только три из них — Тимура, Георгия и полковника Александрова — поручены молодым артистам театра А. Петухову, А. Малыхину и А. Меланьину. Всего же в спектакле занято около ста воспитанников училища от двенадцати до семнадцати лет. Строго говоря, работа наша с ними еще не закончена: предстоит дальнейшая шлифовка, доработка деталей. Должен заметить, что постановка балета, в котором заняты юные танцовщики, дала мне очень многое. Дети тонко реагируют на каждое неверное, фальшивое решение, и мгновенно можно понять, нравится им предложенный хореографический вариант или нет,— ведь они играют самих себя. Думается, в том, что постановочной группе удалось найти тесный контакт, взаимопонимание с ребятами, которые искренне приняли такой вариант «Тимура»,— залог верного прочтения повести А. Гайдара.

Одна из задач, которая представлялась принципиальной при создании балета,— попытаться воссоздать атмосферу времени, донести идею преемственности поколений. В самом деле, это было необыкновенное время для нашей страны; доблестные трудовые свершения, оптимизм, но одновременно ощутимое нарастание военной угрозы... В бой с фашистами вскоре вступят старшие из ребят, кто-то из них не вернется, но кто-то придет к нам, в наше настоящее, передавая потомкам (а именно они сегодня в зрительном зале) те нравственные идеалы, которыми была освещена их юность. Эта тема проходит в спектакле подспудно и представляется нам исключительно важной.

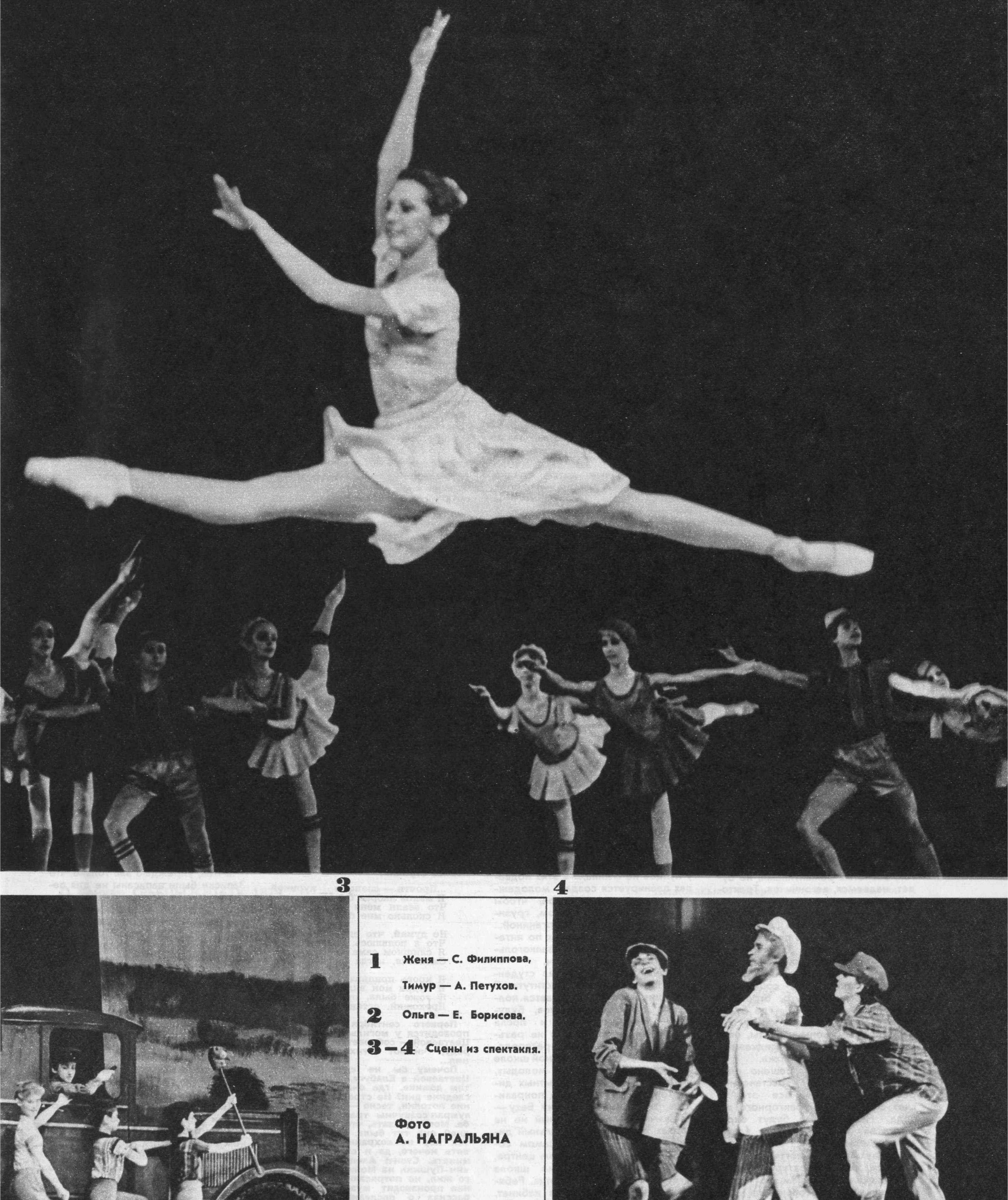
Несколько слов о нашей постановочной группе. Впервые в работе над крупным спектаклем я встретился с видным мастером современной сценографии, народным художником РСФСР Валерием Левенталем. Общение с ним принесло огромную творческую радость, подсказало многие хореографические решения. Дирижер нового балета — Александр Лавренюк, с которым нас связывают давние творческие контакты. Художественный руководитель постановки — главный балетмейстер Большого театра, мой учитель Юрий Николаевич Григорович. Неоценимую помощь в подготовке балета нам оказали педагоги училища, и прежде всего директор Софья Николаевна Головкина.

Все мы надеемся, что спектакль «Тимур и его команда» поможет привлечь юного зрителя к балетному искусству.

2

1 Женя — С. Филиппова, Тимур — А. Петухов.

2 Ольга — Е. Борисова.

3—4 Сцены из спектакля.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Я ХОТЕЛ БЫ ВЕРНУТЬСЯ В ЕЛАБУГУ

См. стр. 16

вечер по Елабуге, думали и говорили о том же — о памяти, о связи времен через труд и мысль человеческую.

Неисповедимы судьбы городов. Одни вырастают вдруг из крохотных деревушек и расцветают, другие, некогда претендовавшие на звание столицы мира, обращаются в прах, в развалины, которые увозят с собой в карманах и сумках по камешку туристы. Только по территории нашей страны рассеяно великое множество останков исчезнувших городов — в среднеазиатских пустынях, на берегах Днепра и Волги, Дона и Амударьи, в горах Кавказа, в степях Украины: Итиль, Вщиж, Пантикапей, Мерв, Тмутаракань... Сами по себе города не рождаются и не гибнут. Города — это узлы истории. История доказала недолговечность (не говорю о пожарах и прочих катаклизмах) городов, возникавших благодаря тому или иному буму, имевших одну определенную сверхзадачу, подчинявшую себе все остальное, будь то золото, нефть, каучук, торговля. Но и без «профессии» город не живет.

— Так или иначе,— говорил главный инженер проекта Елабуги Лев Сергеевич Ламанов,— а больше шансов противостоять изменчивой судьбе у города, имеющего историю, своеобразную корневую систему и, как модно стало выражаться, лица необщее выражение. И уж тем более своеобразие необходимо городу будущего, о котором мы столько спорили и будем еще спорить, драться будем. В целом уже ясно, какой увидят Елабугу люди через несколько лет, когда тракторный завод будет построен. Прежде всего было решено не создавать самим трудности, чтобы потом героически их преодолевать и трубить об этом в газетах. Все уже поняли, что ничего нет более постоянного, чем временное. Не будет здесь палаток, воспетых романтиками, не будет, надеемся, вагончиков. Тракторы тракторами, а человек должен жить по-человечески.

Слова генерального директора и главного инженера проекта подтверждаются делом. Строятся заводы — и, обгоняя «на полголовы», строятся жилье, магазины, кинотеатры, спорткомплекс, социально-педагогический центр, огромное подсобное хозяйство, где будут коровы, свиньи, козы, карпы, караси, шампиньоны, фрукты, овощи, зелень, такая даже редкая почему-то у нас, как спаржа.

Старую Елабугу решено полностью сохранить, восстановить, реставрировать — и все это за счет строящегося тракторного завода. Новые дома будут окружать ее и подниматься каскадом, амфитеатром, от кирпичных двухэтажных коттеджей, созвучных по архитектуре старым елабужским особнякам, до многоэтажных домов, которые ни в коем случае не должны испортить общего вида. Когда-то Елабуга славилась кирпичным заводом; у купцов Стахеевых, на всю Россию известных своей предприимчивостью и своими несметными миллионами, была специальная вышка, с которой бросали привезенные для очередного строительства кирпичи, и если из многих сотен разбивался один-два, то заворачивали или бесплатно забирали всю партию. Елабужский кирпичный завод будет восстановлен, реконструирован. Дома не будут походить друг на друга, как близнецы, как в Черемушках, когда-то может быть, и радовавшие новоселов, но распространившиеся по всей стране со скоростью эпидемии и давно уже удручающие своей бесплодной одинаковостью. Лев Сергеевич Ламанов проектировал Владивосток, Пятигорск, Архангельск, Иркутск, Тольятти, Брежнев, другие города и на своем опыте испытал, как это непросто — чтобы архитектура была разной. Сразу возникает масса проблем. Но ломать стереотипы, застоявшуюся, неколебимо-несгибаемую технологию домостроительных комбинатов делать гибкой, при которой и так можно, и этак, давно пора. И в Елабуге есть для этого возможности.

— Собственным детям стыдно будет в глаза глядеть,— говорил Ламанов,— если испоганим мы Елабугу, застроим коробками. Я всю страну объездил и за рубежом кое-что повидал — такого города, как Елабуга, нет, поверьте. Прежде всего я имею в виду ландшафт. Ну где вы еще такой обрыв увидите над городом? А извилистая Тойма, проливы эти, острова! На большом острове мы сделаем гидропарк с лодочной станцией, с Чертова городища пустим туда канатную дорогу...

В оврагах, поросших соснами, березами, ракитником, будет парк, будут летать на дельтапланах и кататься на американских горках. Построим велотрек, летний театр наподобие древнегреческого, каскад фонтанов, которые снились, может быть, Ивану Васильевичу Шишкину. Стройка объявлена ударной комсомольско-молодежной, а это значит, что скоро зазвучит в Елабуге, кроме русской и татарской, и грузинская, и якутская, и литовская, и таджикская речь; мне показали старые купеческие подвалы, где хранилась картошка, и такая там вентиляция, так сухо, что ни одна, говорят, картофелина у купцов не сгнила,— в этих подвалах планируется создать молодежные национальные кафе, чтобы таджики угощали пловом, грузины — лобио, якуты—строганиной... Я уж не говорю о клубах по интересам, о дискотеках, безалкогольных барах и проч., и проч.

Очень интересна идея студентов педагогического института. С младших курсов сплачивается коллектив единомышленников, будущих преподавателей, и после окончания института они не разъезжаются по обычному распределению, а работают в одной школе под руководством тоже молодых, но уже достаточно опытных директора и завуча. Идея понравилась Николаю Ивановичу Беху — энергичный, прогрессивный не на словах, а на деле генеральный директор думает уже о самом современном компьютерном центре, без которого немыслима школа будущего. А гороно против. Ребята ходят из кабинета в кабинет, высиживают в очередях на приемы. «Почему?» — спрашивают. Но толком не объясняют: мол, самих студентов переучивать надо несколько лет, прежде чем доверить... Логика, конечно, железная.

— Пробьем,—уверен Костя Хаипов, секретарь комсомольской организации производственного объединения.— А не рассказывали тебе ребята, как они думают проводить свои уроки, по литературе, например?

Вопрос этот он задал потому, что стояли мы перед домиком, где скончалась Марина Ивановна Цветаева. Небольшой бревенчатый домик в три окна. Цветаева прожила в нем десять или одиннадцать дней в августе 1941 года, приехав сюда из Москвы в эвакуацию с шестнадцатилетним сыном Георгием, Муром, как она его называла. Хозяева дома, Михаил Иванович и Анастасия Ивановна Бродельщиковы, рассказывали (их сообщение записано литературоведами), что выглядела она изможденной, все время почти молчала и лишь однажды под вечер, когда сидели перед домом и курили самосад, немного разговорилась — вспоминала какой-то заграничный город, о фашизме говорила, о том, как это страшно и как она ненавидит фашизм. В последний день лета, поджарив рыбу для сына и оставив ему записку: «...Безумно тебя люблю, но я тяжело больной человек. Дальше было бы хуже»,—она покончила с собой. Еще Анастасия Ивановна рассказывала, что, кроме вещей, которые забрал Георгий и его знакомые, в углу комнаты остались какие-то исписанные бумаги — никто не приходил, не спрашивал о них, и хозяйка в первый же холодный осенний день пустила их на растопку.

Бродельщиковы давно уехали из Елабуги, в доме живут другие — они вынуждены были поставить высокий глухой забор, завести огромную злую собаку, потому что покоя от поклонников Цветаевой нет ни днем, ни ночью. Расспрашивают, просятся на ночлег в ту самую комнату. Одного московского художника целый месяц не могли оттуда выгнать. Но большинство едут в Елабугу (а едут сотни, тысячи людей) не для того, чтобы «отметиться» и козырнуть потом в компании, а для того, чтобы поклониться до земли великому русскому поэту. Несколько часов я просидел на кладбище у могилы Цветаевой — приходили школьники целыми классами, приезжали на автобусах туристы, заходили елабужане, чтобы положить на могилу свежие цветы из своего сада,— пустых, равнодушных глаз почти не было.

Я сидел, и сами собой вспоминались строчки:

...Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Первого сентября каждый год проводится у могилы День памяти Цветаевой — собирается много народу, читают стихи, воспоминания...

Почему бы не сделать музей Цветаевой в Елабуге, для начала в том домике, где она провела последние дни? Не страшно, что низкие потолки, тесно — теснота и полумрак созвучны трагической судьбе. Могут сказать, что всего десять дней она тут была, что ничего с тех пор не сохранилось, выставлять нечего, да и стоит ли напоминать. Стоит! Александр Сергеевич Пушкин на Мойке тоже недолго жил, но потрясающее впечатление производит музей-квартира и рассказ о последних днях его жизни. История гибели великого человека — это всегда катарсис, очищение душ и сердец людских, думаю, что знать это гораздо важней, чем подробности детства, отрочества, даты, переезды, истории создания произведений и так далее.

Давно уже ведутся разговоры о том, что так, как раньше и до сих пор преподают в школе знания, преподавать нельзя, необходимо в корне менять программы и саму систему обучения; что на уроках литературы не любовь прививают к литературе, а скорее отвращение ко всем этим загнанным, словно в таблицу Менделеева, «образам», «типичным представителям», «лучам света», «лишним людям». Ребята из педагогического института, мечтающие создать в Елабуге новую школу, просто отказываются верить, что кому-то еще может быть непонятно сегодня, что горы учебников, утвержденных самыми компетентными педагогическими инстанциями, не заменят одного урока у могилы или в домике, где скончалась Цветаева,— не по количеству информации, от которой деваться уже некуда, а по тому, ради чего, по сути, и существует этот предмет — литература. Существует он, думают ребята, для того, чтобы не столько память обогатить, сколько душу.

...Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед,—
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

А экспонаты найдутся, я убежден. Стоит лишь сообщить в центральной газете или по телевидению, что в Елабуге (о которой, кстати, я, например, и услышал впервые именно в связи с Мариной Ивановной) открывается музей Цветаевой.

Многие писатели бывали и жили в Елабуге: Радищев, Короленко, Пришвин, А. Н. Толстой... Кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова родилась здесь как писатель: в Елабуге, куда она приехала к своему брату и осталась навсегда, были созданы знаменитые «Записки», романы, повести, рассказы.

«Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич! — писала она Пушкину.— Титулы кажутся мне смешными в сравнении с славным именем вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: у меня есть несколько листков моих Записок, я желал бы продать их и предпочтительно вам.

...Итак, упреждаю вас только, что Записки были написаны не для печати и что я, вверяясь уму вашему, отдаю вам их, как они есть, без перемен и без поправок.

Преданный слуга ваш
Александров.
Вятской губернии, Елабуга».

Александров — единственная в истории женщина, за исключительную храбрость награжденная Георгиевским крестом. Но женщиной Надежда Андреевна себя до конца жизни не называла, а только штабс-ротмистром Александровым. Жила она в Елабуге одна, с многочисленными собаками и кошками, ходила под старость в истертом до блеска высоком цилиндре, давно вышедшем из моды, в сюртуке и широченных брюках, вправленных в опорки. Дружила с Иваном Васильевичем Шишкиным, несмотря на небольшую пенсию, принимала участие во многих его начинаниях по благоустройству города.

Похоронили Надежду Андреев-

О. Ренуар. ГРЕБЦЫ В ШАТУ. 1879. Национальная галерея искусств. Вашингтон.

О. Ренуар. ПОРТРЕТ МАДАМ АНРИО. Около 1876.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

ну на Троицком кладбище Елабуги со всеми воинскими почестями. В 1901 году уланы поставили ей памятник, но несколько десятилетий спустя памятник был разрушен, как и Троицкая церковь. Вместо памятника к 150-летней годовщине Отечественной войны 1812 года поставили бюст. Елабужане говорят, что будь Надежда Андреевна жива, на скаку бы снесла голову автору за такое оскорбление. Бюст действительно ужасен. Московский реставратор и скульптор Федор Лях сделал новую бронзовую конную статую Дуровой. Давно эту статую, на мой взгляд, весьма удачную, привезли в Елабугу, но она почему-то томится где-то в комбинате благоустройства города.

— Пробьем,— говорит комсомольский секретарь объединения Костя Хаипов.— И музей откроем в доме, где Дурова жила, и статую поставим на том месте, где стоял старый памятник, возле Троицкой церкви.

— Но церкви-то самой нет,— заметил я.

— Будет. Восстановим за счет нашего производственного объединения.— И Костя показал мне планы, чертежи, графики комсомольских субботников.— В Троицкой церкви будут устраиваться выставки, музыкальные вечера — может быть, и орган достанем... И Спасский собор с колокольней отреставрируем, и Никольскую церковь, и Покровскую, в которую Иван Грозный подарил икону Трех Святителей и куда, говорят, ведет подземный ход от самого Чертова городища. Башню восстановим на Чертовом городище, откуда начинается история Елабуги; начал ее восстанавливать Иван Васильевич Шишкин — мы продолжим.

...Елабуга... Я еще не уехал, а уже тосковал по ней, по ее прямым улицам, покрытым кронами берез и тополей, заканчивающихся храмами и рекой, как в приморских городах улицы заканчиваются морем; по ажурным решеткам балконов и оград, украшениям водосточных труб и «дымников» — в Елабуге была когда-то знаменитая мастерская художественного литья; по острову, на котором живут ручные лоси; по шишкинским соснам, освещенным солнцем...

Естественно, елабужане обеспокоены будущей судьбой своей сказочной природы. Нефтяники, пришедшие сюда тридцать лет назад, проложили дороги, поставили вышки, но ни Каму, ни Тойму, ни леса не покалечили. А вот выбросы объединения «Нижнекамскнефтехим» хвойные деревья переносят плохо, гибнут. И рассказал мне шофер Александр Васильевич, сколько они ловили рыбы в детстве (Елабуга исстари славилась рыбой, поставляла стерлядь к царскому столу), но теперь рыбы в реке почти не стало.

Генеральный директор Николай Иванович Бех говорит, что охране природы, очистным сооружениям уделяется не меньше внимания, чем самому строительству заводов. Отработанная вода будет чище, чем в Каме, степень очистки воздуха благодаря матерчатым сухим фильтрам 99,9 процента.

Елабуга... Славное, на редкость подходящее название. Городу, всем елабужанам, которых скоро станет около ста тысяч, будет больно, если придет кому-то в голову переименовать Елабугу, назвать новым, пусть даже самым достойным именем.

— Вы зимой Елабугу не видели,— говорили мне.— А осенью какая у нас красота!

Зимой ли, летом, весной или осенью я непременно хотел бы вернуться в Елабугу.

Елабуга — Москва.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото автора

по законам совести

Три черные кресла с высокими спинками, словно монахини-отступницы, приковывают к себе внимание переполненного зала. Сейчас где-то в глубине бесшумно распахнется дверь, гулко простучат шаги и над притихшими рядами раздастся суровый требовательный голос: «Встать, суд идет!»

За перегородкой, отделяющей подсудимого от присутствующих, разбитного вида парень с черной шевелюрой. Это над ним, убийцей-рецидивистом, начнется суд. Но обвиняемый, видимо, настолько уверен в благоприятном исходе дела, что весело похлопывает по плечу своего адвоката, а затем, повернувшись в сторону зала, лукаво подмигивает миловидной девушке:

— Есть билеты на вечерний сеанс, в «Зарядье». Пойдем?

Девушка в знак согласия кивает головой, и широкая улыбка долго не сходит с ее лица.

«Что за чертовщина?— бранится про себя в сердцах неожиданно оказавшийся в зале посторонний человек.— Готовится слушание уголовного дела, а подсудимый — наглость какая!— в кино собирается. И куда только смотрят организаторы процесса?»

Словно растревоженный улей, гудит зал судебного заседания. Но вот скрипнула дверь, простучали каблучки судьи и воцарилась мертвая тишина. Прокурор поправил очки, пристально взглянул на адвоката и...

Молодой судья, в строгой двойке, с пышной копной светлых волос, неожиданно для всех заливается предательским румянцем. Голос не слушается своей хозяйки, а намертво зажатая в пальцах ручка пляшет по бумаге. И в тот же миг из глубины зала раздается чей-то приглушенный басок: «Да ты не бойся, Ольга, здесь все свои!»

Слова обращены к председательствующему, но, удивительное дело, вместо замечания судья с благодарностью смотрит в зал, а затем усилием воли берет себя в руки — и процесс начинается. Заслушиваются свидетели, демонстрируются вещественные доказательства, составляется протокол... Затем слово предоставляется государственному обвинителю, защите. В особо острых ситуациях, когда с наибольшей полнотой проявляется красноречие адвоката (не зря на юрфаке, специальной дисциплиной, преподают ораторское искусство), в зале то и дело вспыхивают аплодисменты. Кипят страсти, сталкиваются противоречия.

Один из свидетелей защиты, кажется, полностью исключает показания свидетеля обвинения, и, похоже, разбор дела заходит в тупик. Но судья, оценив все «за» и «против», согласно внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, выносит справедливый приговор: «Десять лет лишения свободы!»

Зал рукоплещет! Истина восторжествовала!

Подсудимый устало поднимается со своего места, берет под руку судью и вместе с прокурором и адвокатом отправляется в соседнюю комнату... пить чай. Они еще долго будут сидеть с опытным преподавателем за разбором только что завершившегося процесса. А из расположенного по соседству зала вновь донесутся знакомые слова: «Встать, суд идет!» И снова будет гудеть, как растревоженный улей, зал. И вновь будут вспыхивать жаркие споры в поисках Истины.

Вместе с деканом юридического факультета МГУ Михаилом Николаевичем Марченко я тоже покидаю зал заседания.

— Вынесенный на всенародное обсуждение проект ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране», который все мы давно и с нетерпением ждали,— говорит М. Н. Марченко,— в число наиболее важных задач улучшения подготовки студентов ставит активизацию методов обучения будущих специалистов с использованием всех современных арсеналов вузовской педагогики. Одним из таких методов и являются деловые игры, свидетелем которых вы только что были в нашем факультетском зале судебного заседания.

Представлю читателям «Огонька» своего собеседника. Михаил Николаевич Марченко — опытный педагог, доктор юридических наук, человек, бесконечно влюбленный в свое дело. Его отличают партийная принципиальность, взыскательность и требовательность не только к студентам, но и в первую очередь к самому себе, к тем, кому поручено готовить будущих юристов. А это всегда нравится ребятам, пришедшим учиться на факультете ради того, чтобы стать истинными борцами за справедливость.

— На игровых занятиях,— продолжает декан,— будущие правоведы познают и приобретают навыки самостоятельной деятельности в условиях, близких к действительным. Это позволит в дальнейшем не только значительно сократить их адаптацию в период стажировки, но и будет способствовать повышению авторитета университетского диплома.

Надо отметить, что юридический факультет существует со дня основания Московского государственного университета и готовит кадры юристов широкого профиля, которым по плечу решать многие проблемы современного правоведения.

— У нас на факультете трудятся по-настоящему талантливые специалисты своего дела,— рассказывает М. Н. Марченко.— К числу наиболее крупных ученых в первую очередь надо отнести Григория Ивановича Тункина, члена-корреспондента Академии наук СССР, опытного и знающего воспитателя молодежи.

Гордостью и подлинными хранителями традиций юрфака являются его профессора: Вениамин Петрович Грибанов, Георгий Васильевич Барабашев, Владислав Васильевич Петров, Олег Иванович Чистяков, Нина Александровна Крашенинникова и многие другие.

Вместе с деканом мы пробираемся по коридору, который до отказа заполнен студентами. Идет сессия. Сдают государственные экзамены выпускники, готовятся освободиться от зачетов первокурсники.

— Пять лет обучения на дневном факультете — пять этажей совершенствования своих знаний и опыта,— с улыбкой поглядывая на питомцев и то и дело отвечая на их приветствия, говорит Михаил Николаевич.

По всему видно, молодой декан пользуется авторитетом у ребят. Не от одного из них слышал я, что умеет он войти в их положение, если надо, стать на сторону студента в решении спорного вопроса. Но лодырей и прогульщиков Марченко терпеть не может. На юрфаке давно знают — поблажки в этом случае от него ждать не приходится.

В один из моментов мы попадаем в плотное кольцо жаждущих общения с деканом. Марченко тут же на ходу решает несколько вопросов, подписывает какие-то бумаги, назначает время встречи заведующим кафедрами. Кажется, что он до предела поглощен разговором с обступившими его коллегами, но, когда в поле зрения оказывается невысокий пожилой человек, тут же с подчеркнутой

вежливостью приветствует его, успевая шепнуть мне: «Это и есть Тункин, непременно с ним поговорите».

Г. И. Тункин — корифей юриспруденции, внесший неоценимый вклад в разработку фундаментальных проблем советской науки международного права. В лучших его книгах досконально разработаны проблемы сущности международного права и его источников, юридической природы международных организаций, дана убедительная критика реакционных буржуазных международно-правовых концепций и практики империалистических государств.

Григорий Иванович охотно делится впечатлениями о будущих выпускниках («У многих из них развита самостоятельность мышления, смелость и умение не бояться брать на себя ответственность в решении вопросов»), с большой заинтересованностью говорит о предстоящей перестройке высшего и среднего образования в стране. Он внимательно изучил проект ЦК КПСС и убежден, что осуществление его принесет ощутимые перемены в подготовке специалистов высокого класса.

— Следует не забывать,— говорит он,— что, рекомендуя меры по улучшению идейно-политического, трудового и нравственного воспитания студенчества, проект ЦК КПСС призывает всех, и в первую очередь нас, преподавателей, изживать в своей работе формализм, начетничество, равнодушие. Особенно это касается правоведов. Ведь развернутая в стране борьба с нетрудовыми доходами призвана не только карать виновных, но и усиливать работу по формированию у каждого советского человека глубокого уважения и готовности к самоотверженному труду на общее благо, непримиримости к частнособственнической психологии и стяжательству. С холодным сердцем этого не добьешься.

Сегодня все без исключения на юрфаке одобряют наметившиеся положительные перемены в перестройке высшего и среднего специального образования страны.

— Проект ЦК КПСС открывает нам широкую дорогу к творческим методам обучения студентов с использованием самых прогрессивных форм и технических средств,— говорит доктор юридических наук Николай Степанович Полевой.— Однако, к великому нашему сожалению, на юридическом факультете вы и сегодня не найдете ни одной универсальной ЭВМ. И приходится, работая с будущими следователями, что называется, «на пальцах» объяснять им тайны криминалистической кибернетики.

Беседуя с Полевым, я вновь припомнил слова Марченко о том, что на юрфаке трудятся по-настоящему талантливые специалисты своего дела. Н. С. Полевой был одним из пионеров внедрения кибернетики в правоведение. Он написал несколько работ еще тогда, когда кибернетике усилиями псевдоученых было отказано у нас в «прописке» среди наиболее прогрессивных наук XX века.

— В 1973 году, когда МГУ возглавил академик Хохлов, на юрфаке впервые среди учебных заведений страны появилась правовая кибернетика,— вспоминает Полевой. С тех пор мой собеседник написал с добрый десяток книг по криминалистической кибернетике, выезжал в Соединенные Штаты для изучения опыта работы лучших специалистов в этой области. И хотя трудами своими Н. Полевой может гордиться, настроение у него отнюдь не радужное.

— А чему, собственно говоря, радоваться,— вступает в разговор заведующий лабораторией технических средств обучения и ЭВМ Сергей Шахрай,— если у нас на факультете действительно нет ни одной ЭВМ. И куда мы только не писали, к кому только не обращались! Верите, руки опускаются, когда встречаешь на своем пути непробиваемую стену равнодушия со стороны иных министерств и ведомств,— говорит молодой ученый.

Он достает список высших инстанций, куда на свой собственный страх и риск обращался юрфак МГУ с ходатайством о выделении вычислительной техники. В нем фигурируют и Министерство электронной промышленности, и Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления, и Министерство радиопромышленности, и Госснаб, и управление «Союзглавприбор». Обращались с письменными просьбами юрфаковцы МГУ в воронежское производственное объединение «Электроника», в киевское производственное объединение «Электронмаш», на Минский завод ЭВМ имени Серго Орджоникидзе и отовсюду получали иной раз сочувственное, а чаще равнодушное и холодное «нет».

— Вот и получается,— резюмировал результаты этой долгой переписки Н. С. Полевой,— что мы и сегодня, в преддверии XXI века, огонь трением добываем.

Думается, прочтут эти горькие строки в вышеуказанных министерствах и ведомствах, в производственных объединениях и Госснабе Союза. Прочтут и помогут будущим юристам — выпускникам Московского государственного университета...

Не один раз за время работы журналистом доводилось мне бывать на торжествах по случаю вручения дипломов об окончании высшего учебного заведения. И всегда волнение зала захватывало меня. Так случилось и на этот раз, когда в торжественной обстановке 241 человек получили дипломы правоведов.

— Это, пожалуй, один из самых сильных выпусков за все время моей работы,— говорила лауреат Государственной премии СССР, профессор Нинель Федоровна Кузнецова.— И уверена, многие из них с честью пронесут высокое звание выпускника МГУ.

Со многими из ребят в этот вечер довелось мне беседовать, что называется, по душам. Миловидная, изящная Ирина Лукутина, приехавшая в Москву из Тамбова, при распределении твердо заявила, что хочет вернуться в родные края. Получив красный диплом, Ирина избрала своей профессией следственную работу в органах прокуратуры.

— Я с детства мечтала стать Шерлоком Холмсом,— рассказывала Ирина.— Дома подшучивали надо мной, поощряли чтение детективов в полной уверенности, что, начитавшись их, я одумаюсь и изберу более женскую профессию. Но и мама, и отец ошиблись во мне. Когда я получила аттестат и заявила, что поеду поступать на юрфак в МГУ, поначалу они запротестовали, а потом стали надеяться, что я провалюсь на вступительных экзаменах. Однако я выдержала их с первого захода, и вот теперь, как видите, мечта моя близка к осуществлению.

— То есть как это близка к осуществлению?— пробую протестовать я.— Осуществилась! Дипломто в кармане.

— Нет-нет,— возражает Ирина,— мне еще многому надо учиться, и только лет через пять я смогу с уверенностью сказать, что мечта моя сбылась...

Беседуя с выпускниками юрфака, я вновь и вновь убеждаюсь, что среди пришедших в правоведение нет случайных людей. Будущий юрисконсульт Надежда Келембет, к примеру, четыре раза поступала на юрфак, прежде чем стала студенткой МГУ, Владимир Хижняк, получивший диплом с отличием, также с детства мечтал стать следователем, а Алла Закон (подумать только, какую фамилию приобрела Алла, выйдя замуж!) всегда хотела быть адвокатом.

После выпускного вечера мы снова разговорились с Михаилом Николаевичем Марченко. Чуточку усталый, но по-настоящему счастливый: еще бы, такой курс в жизнь выпустить (более пятидесяти выпускников отмечены дипломами с отличием),— он снова спешил по делам, на этот раз в приемную комиссию.

— Хочу посмотреть на абитуриентов, хочу поговорить с их родителями. Это очень важно, чтобы сегодня в высшую школу шли только те, кто в будущем сможет принять эстафету высокой жизненной нравственности, кто будет чутко воспринимать все новое, без чего мы не сможем двигаться вперед.

Выпускники юрфака (слева направо) Надежда Келембет, Владимир Хижняк, Светлана Федорова, Виктор Лютцер и Ирина Лукутина перед зданием МГУ.

НАМЕК НА БУДУЩЕЕ

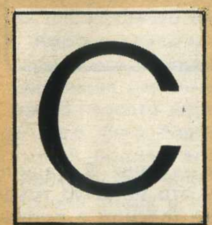
Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

В борьбе за мяч бразилец Жосимар и француз Баттистон.

Телефото АП — ТАСС

С того дня, когда закончились групповые турниры и для шестнадцати оставшихся команд был приведен в действие кубковый распорядок, футбол на чемпионате мира пошел без утайки, и мы, за ним наблюдающие, получаем полную картину, уверенные, что участники каждого матча выложили все имеющееся у них за душой. Думаю, что такие предельные испытания, такая острота необходимы футболу,— встряска полезная. К слову сказать, не без огорчения я вспоминал наш розыгрыш Кубка страны, от активного участия в котором устраняется целый ряд команд высшей лиги под предлогом сбережения сил, особенно те, кто боится вылететь в низшую лигу. Полагаю, что предлог этот ошибочный, наоборот, именно игры изо всех сил наилучшим образом проверяют и закаляют команды.

Громкий резонанс вызвал матч Франция — Бразилия, не без оснований названный многими досрочным финалом. Какие мысли он навеял? Матч напомнил мне шахматную партию, над стадионом как бы повисло раздумье. Обе стороны, не желая попасться на тактическую хитрость противника, на его «домашнюю заготовку», были преисполнены уважения друг к другу. Демонстрировалась техника, доведенная до совершенства. Та команда, которая завладевала мячом, сразу становилась опасной, она выглядела способной довести дело до попадания, до гола, как в баскетболе. В этом было что-то пророческое, нам показывали — вот таким футбол станет в будущем, и, пожалуй, можно было этому поверить. Ничейный счет показался закономерным. Необходимо отметить и то, что игра отличалась корректностью. В общем, мы вдоволь нагляделись и на тактические расчеты, и на тонкое владение мячом, и на то, как свои роли лидеров исполнили звезды.

Но были и моменты, когда судьба матча висела на волоске, зависела от случая. Во втором тайме в ворота французов был назначен пенальти. Бить собрался знаменитый Зико. И тут мне вспомнился товарищеский матч нашей сборной на «Маракане» с бразильцами в 1980 году. Тогда тоже при счете 1:1 хозяева поля получили право на пенальти и к мячу вышел тот же Зико. Он не забил, а наша команда вскоре провела второй гол и одержала свою первую победу над сборной Бразилии. Вспомнив ту историю, я подумал: «Забьет ли?» И надо же так случиться — не забил, вратарь Батс угадал. Не хочу поставить под сомнение мастерство Зико, но, как видите, бывают удивительные повторения.

Шесть лет назад, в Рио-де-Жанейро, после матча мы много рассуждали о причудливости случая, оказавшегося тогда к нам благосклонным. Теперь, наверное, о том же толковали между собой и бразильские мастера, тем более что в послематчевой серии пенальти не сумел переиграть вратаря французов и «сам» Сократес. Я говорю об этих приключениях главным образом потому, что бразильцы, несмотря на все достоинства противника, имели все же некоторое преимущество и тем не менее были вынуждены сойти с дороги. Во встречах равных все непоправимо.

Душу приласкал мне матч Бельгия — Испания. Не знаю, предвосхищал ли он будущее футбола, но доброе прошлое напомнил. Игра сложилась в полном смысле слова атакующей, обе команды смогли себя проявить, давали друг другу играть, футболисты не кидались на соперника в момент приема мяча, я бы даже сказал, что при всей остроте ситуации они вели себя по-товарищески. Чередовались захватывающие моменты, у ворот не скапливались толпами, зрителям было из-за чего волноваться. И ни малейшего признака сражения,— воевали игрой.

Выход сборной Бельгии в полуфинал сломал все прогнозы. Думаю, что эту команду, в своем групповом турнире занявшую скромное третье место и потому рассматривавшуюся многими в качестве аутсайдера, взбодрила удача во встрече с советской сборной, на что она, вполне вероятно, не слишком рассчитывала. Во всяком случае, в следующем матче, с испанцами, игру она держала в своих руках довольно уверенно. Испанцы долго атаковали без видимых шансов на успех, их пылкость натыкалась на хладнокровие бельгийцев. Блеснул в роли лидера хорошо нам знакомый по «Брюгге» Кулеманс, вырос в опытного бойца также знакомый, но по «Андерлехту», Шифо. Хотя старание испанцев и было вознаграждено, за несколько минут до конца основного времени они сделали счет ничейным (1:1), все же бельгийцы выглядели интереснее, в их игре заметнее был тактический разум. Опять серия пенальти, и вратарь сборной Бельгии Пфафф, отбив один удар, фактически выиграл матч. Да, бельгийцев не ждали в полуфинале, но у этой неожиданности есть свое обоснование.

В прошлом номере, в обозрении чемпионата мира, я назвал сборную ФРГ вероятным участником полуфинала. Так и вышло. Но я не мог предвидеть, что ее продвижение вверх будет обеспечено форменным сражением. Обе команды — ФРГ и Мексики — не нашли чисто футбольных, игровых аргументов и погрязли в столкновениях, грубостях, что повлекло за собой удаление с поля по одному футболисту из каждой команды и множество желтых карточек.

Не заладилась игра у лучшего нападающего мексиканцев Санчеса, комбинационные связи нарушились, а индивидуальные порывы легко пресекали опытные защитники сборной ФРГ. В свою очередь, сборная ФРГ не смогла ничего предложить, кроме силового давления. Выигрывать было нечем, а хотелось, отсюда и футбол с постоянными отклонениями от правил. Зрелище не из приятных. И опять серия пенальти, и тут на первый план вышел опытный вратарь сборной ФРГ Шумахер, отбивший два удара. А его партнеры в этом «упражнении» показали, наконец, хорошую выучку, били без промаха.

Единственный матч дал результат в основное время: Аргентина — Англия — 2:1. Для меня он не был неожиданным. И в прежних встречах, пусть и удачных, но с противниками менее классными, англичане действовали по единственному трафарету: навес мяча с фланга и завершение атаки с позиции центрального нападающего. Им эта комбинация удалась и в матче с аргентинцами, но уже при счете 0:2. При всем уважении ко многим чертам английского футбола должен сказать, что игровое неизменное постоянство (или однообразие?) рано или поздно, особенно на таком турнире, как чемпионат мира, обращается себе во вред.

Показательно, как бы в противовес игровой манере англичан, провел в этом матче свой второй гол Марадона. Это был «звездный» гол, гол высшего достоинства. Одного за другим аргентинский форвард обвел троих защитников, выбежавшего вратаря Шилтона и даже не забил, а закинул мяч в пустые ворота. Пусть этот гол был личным достижением Марадоны, но стиль исполнения был характерен для игры аргентинской сборной, более затейливой и разнообразной, чем у их соперников.

Я остановился на четырех четвертьфинальных матчах для того, чтобы обратить внимание читателей на их несхожесть, несмотря на то, что по внешним, цифровым итогам они близки друг другу. Такая несхожесть выгодно аттестует и чемпионат, и состояние футбола в целом, нет ничего более унылого, чем одинаковость команд во всех проявлениях. Если же попытаться выразить общее впечатление от этого XIII чемпионата, то я бы позволил себе сказать так: он меня не очаровал, но и ни в коем случае не разочаровал.

После того, как закончились эти четыре матча, я попытался представить: а как бы выглядели полуфиналы, если бы игровое счастье было милостиво к побежденным, что вполне могло случиться? Смотрите: Бразилия — Мексика и Англия — Испания. Что ж, достаточно представительные были бы и в таком случае призеры. А вспомним еще ранее выбывшие из турнира сборные Дании, Италии, СССР. Определенно в современном футболе нет дефицита в командах сильных, со своеобразной игрой.

Что же касается разного рода поучительных, достойных внимания частностей и тонкостей, то, не сомневаюсь, зоркие глаза тренеров и мастеров их подметили. В прошлое воскресенье наш «Спартак» проиграл в Баку «Нефтчи», и в действиях бакинцев мелькало кое-что перенятое из увиденного на телеэкране. Но требуется и критическое отношение к некоторым явлениям и сценам. Скажем, демонстративные падения и «мучения» советским мастерам не к лицу.

Итак, 29 июня мир футбола получит очередного чемпиона. Как всегда в таких случаях, мы всесторонне, во всех деталях разберем и его турнирный опыт, и его игровые достоинства. Однако будем помнить и то, что не одним чемпионам дано пролагать дорогу футболу, наш путь не покорный кильватер, а нескончаемое соперничество, которое только и рождает истину.

ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ

В. КАВЕРИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунки П. Пинкисевича

БРИЛЛИАНТ

Достоевский написал свою повесть «Маленький герой» в Петропавловской крепости. И это поразительно. «Я, конечно, гоню все соблазны от воображения, но другой раз с ними не справишься, и прежняя жизнь так и ломится в душу, и прошлое переживается снова»,— писал он брату, ожидая суда и, может быть, казни.

Прошлое — это первая любовь, и герою одиннадцать лет. Я не сидел в крепости, и мне не грозила смертная казнь. К сожалению, между мною и Достоевским нет ни малейшего сходства. Но я тоже влюбился впервые в одиннадцать лет в женщину гораздо старше себя. Это было перед первой мировой войной. Наша большая, шумная, беспорядочная семья (управлявшаяся, как выразился друг моего старшего брата, денщиком отца и кухаркой) жила в Пскове, старинном городе, в то время еще сохранившем все рыцарские черты русского средневековья. В гости к сестрам, которые были едва ли не вдвое старше меня, приехала Соня Туманян, бестужевская курсистка, невысокая, стройная, загорелая, почему-то носившая черную бархатку на шее, чем-то дополнявшую впечатление изящности и нежности, которые были главными в ее походке, во всем, что она делала и о чем говорила. Некогда в античной медицине было трагическое определение «гиппократово лицо», предсказывающее неизбежность смерти. У Сони было прекрасное, смугло-бледное, тонкое лицо, предсказывающее несчастливую жизнь.

Старшие братья и сестры не замечали меня. Бывают широкие, глубокие озера, включающие в себя узкую, родниковую речку, иногда более холодную или более теплую, но как-то умудряющуюся сохранить свою независимость. Так и я жил в то памятное лето. Может быть, я влюбился в Соню потому, что она единственная заметила меня, ласково заговорила со мной и с неподдельным интересом выслушала мои стихи, которые я ежедневно писал, твердо решив стать знаменитым поэтом.

В Соне мне нравилось решительно все: и легкий армянский акцент, и редкая привычка задумываться среди оживленного разговора, и в особенности почему-то черная бархатка на шее, и то, что в нее когда-то стреляли. Да, да, у нее в жизни была трагическая история. Гвардейский офицер, любивший ее и бешено ревновавший к другому офицеру, сделал ей предложение и, когда она отказалась, выстрелил в нее из пистолета. Соня чудом осталась жива — бархатка скрывала шрам, оставшийся от пули.

Интересно было уже то, что Соня была армянка. Армения представлялась мне одним большим домом со множеством комнат, которые незаметно переходят одна в другую. Ручные соловьи, никогда не ссорившиеся, пели в Армении так, что люди из самых отдаленных стран приезжали послушать их и, может быть, даже плакали, вспоминая свое детство. В этом мраморном городе-доме жила Соня Туманян, и проезжавших гостей она встречала в сопровождении отряда бабочек, а соловьи пели песню, которую для торжественного приема сочинила знаменитая бабочка-композитор. Каждую бабочку Соня знала по имени, а однодневкам разрешала жить еще два-три дня, а иногда целую неделю. Она была королевой бабочек, и, когда влюбленный офицер стрелял в нее, большая бабочка-махаон мелькнула перед его глазами, и он промахнулся.

Теперь она приехала с моими сестрами во Псков, ходила с черной бархаткой на шее и потеряла большой бриллиант из броши, которой она закалывала легкую блузку, сквозь тонкие кружева которой были видны ее свежие плечи.

Три дня этот большой бриллиант искал весь дом, и мой брат Сашка сказал, что его, может быть, найдут, когда ученые откроют магнит, притягивающий бриллианты. Но другой брат, студент, приехавший вместе с сестрами, сказал, что это вздор и что бриллиант можно найти только в одном случае: разделить все пространство сада на маленькие квадраты и с лупой в руках просмотреть каждую клетку, заглядывая под каждую травинку и каждую дырочку, которую оставляют черви, выползая после дождя из своего крошечного дома.

Впрочем, Соня не была, кажется, очень огорчена. Она только заметила, что этой брошке, должно быть, не меньше двух или трех сотен лет, потому что ее прапрабабушка подарила ее бабушке, бабушка — Сониной матери, а Сонина мать, которая рано умерла,— Соне. Я решил, что найду бриллиант, как бы это ни было трудно. Каждый день, сняв чулки (весной я провалился в первый класс и вынужден был расстаться с брюками — нянька у меня их отобрала), с утра с лупой в руках я ползал по саду. Сашка смеялся надо мной, утверждая, что я ищу иголку в сене, а взрослые, занятые своими делами — они влюблялись, ссорились, мирились, женились, спорили,— и не замечали меня. Летом я купался в Великой каждый день, а теперь стал купаться только по вечерам. Были жаркие дни, и в часы моих поисков пот катил с меня градом.

Уже на третий день я решил, что это — интересное занятие, которым стоило заниматься, даже не думая о бриллианте. Никогда до сих пор я не смотрел на землю с такого близкого расстояния. И теперь оказалось, что я не имею о ней ни малейшего понятия. Она жила своей жизнью, о которой мы, люди, даже не подозревали. Нам казалось, например, что ее населяли мы. Между тем ее населяло множество насекомых, крылатых и бескрылых, ползающих и бегающих, и очень редко позволяющих себе отдыхать. Например, я, не задумываясь, совал палку в муравейник, не подозревая, что разрушаю целый город, построенный необыкновенно искусно, с проспектами, улицами и переулками, с солдатами и офицерами, с рабочими и рабами. Ветка, сломанная ветром и примявшая траву, упорно, хотя и с трудом отодвига-

Продолжение. См. «Огонек» № 25.

лась другими травинками, если они нуждались в солнце, чтобы еще подрасти. Впоследствии Заболоцкий написал в поэме «Торжество земледелия»: «Тут природа вся валялась в страшно диком беспорядке...» Но, перечитывая ее, я теперь подумал, что он был не прав. Муравей тащил крошечный обрывок сосновой коры туда, где ему надлежало стоять или лежать; пчела, мне казалось, узнавала от другой пчелы, где растут медоносные цветы и куда надо лететь, направо или налево. В конце концов я решил, что эти мурашки и букашки, шмели, бабочки и пчелы прекрасно знают о нашем существовании и терпят нас только как неизбежное зло. В действительности они могли прекрасно существовать и без нас и, должно быть, существовали миллионы лет, не обращая на нас никакого внимания.

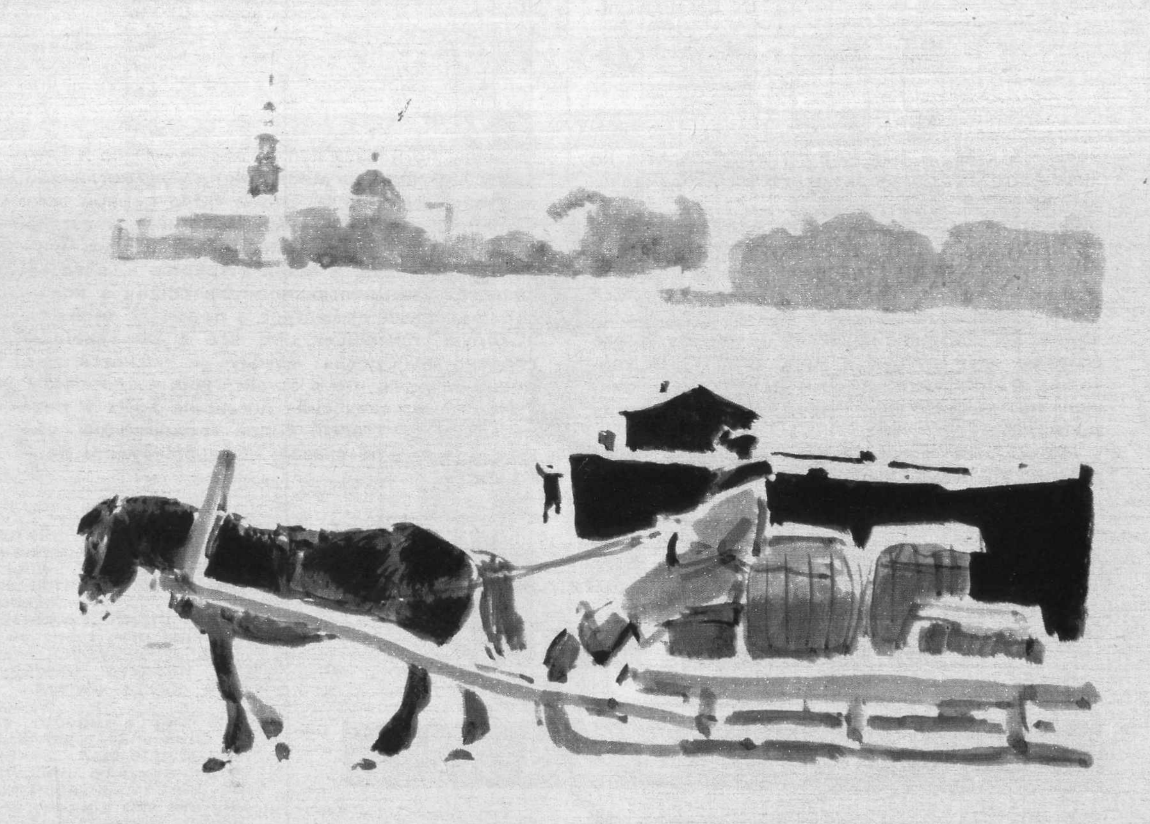
Короче говоря, я нашел бриллиант. Она потеряла его, когда девушки собирали клубнику. Он лежал как ни в чем не бывало и, без сомнения, просто ждал, когда я найду его,— такой у него был беспечный, сияющий, уверенный вид. Я поднял его и поцеловал, хотя он был немного запачкан землей.

Соня спала в гамаке, слегка покачивающемся, может быть, от ее дыхания. Ангелы, сторожившие ее сон, уже улетели, у них было в этот день много дел.

Я стоял, держа бриллиант в руке, и ждал, когда Соня проснется. Время остановилось. Я любил ее, и мне казалось, что никогда я никого уже больше не буду любить. Ветерок легко сдвинул косынку на ее груди, но она не проснулась. Где-то происходили мировые события. Гимназист Гаврило Принцип в этот день убил в Сараеве эрц-герцога Фердинанда и его жену. Германия намеревалась объявить войну России, а Соня спала, не слышно дыша, и я стоял подле нее и думал, что в мире нет ничего нежнее и красивее ее, и не знал, что это чувство я испытывал в первый и последний раз. Налетевший ветер разбудил ее, но она еще лежала с закрытыми глазами. Наконец, я тронул ее за руку, она открыла глаза, и, наверное, у меня был странный и растерянный вид. Невозможно было просто сказать, что я нашел бриллиант, и я молча разжал ладонь.

— Нашел? — сказала она с изумлением.

Я ничего не ответил. Она поцеловала меня. Мне было очень грустно.

НА ЛЬДУ

У меня дурная привычка: бесцельно бродить по улицам и думать. На этот раз я забрел далеко — на Каменный остров. Был ясный солнечный морозный день, когда снег не может прийти в себя от удивления, что вопреки всем его усилиям он начинает понемногу таять. От Каменного острова до Петроградской стороны довольно далеко, и я решил, что устал,— подчас приходят в голову такие неожиданные решения. А может быть, я не устал, а мне просто захотелось пересечь наискосок Неву по лыжному следу и таким образом вспомнить студенческие времена, когда от льва, дремавшего напротив Адмиралтейства, я круто поворачивал налево и по занесенному снегом, нетронутому льду доходил до университета. Словом, я спустился с берега и пошел в город по лыжному следу. Я работал тогда над романом «Исполнение желаний». Об этом стоит рассказать немного подробнее.

В рукописях Пушкина, которые после его смерти разбирали Жуковский и Дубельт, удалось открыть зашифрованные строфы, относящиеся к десятой, сожженной главе «Евгения Онегина». Опасаясь ареста, многие деятели, связанные с декабристами, перепрятывали или жгли свои письма. Герою моего романа Трубачевскому, студенту-филологу, удается разгадать шифр, которым пользовался Пушкин. Воспользоваться этим материалом мне посоветовал Юрий Николаевич Тынянов. Я задумался над вопросом: не слишком смело приписать моему герою-первокурснику открытие, над которым работали два или даже три поколения ученых? Вопрос был сложный, и я не заметил, что моя левая нога провалилась. Правда, неглубоко. Но еще шаг или два — и правая последовала примеру левой. Лыжные следы давно исчезли, этого я даже не заметил. Передо мной был квадрат метров в сто или сто пятьдесят, едва затянутый льдом, но, как вся Нева, прикрытый сверкавшим на солнце свежим, удобно устроившимся снегом.

Очевидно, в этом месте брали, пилили и везли в город лед — холодильники еще не существовали. Возвращаться было поздно: лед позади меня был уже разломан. Так же машинально, как все, что я делал в эти мгновения, я встал на четвереньки и осторожно пополз вперед.

Вероятно, это было смешное зрелище, ведь я был в зимнем пальто, которое мне хотелось снять с себя и оставить на льду. Время остановилось. Нет, я полз не как собака — собака бы промчалась по этому проклятому квадрату. Я полз как потерявшая голову черепаха.

Большая, вмерзшая в лед баржа стояла недалеко от берега, и опасный квадрат кончился только подле нее. Впрочем, кончился — не то слово. Он тянулся и дальше, но под огромным неподвижным рулем было нетронутое ледяное очень маленькое пространство. Я встал на устойчивый, сплотившийся вокруг руля лед и наконец смог отдышаться. Что делать дальше? Как добраться до берега?

По набережной тянулись подводы. Просить помощи? Но я даже не мог найти подходящих слов. Кричать «Спасите!» — это было глупо. «Тону?» — но я уже не тонул. По рулю забраться на баржу было невозможно. Не помню, что я крикнул возчику очередной подводы, но он только приостановил лошадь, махнул рукой и поехал дальше.

В это время недалеко от противоположного берега показалась лыжница, направлявшаяся прямо ко мне. Нет, свернула в сторону. Я крикнул, она приостановилась, и я услышал неожиданный ответ: «Да ну вас, я норму ГТО сдаю!» Прошло полчаса, и я стал понемногу замерзать. Но, к счастью, в это время появились мои спасители, шедшие вдоль Невы на лыжах. Они прошли недалеко от того места, где я провалился, и, надо полагать, услышали мой крик, потому что, обойдя опасный квадрат, направились ко мне. Это были школьники, должно быть, десятого класса. Один из них тронул палкой лед в двух шагах от меня. Лед провалился. Решение было принято безмолвно: другой встал на мое место, отдал мне свои лыжи, и я благополучно добрался до берега. Школьник взял у меня лыжи и вернулся к своему товарищу. Я поблагодарил его, но он не ответил.

Не стал бы я рассказывать эту историю, если бы она не подсказала мне мысль о том, с какой поразительной легкостью человек забывает об опасности, только что грозившей ему неминуемой смертью. Не прошло и десяти минут, как я, бежавший, чтобы согреться, искал глазами афиши Красного театра, в котором должна была состояться премьера моей пьесы. И, найдя афишу, в прекрасном настроении вернулся домой.

На этом история не кончилась. Пообедав, я отправился в издательство «Советский писатель», помещавшееся тогда в Гостином дворе. В подворотне наступил на замерзшую лужу, и лед треснул под ногами. Вот когда я действительно испугался. Более того (воспользуемся старинным выражением) — затрепетал от ужаса.

ПОД ТРОЛЛЕЙБУСОМ

Это странно, но иногда мне хочется рассказать не только то, что случилось со мной, но и то, что не случилось. Не случилось многое.

Я не стал поэтом, хотя много лет писал стихи и был убежден, что природа создала меня именно для этой благородной цели.

Я не стал офицером, хотя вырос в военной семье и мой друг Эммануил Казакевич однажды сказал, что я мог бы командовать батальоном.

Написав девять пьес, я все-таки не стал драматургом, хотя мне до смерти нравилось сидеть рядом с режиссером в пустом темном зале и записывать, какая сцена удалась актерам, а какая не удалась.

Не стал дипломатом, хотя окончил Институт восточных языков, готовивший сотрудников посольств и дипломатов. Более того, с годами я убедился в том, что совершенно не умею хитрить или думать одно, а говорить другое.

Не стал актером, хотя в детстве разыгрывал целые сцены, изображая Мозжухина или Сло-

нова,— я стар, и разумеется, многие даже не знают, что был такой знаменитый провинциальный артист.

Писателем в конце концов я стал, но тоже не таким, как бы мне хотелось. Виктор Шкловский в своих многочисленных книгах писал о давлении времени, считая, что подвергнуться этому давлению полезно, а иногда даже необходимо. Я с трудом научился не следовать его советам, хотя он был в молодости моим учителем, а в старости, когда я его почти не понимал, тем не менее был предметом изумления и восхищения.

Может быть, читателю хочется узнать, каким я хотел бы стать писателем? Ну, скажем, таким, как Генрих Гейне, в котором прекрасно уживались лирика рядом с иронией, нежность — с беспощадностью, а мужество — с терпением и печалью. Для этого нужно многое: легкость и глубина ума, свежесть и смелость чувства. А у меня не хватало ни того, ни другого, ни третьего.

Эта маленькая история относится как раз к той поре, когда мне очень хотелось стать драматургом. Должно быть, к середине сороковых годов.

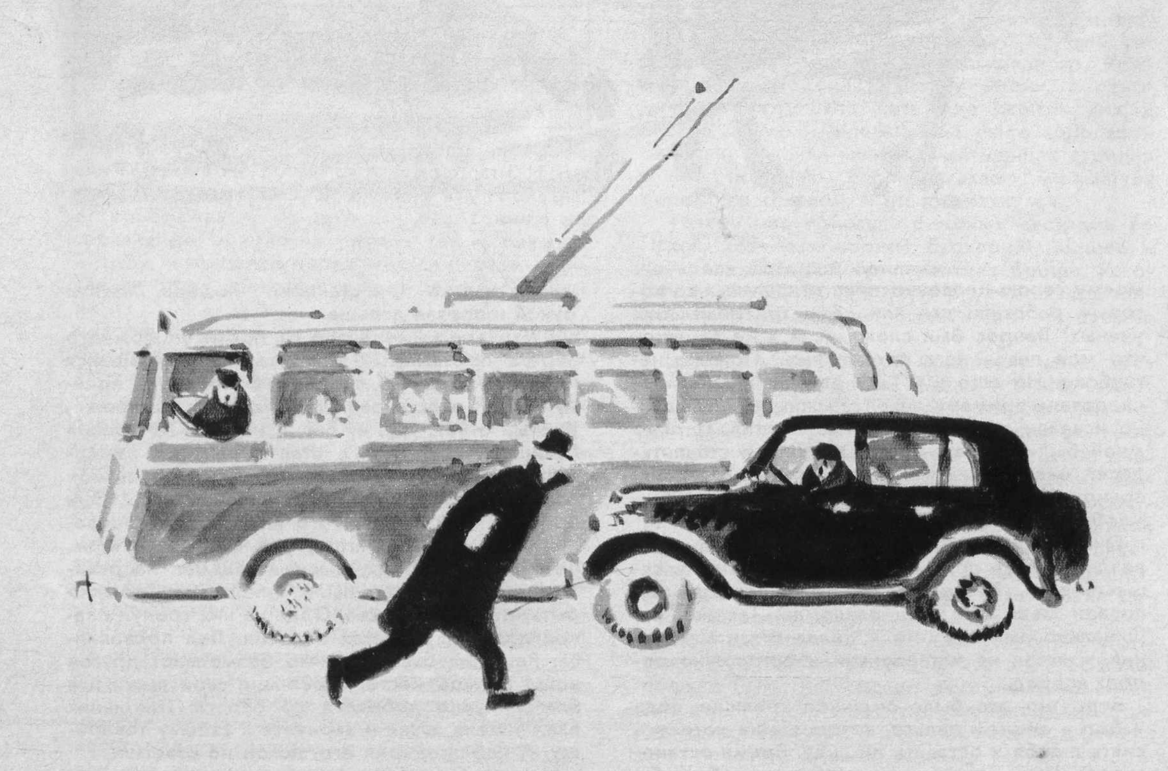
Театральными делами тогда занималась красивая женщина, в которую я был немного влюблен. Фамилия ее была несколько странная — Олидор, что не мешало ей быть, кажется, коренной москвичкой. О ней рассказывали, что, когда она спросила у одного драматурга, почему он так добивается перевода какой-то маленькой певицы из Новосибирска в Москву, он ответил: «Потому что я ее люблю»,— и Олидор немедленно исполнила его просьбу. Но прежде чем увидеть ее, мне надо было встретиться с заместителем председателя Комитета по делам искусств.

Если не ошибаюсь, его фамилия была Солодовников.

Так вот, торопясь к нему, я попал под троллейбус.

Конечно, я не писал бы этих строк, если бы шофер не свернул на панель, едва не раздавив несколько ни в чем не повинных людей. К сожалению, я не знаю ни имени, ни фамилии человека, который спас мне жизнь. Он сделал все возможное, колеса проехались только по носкам моих ботинок и слегка отдавили пальцы, а ведь, как известно, можно купить новые ботинки, но нельзя купить новую жизнь. Я оказался лежащим на мостовой на углу Неглинной и Кузнецкого моста. Это и было первое впечатление: небо (я лежал на спине) и взгляд снизу на множество колес, объезжавших меня справа и слева. Я встал с трудом и, едва ли сознавая, что делаю, все-таки пошел в комитет. Знакомый драматург в подъезде вызывал «Скорую помощь». «Ах, все в порядке?» — спросил он, бросая трубку и, кажется, не очень радуясь, что я остался жив и здоров.

Не знаю, какая сила потащила меня в раздевалку, где старый седой гардеробщик, вешая мое пальто, сказал: «Судьба! Будете долго жить».

Пальцы болели, но та же необъяснимая сила привела меня к Солодовникову, у которого сидел какой-то иностранец и в кабинет которого я вошел без доклада, хотя девушка-секретарь настойчиво просила меня подождать.

Солодовников говорил с иностранцем, когда я вошел, и очень удивился (мы едва были знакомы), когда я с волнением стал рассказывать, что чуть не попал под троллейбус. Без сомнения, я забыл, почему мне так необходимо было срочно увидеть его. Рассказывал я подробно и даже показал раздавленные носки ботинок. Может быть, он решил, что я немного сошел с ума. Он сочувственно спросил меня о чем-то, я не ответил. Мне надо было немедленно рассказать ему, что я чуть не попал под троллейбус, а то, что у него прием, и то, что какой-то иностранец, очевидно, явившийся к нему по важному делу, терпеливо ждал конца моего бессвязного рассказа,— это было совершенно неважно. Наконец, наступило неловкое молчание — об этом я все-таки кое-как догадался. Оно продолжалось недолго, пока Солодовников не спросил очень вежливо, не хочу ли я воспользоваться его машиной. Вот тут я опомнился, извинился, поблагодарил, и он протянул руку к телефонной трубке.

Пьеса, о которой мне хотелось поговорить с ним, была напечатана, но не попала на театральную сцену. Через тридцать лет ею заинтересовалось телевидение. Заново отредактированная и сокращенная, она была недурно поставлена и показана несколько раз. Впрочем, почти все мои пьесы были в конце концов поставлены. Но ни одной из них я не включил в мое последнее собрание сочинений.

ВЫСТРЕЛ

Когда началась война и я сделался военным корреспондентом ТАСС, мне выдали превосходную кавалерийскую шинель и два револьвера. Шинель пришлась мне впору, я выглядел в ней таким бравым, что однажды в сумерках два младших офицера, отдавая честь, прошли мимо меня строевым шагом — приняли за генерала.

Один револьвер был наган, а второй — маленький, никелированный, дамский, и руководитель ЛенТАСС Анцелович объяснил мне, как нужно с ним обращаться. Он подарил его мне просто потому, что любил оружие и безошибочно угадал эту склонность во мне. Возвращаясь домой, я встретил Борю Стрельникова, сына известного композитора, который шел к моей дочери Наташе и очень огорчился, узнав, что она уже эвакуирована из Ленинграда. Он сказал, что мне идет форма, и, узнав, что я теперь военкор ТАСС, воскликнул с воодушевлением: «Как хорошо. Геройская смерть военкора в бою!» Я не суеверен, но все же не могу сказать, что это восторженное восклицание так уж понравилось мне. Кстати, когда через год «Известия» отправляли меня на Северный флот, где я должен был заменить погибшего корреспондента, фотограф, снимавший меня для удостоверения, повторил восклицание, наметил мое роковое будущее другими словами, но в близком значении. «Последний портрет Каверина!» — сказал он с удовлетворением.

...Мне захотелось похвастать перед Борей своим оружием, и я показал ему револьверы. Он с интересом рассматривал их. В особенности понравился ему изящный дамский револьвер.

— Заряжен? — спросил он.

— Да. Но мы сейчас поставим его на предохранитель.

И я, как показывал Анцелович, до отказа передвинул какой-то рычажок.

— Вот и все.

Я нажал на спусковой крючок. Но, к сожалению, это было далеко не все. Раздался выстрел, и пуля, пролетев в нескольких сантиметрах от головы Бори, проделала дырку в потолке. Боря остался спокоен. Но я... я не просто испугался, но оцепенел, живо представив себе, что этот красивый, стройный шестнадцатилетний мальчик лежит передо мной в луже крови с простреленной головой.

Кончилась война, многое изменилось, прошли годы, а дырка в потолке осталась. Она, как неумолимый символ судьбы, напоминала, что нелепая случайность могла бы до неузнаваемости изменить мою жизнь, отравить ее, навсегда лишить душевного спокойствия, без которого нельзя жить и работать.

Она напоминала мне, что благополучная семья известного композитора была бы глубоко потрясена, потеряв единственного сына. И не на войне, где каждый выстрел, сливаясь с бесчисленным множеством других, посылается по назначению, а бесцельно, бессмысленно, напрасно...

Окончание следует.

Кадр из фильма.

ТВ

ЧТО НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Цикл художественных телефильмов, объединенный общим названием «Государственная граница», был задуман как кинолетопись, повествующая о героических страницах пограничных войск Союза ССР. Это фильмы, неоднозначные по своим художественным достоинствам, но их роднит глубоко заинтересованная интонация рассказа о воинах в зеленых фуражках, их патриотизме, мужестве и находчивости.

Совсем недавно была перевернута очередная, пятая страница кинолетописи — двухсерийная лента «Год 1941», снятая на киностудии «Беларусьфильм» по заказу Гостелерадио СССР. Она рассказывает о героизме советских воинов-пограничников, вставших на защиту Отчизны в первые дни фашистского нашествия. Фильм поставлен кинорежиссером Вячеславом Никифоровым по сценарию писателя Олега Смирнова.

Фильм прост и неприхотлив в подборе художественных средств, в стилистике кинорассказа и в то же время глубоко символичен.

Первая серия знакомит зрителя с буднями пограничной заставы на берегу Буга. Обычная застава, каких много. Молодой, не в меру горячий командир Сушенцов (Д. Матвеев), его ровесник, замполит Белов (Е. Леонов-Гладышев), их жены — Ирина (В. Сотникова) и Ольга (М. Левтова), маленькие дети... Размеренная, строгая, годами отлаженная жизнь, подчиненная воинскому уставу. Пограничники ходят в дозор, чистят оружие, строят укрепления, занимаются спортом, танцуют с девушками, читают письма из дома, мечтают...

Здесь у каждого своя судьба. Образ заставы с ее буднями и случайными праздниками как бы вместил в себя маленькое отражение времени, в котором жила тогда вся страна. Мир, куда то и дело врываются суровые отголоски грядущих событий: провокации на границе, фашисты, люди с другого берега, с виду пока не очень страшные, но наглые в своих действиях, циничные.

Суббота, 21 июня. Никто на заставе пока не знает, что ждет их ранним утром следующего дня... Знаем мы, зрители, потомки тех, кто кровью навечно вписал свои имена в историю.

Камера не торопится, дает нам возможность вглядеться в лица героев, запомнить. Белые рубашки, детские игрушки, маятник часов на стене, волейбольная сетка, патефонные пластинки... Все это уже вскоре будет безжалостно растоптано, разрушено, сожжено, раздавлено сапогами, смято гусеницами танков... Но не забыто.

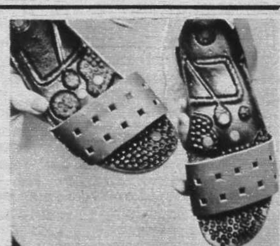
...В жестоком, неравном бою гибнет застава. Чудом оставшийся в живых старшина Левада помогает своему командиру Сушенцову бежать из фашистского плена. «Дошли...» — скажет лейтенант Сушенцов, опустившись на дно окопа после прорыва через линию фронта к своим. Да, они дошли. Дошли, чтобы вернуться сюда, на линию границы, пройти дальше, до Берлина.

Символичен рефрен фильма: то и дело возникает в кадре пограничный столб с Государственным гербом СССР. Щит Родины. Ее символ. Поверженный врагом, он затем вновь оживет в кадрах кинохроники, найденный и установленный советскими воинами на заново обретенных священных рубежах. Теперь уже навсегда. Навечно!

На киностудии «Беларусьфильм» готовятся к съемкам следующего, шестого фильма героической кинолетописи. Телезрителей ждет новая встреча с полюбившимися героями сериала, знакомыми и новыми.

А. ТРИФОНОВ

АКУПРЕССУРА В... БОСОНОЖКАХ

Чехословакия — крупнейший экспортер обуви в Советский Союз. Только от предприятия словацкого объединения ОГАКО советские люди получают ежегодно около 15 миллионов пар. Многие модели разработаны в Институте рационализации кожевенной и обувной промышленности в городе Партизанске. Одна из новинок — босоножки с акупрессурой.

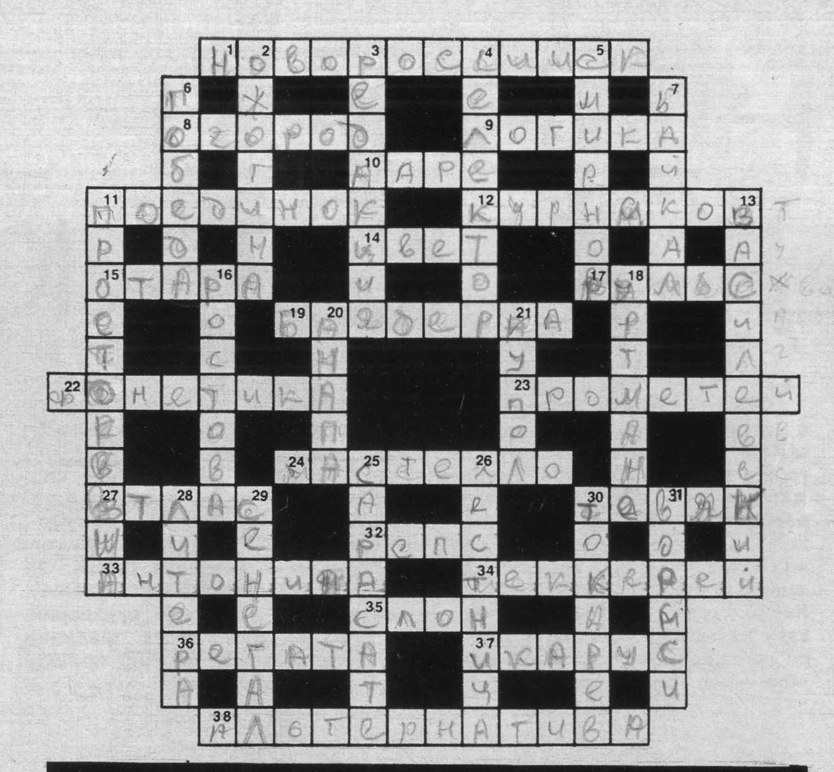
Известно, что давление на некоторые точки ушных раковин, ладоней, подошв оказывает определенное воздействие на человеческий организм.

И вот, проконсультировавшись с медиками, словацкие обувщики предложили сандалеты, у которых на внутренней стороне подошвы есть выступы-бугорки с магнитами. Авторы новинки инженеры Славомир Майтас и Петер Минарович считают, что если носить такую обувь, то у человека улучшится физическое и психическое состояние. Лечебную обувь испытывали медсестры Института здравоохранения в Партизанске. По мнению врачей, это помогало стабилизировать кровяное давление. Одновременно акупрессура подошв снижала ощущение холода, усталости.

Подготовлены новые образцы лечебной обуви, которые испытываются кафедрой фармакологии университета имени Палацкого в городе Оломоуц. Созданы четыре типа стелек с разным расположением выступов-бугорков. Стельки первого типа действуют на обмен веществ в организме, второго — на двигательный аппарат, третьего — совсем не имеют бугорков, они точно соответствуют анатомическому профилю ступни, а стельки четвертого типа оказывают общее стимулирующее воздействие. После окончания исследований начнется выпуск лечебной обуви.

Однако следует помнить, что акупрессурная обувь — не средство от всех болезней. Она предназначена для профилактики, общего улучшения физического и психического состояния человека.

По материалам чехословацкого журнала «Свет социализма»

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Город-герой. 8. Участок земли под овощами. 9. Наука о способах доказательств и опровержений. 10. Река в Швейцарии. 11. Повесть А. И. Куприна. 12. Советский физико-химик, академик, основатель научной школы. 14. Окраска. 15. Стадо овец. 17. Бальный танец. 19. Балет Л. Ф. Минкуса. 22. Раздел языкознания. 23. Симфоническая поэма А. Н. Скрябина. 24. Летчик, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. 27. Собрание карт. 30. Серый тюлень. 32. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 33. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 34. Английский писатель XIX века. 35. Шахматная фигура. 36. Состязание на спортивных судах. 37. Марка венгерских автобусов. 38. Необходимость выбора одного из нескольких возможных решений.

По вертикали: 2. Приток Колымы. 3. Помещение, где редактируется какое-либо издание. 4. Электромеханическое устройство в системе связи. 5. Автор книги «Брестская крепость». 6. Высший военный орден СССР. 7. Озеро в Восточной Сибири. 11. Молочный продукт. 13. Маршал Советского Союза. 16. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 18. Актриса из Латвии, народная артистка СССР. 20. Курорт в Краснодарском крае. 21. Сферическая крыша. 25. Популярный испанский скрипач и композитор. 26. Сооружение для подъема и спуска. 28. Брусочек с выпуклым изображением буквы, печатного знака. 29. Государство в Западной Африке. 30. Конструктор стрелкового оружия, Герой Социалистического Труда. 31. Остров у берегов Эстонии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 4. Профилакторий. 9. Штамп. 11. Генуя. 12. «Буревестник». 13. Гигиена. 16. Фермент. 19. Совка. 20. Лауреат. 21. Капуста. 22. Антре. 24. Трактат. 26. Линейка. 28. Систематика. 32. Тарле. 33. Аршин. 34. Оперативность.

По вертикали: 1. Линде. 2. Фадеечев. 3. Ответ. 5. Ромб. 6. Илек. 7. Стихи. 8. Лукин. 10. Путешествие. 11. Гидропоника. 13. Галит. 14. Груша. 15. Астат. 16. Факел. 17. Ессей. 18. Ткана. 23. Турмалин. 25. Рубаб. 27. Кизим. 28. Слип. 29. Тукай. 30. Тонна. 31. Арат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На порогах реки Прут.

Фото У. ПАЖЕ (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Загребущий * Бюрократический круг * Приукрашиватель * Работает спустя рукава.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.06.86. Подписано к печати 24.06.86. А 01990. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1836. Заказ № 2901.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НЕ „БИСТРО", НО БЫСТРО?

К. БАРЫКИН,
фото Г. КОПОСОВА

Строго говоря, экспресс-кафе придуманы не сегодня. «С пылу, с жару на пятак пара...» — есть (было!) не что иное, как приглашение поесть быстро. Поговаривают, что и французские бистро пошли от этого же слова — «быстро». Когда в начале прошлого века русские солдаты оказались в Париже, они, заглядывая в кабачки, нередко поторапливали: «Быстро, быстро...» Из российского «общепита» кое-что заимствовали даже заграничные рестораторы. Один из нью-йоркских журналов рассказал о гении западной кулинарии Антонине Карэм. Он «внес порядок в хаос, господствовавший в кулинарном искусстве». Каким образом! Господин Карэм пригляделся к русской кулинарии, взял из нее лучшее; попросту говоря, русские кулинарные традиции «сделал практикой во всех европейских столицах». С тех пор прошло много лет, многое позабылось!..

Идея быстрого общепита в последние годы обострилась, особенно в больших городах, где темп и ритм такие, что обычной столовой за ними не угнаться. Долго этого «не понимали» москвичи, упорно сопротивлялись, не хотели создавать экспресс-кафе и быстрые закусочные, где было бы что-то одно — то ли пончик, то ли омлет с ломтиком ветчины или еще какое «сольное» блюдо, непременно вкусное, незатейливое, желательно недорогое. Пожалуй, нынешнее лето можно считать началом возрождения быстрого, удобного общепита. На улице Герцена открыли «Оладьи». Стоит в уголке небольшая машина, сама печет (350 за час), сама переворачивает поджаристые, аппетитные оладьи — только успевай.

— Такие автоматы, да в каждую бы рабочую столовую,— говорю я начальнику Главобщепита столицы Виктору Ивановичу Родичеву. Он не возражает, но...

— На весь город пока одна такая машина. Придумана она, к слову, ялтинским умельцем. Мы пытались разместить заказ на каком-нибудь столичном предприятии. Не удалось. Хорошо, что киевляне пошли навстречу. «Киевторгмаш» отозвался на нашу просьбу, но не может он сделать столько аппаратов, сколько нужно.

Еще одни «Оладьи» открываются на Бауманской, в помещении, где прежде был склад. Но два таких кафетерия на Москву — это меньше чем мало. Общепит хотел бы открыть их десять, двадцать, сто. Но кто даст помещения, кто сделает те же автоматы?

Быстрое кафе без современного инженерного оснащения — всего лишь благое пожелание. Но мощная столичная промышленность отстранилась от того, чтобы дать общепиту хорошую печь для кондитеров, ту же оладьевую машину; миксер, чтобы скоро и вкусно можно было приготовить коктейль из соков с мороженым; иное оборудование. Винить в этом только заводы и фабрики не рискну. Работники главка если и не смирились с таким положением, то пасуют там, где надо бы проявить настойчивость. Ради дела можно побраниться не только с подчиненными. Не мешало бы активнее, глубже ставить вопросы перед Моссоветом, перед Министерством торговли СССР. Пока же в общении с этими организациями у Главобщепита тон скорее просительный, чем аргументированно требовательный; а это не современный стиль.

...Сейчас в Москве более восьми с половиной тысяч различных предприятий общественного питания. Каждый день в них столуются пять с половиной миллионов человек. Отлично! Миллионы, тысячи! Не спешите... Есть предел, на котором мы перестаем ощущать реальность цифры. Так и тут: почти девять тысяч кафе и столовых — вроде бы куда же больше? А зайдите в субботний день на ВДНХ, в зоны отдыха близ границ Москвы, побывайте на таких магистралях, как проспект Мира, Ленинский, на Садовом кольце и на Бульварном. Да что эти районы! Идите в центр, в Столешников переулок или на площадь Пушкина; едва ли удастся поесть быстро и вкусно. Конечно, можно этот дефицит попытаться решить ресторанами или штучными, по какому-нибудь индивидуальному проекту сотворенными кафетериями. Но жизнь — такая штука, что распоряжается общепитовским хозяйством по-своему. Горожанин (а гость города — и того более) не хочет и не может часами высиживать в ожидании бифштекса.

Столичные общепитовцы после долгих лет молчаливого созерцания начинают улавливать эту ситуацию, не заманивают едока за тяжелые ресторанные двери, а пытаются идти ему навстречу — кафе «под зонтиками», блинными, чайными, молочными, бутербродными. К слову, о тех же зонтиках. «Север», кафе на улице Горького, выставило на тротуар несколько столиков с легкими, ажурного плетения стульями. Меньше места осталось пешеходам. Но вот что интересно: никто из этих самых пешеходов не протестует против такой тесноты, не ворчит; всем эти столики сразу как-то пришлись по душе, да и улицу они украсили.

Сколько еще есть таких простых, но пока не используемых общепитовцами решений? Правда, не все удается реализовать без бюрократии. Как только пытаются занять какой-нибудь свободный «пятачок» столиком или развозной тележкой, сразу вопрос-окрик: «Согласовано?» Покажи бумаги от пожарного надзора, от санинспекции, от автоинспекции, от... Недели уходят на согласование. А столик с соками — дело такое: сегодня он не нужен, а завтра подскочил столбик термометра — и поспешай... Безалкогольному столу нужны стаканы, кувшины, вазочки. Но хрустальные и стеклозаводы еще «не перестроились» и гонят рюмки, фужеры, бокалы.

Опыт говорит: одному общепиту всех забот не решить. Сил не хватит. Посудите сами: для того, чтобы переоборудовать разные подвальчики и даже квартиры первых этажей под кафе, для этого надо иметь не ремстройтрест, а крупную строительную организацию. Ее нет. Правильно, что нет — пусть каждый делает свое дело. Но только в прошлом году Главмосстрой недодал общепиту 26 помещений... Вспоминаю кафе и столовые рижского объединения «ВЭФ» и думаю о том, что и столичным заводам и фабрикам не мешало бы присмотреться к проблеме, помочь ее решению. Хорошее безалкогольное кафе рядом с фабрикой могло бы стать и клубом. Поставить на улице, где живут рабочие этого предприятия, пять зонтиков и холодильный прилавок — разве это сложно для завода?.. Да и в обустройстве стационарных кафе и буфетов могли бы многое сделать промышленные предприятия.

В прошлом году в Москве намеревались открыть 234 экспресс-кафе, но появилось только сто девяносто. В основном в центральной части города. Почему? Вот передо мной адреса: улицы Герцена, Пушкинская, Горького, Арбат, Даев переулок, и сквозь этот центральный регион робко пробивающиеся Хавская улица, Краснопрудная. На Новослободской «Сластена» — единственное на этой магистрали кафе. Надо сказать, что очень мало установок для охлаждения соков, нет тех же автоматов для выпечки оладий, нет даже мерных ложек для мороженого. В это «нет» вносят свою лепту и сами общепитовцы. Разучились готовить сбитень. Забыли, что это такое? Прежде со сбитнем соперничали только квасы и морсы: хлебные, можжевеловые, брусничные, смородиновые, мятные, с хреном, с медом... А сейчас известен всего один вид кваса. Отчего? Или мяты не стало? Мы наловчились создавать проблемы.

Особый разговор об Арбате, а тем самым об улицах, которым судьба определяет стать пешеходными. Здесь открыли «Старое фото» — изящное, не наспех оборудованное кафе. Мороженое, безалкогольные напитки, бутерброды, кофе черный и с молоком, всякая сладкая выпечка, соки, взбитые сливки. Хорошо? Но почему для такого оригинального кафе не придумать столь же оригинальное («только у нас») блюдо? Не разгонять его на два-три рубля за порцию, но на выдумку не скупиться.

Когда-то считалось, что только рестораны дают казне большой доход. Но когда отказались от этого устаревшего представления, когда прикинули-подсчитали, оказалось, что кафе, если их много, очень выгодны. Ежедневная выручка того же «Старого фото» — около шестисот, подчас и семисот рублей. «Оладьи» наторговывают за день на пятьсот рублей. Открыли на Арбате и ресторан «Русские пельмени», здесь можно поесть плотно, основательно. Свои, фирменные блюда: «русская закуска», мясо по-русски, пельмени из кур, пельмени пикантные. И вдруг в перечне натыкаюсь на «арбатский сувенир». Полноте. Поаккуратнее с названиями.

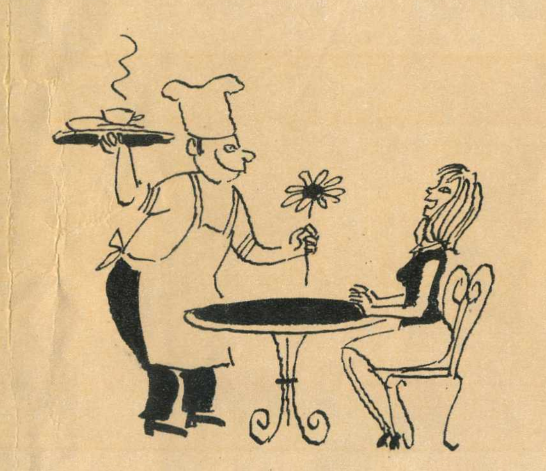
Небольшой опыт Арбата показал, что на пешеходных улицах общепит должен действовать особо продуманно. Тут нужны и крупные кафе и уютные ресторанчики, но прежде всего два-три столика с небольшой стойкой, где можно выпить чашечку кофе, съесть аппетитный пирожок... Словом, экспресс-кафе, бистро или быстро, как хотите...

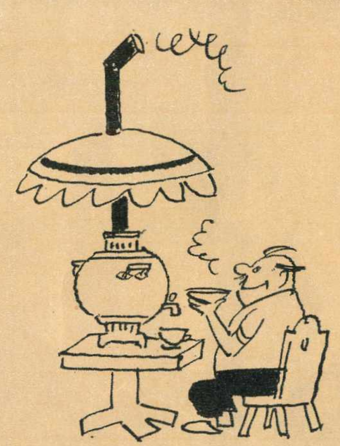

«Старое фото» на Старом Арбате.

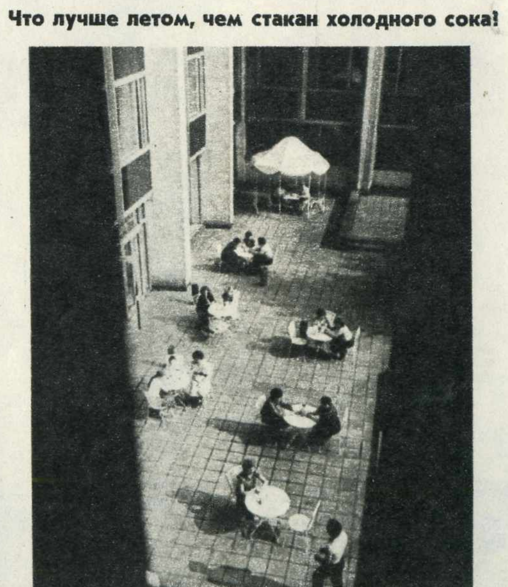
Угощает «Охотный ряд».

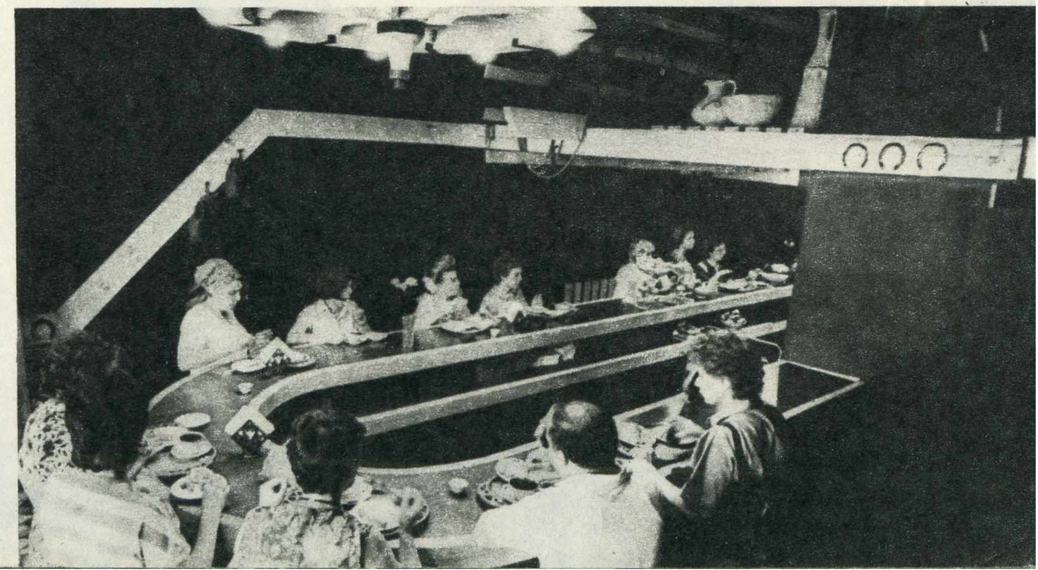

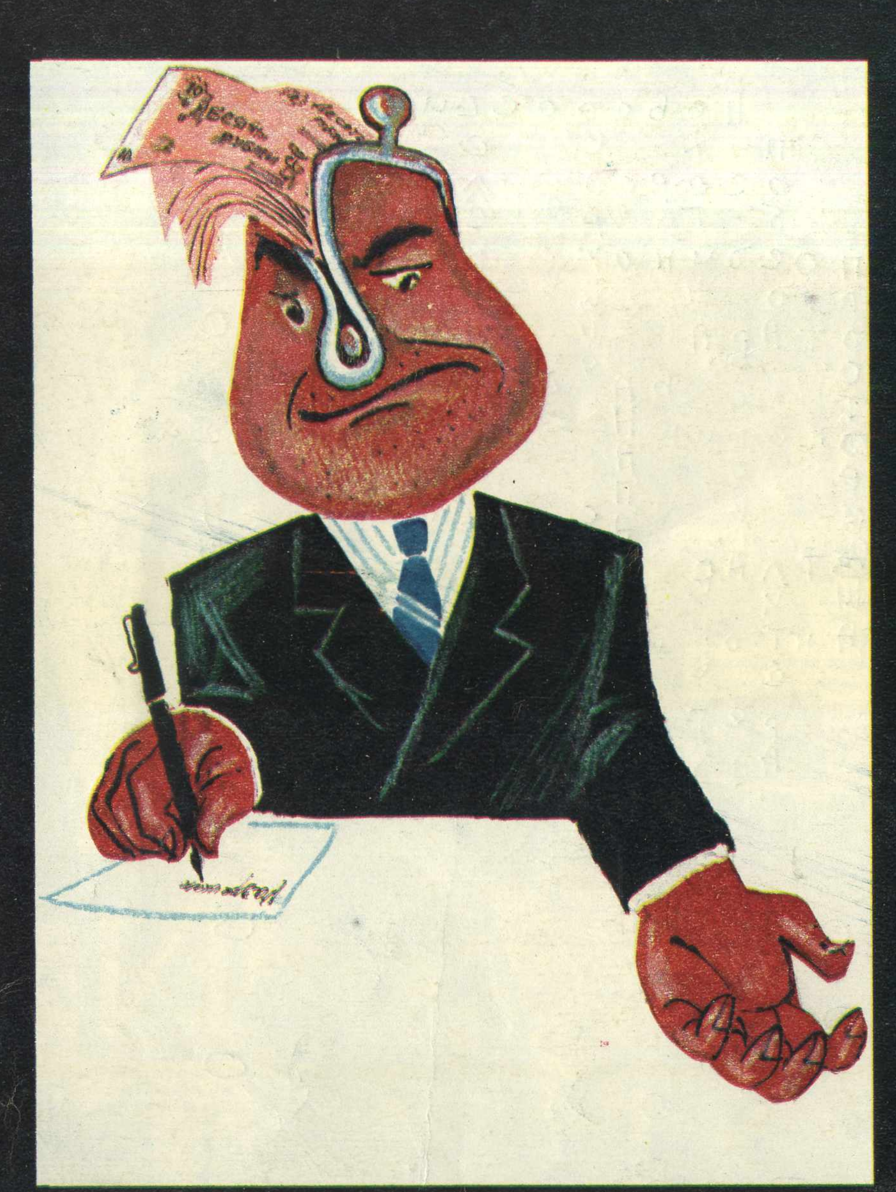

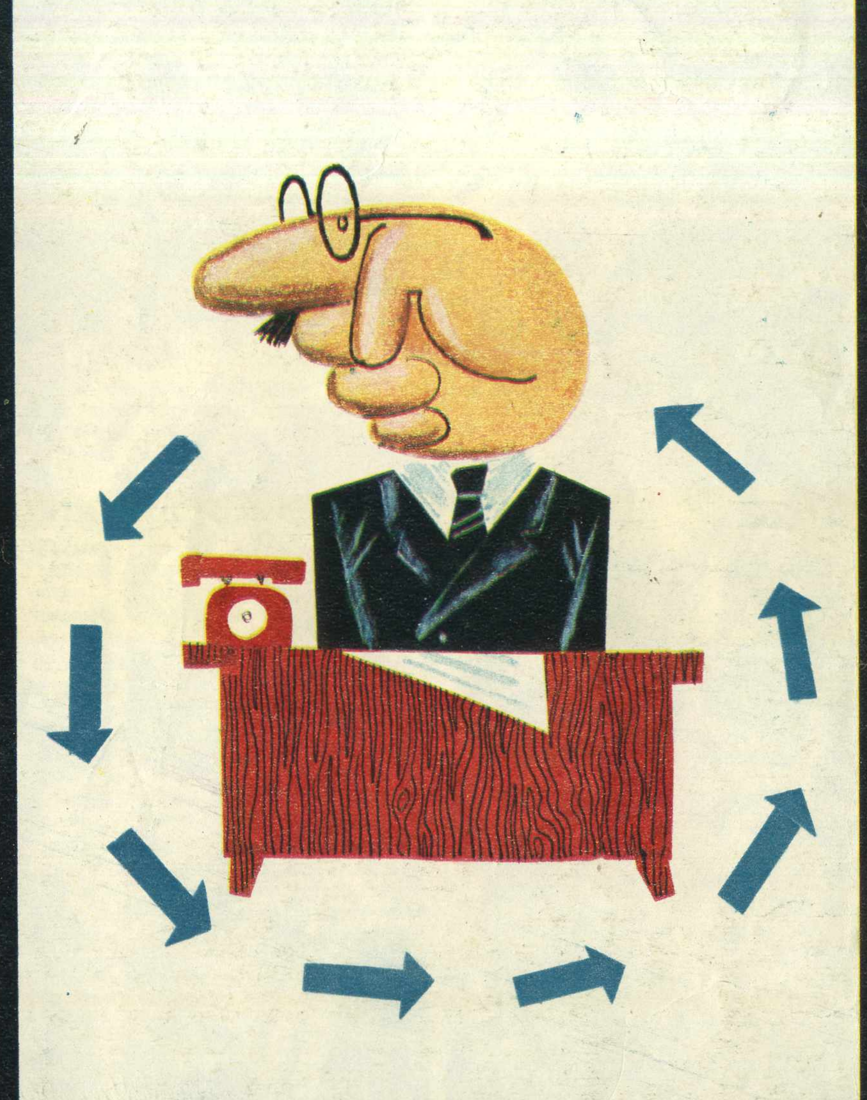
Что лучше летом, чем стакан холодного сока!

В кафе «Арба».

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131—0097